

902.7(Д21)
А24

М.А. Агларов

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

**в Нагорном
Дагестане
в XVII –
начале XIX в.**

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН

Агларов М. А.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В НАГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ В XVII – НАЧАЛЕ XIX В.

(Исследование взаимоотношения
форм хозяйства, социальных структур и этноса)

Второе издание, дополненное

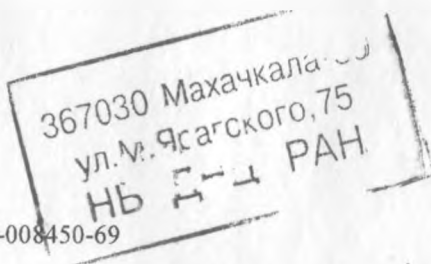
Махачкала 2014

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН,
профессор Амирханов Х.А.

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). – Махачкала, 2014. – 290 с.
Второе издание.

183803

Монография является всесторонним исследованием горнодагестанской общины – джамаата, как универсальной формы общественно политической организации горцев Дагестана, до его присоединения к России. В книге дан анализ организации экономики, социальных структур, права, форм самоуправления гражданской общины в Горном Дагестане. По основополагающим признакам горнодагестанская община – джамаат, как показано в книге, повторяет схему устройства гражданской общины – полиса античного мира. Одним из результатов исследования явилась предлагаемая автором новая концепция причин «вековой загадки кавказоведения» – феномена удивительного многоязычия Дагестана.

ISBN 5-02-008450-69

© Агларов М. А., 2014 г.

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

«В этой книге автор впервые в историко-этнографическом кавказоведении обосновал новую концепцию о гражданской общине как универсальной форме социального и политического устройства обществ Восточного Кавказа до начала XIX века»

Профессор А.Р. Шихсаидов

* * *

«Проводимые Агларовым М.А. аналогии с древнегреческим полисом из области организации территорий, из области права, планировки поселений и т.п. достоверны. Поражает воображение близость параллелей между горно-дагестанской общиной и античным полисом.

Агларов отказался от традиционного взгляда на феномен полиэтничности Дагестана как следствия географической изолированности большинства населявших его общностей; отказался от объяснения полиэтничности как следствия традиций эндогамных (внутриобщинных) браков. Ключом к решению проблемы М.А. Агларов избрал горную общину, джамаат, которая в течение многих столетий являлась фокусом всей экономической, социальной и политической жизни Дагестана. Этот вывод, будучи итогом впервые предпринятого столь полного и скрупулезного анализа проблемы, несомненно является вкладом в конкретное изучение истории и этнографии Дагестана и в разработку общей теории этноса»

Из отзыва профессора ЛГУ А.В. Гадло

* * *

«М.А. Агларов раскрыл механизмы культурной реакции на формы политической организации, которая привела к известному многоязычию и этнокультурной дробности Дагестана».

Из отзыва директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого

д.и.н. Ю.К. Чистова

* * *

В научной литературе существует не так много книг, которые кардинально меняют направление научной мысли и определяют

представление о изучаемом предмете на многие годы вперед. Именно к таким работам принадлежит книга М.А. Агларова «Сельская Община в Нагорном Дагестане в VII – начале XIX в.». В своей работе М.А. Агларов не только представил переосмысление огромного пласта исследований по общественно-политическому строю в Дагестане, но и открыл новые подходы, далеко опередившие догматические взгляды характерные для советской науки того времени. Ни один ученый мира, обращающийся к изучению экономической, общественной и политической истории Кавказа не может пройти мимо этой лучшей в российском и мировом этнографическом кавказоведении книги, переиздание которой нам представляется давно назревшей необходимостью.

*Д-р Анна Зелькина,
Лондонский университет*

* * *

«Очень перспективную идею высказал дагестанский исследователь М.А. Агларов, развивающий концепцию цивилизационного типологического единства Циркумпонтийского региона (в который включается и Кавказ). В результате типологического анализа общественного устройства дагестанских «вольных обществ» М.А. Агларов пришел к выводу о несостоятельности интерпретации этого исторического феномена в «контексте феодальных форм», в котором «вольным обществам отводится роль первых стадий начальной фазы феодальной формации». Он пишет: «...предпринятое исследование привело нас к убеждению, что сами общинные формы, пережив качественно новые изменения в отношениях собственности, поднялись на уровень самоуправляемых политических образований («республики», «вольные общества», суперсоюзы и федерации «вольных обществ» и т.д.) и в таком качестве встали вровень с феодальными образованиями. Это означает убеждение в едином уровне общественно-экономического развития Дагестана исследуемого периода в пределах «вторичной общественно-экономической формации» (К. Маркс). ... Самоуправляемая гражданская община (полис), пожалуй, одно из самых высоких достижений социального и политического развития Средиземноморского мира в древности, но она, как показывают исследования последних двух десятилетий, была присуща и Циркумпонтийскому региону». М.А. Агларов оперирует конкретным материалом Нагорного Дагестана, где хроническое малоземелье и

террасное земледелие способствовали наиболее яркому проявлению типологических черт горской гражданской общины, основанной на частной собственности на землю при коллективном владении территориями».

*Георгий Дерлугьян,
заместитель директора Центра
международных и сравнительных исследований
Северо-Западного университета, Чикаго, США.*

* * *

Ряд исследователей полагают, что дело не в отличиях между Востоком и Западом. Согласно так называемому «закону Монтескье» размеры общества коррелируются с типом политического режима. Для маленьких обществ характерна республика, для средних – монархия, для больших – деспотия. В такой позиции есть своя логика, поскольку значительная территория действительно предполагает большие административные усилия власти (единственное бросающееся в глаза исключение – США). Небольшая территория позволяет населению обеспечивать эффективный контроль за «управителями», препятствовать отдельным лицам монополизации политической власти, а в случае необходимости – ввести прямое демократическое правление. Придерживающийся этой идеи М. А. Агларов проводит прямые аналогии между общинными порядками Нагорного Дагестана и древнегреческими полисами. Агларов выделил два варианта дагестанских горских общин: дисперсные *джамааты* (общины), состоящие из нескольких небольших деревушек, и возникшие в результате синойкизма урбанизированные *джамааты*. *Джамааты* объединялись в «вольные общества», последние составляли общий «союз» или «конфедерацию» вольных обществ Нагорного Дагестана (Агларов 1988)..»

Крадин Н.Н.

* * *

«In Daghestan, however, many villages grew into the sizable fortified towns with substantial trade fairs, artisanal manufacturing, and elaborate civic institutions. [A detailed description is provided by M. A. Aglarov, *Selskaia obschina v Nagornom Daghestane*, XVII – nachalo XIX vv. [Rural Community in the Mountainous Daghestan in the 17th-early 19th centuries.] Moscow: Nauka, 19812] Such villages emerged

mostly in the zone of mountain terrace agriculture where the tremendous investment of communal effort in building and maintaining the fields, canals, and aqueducts created what Michael Mann calls the 'caging' effect – a labor investment so big that it trapped its creators into the permanent occupation of the same spot and thus led to the development of a civilization. The example of Daghestan villages presents another piece of evidence against Karl Wittfogel's notorious 'hydraulic' theory of Oriental despotism[14]. Evidently, the management of quite complex irrigation systems could be done through the democratic reglamentation of land and water rights in an egalitarian community and without the imposition of an imperial bureaucracy. But we ought to leave here these fascinating aspects of North Caucasian history because arguably they would require a separate treatment. The example of Daghestani villages presents another piece of evidence against Karl Wittfogel's notorious 'hydraulic' theory of Oriental despotism

*Георгий Дерлугьян,
заместитель директора
Центра международных
и сравнительных исследований
Северо-Западного университета, Чикаго, США.*

* * *

It is a pleasure for me to add a few words to celebrate the second edition of "Selskaya obshina", and the author Mamaikhan Aglarov. I have been his friend and colleague for some 30 years. He has always written beyond politics about for example ancient Yemeni terraced irrigation, Caucasian adat-customary and public law and the value of village society, drawing from his Andi roots. His works have a current relevance to modern life and offer subtle insight towards healing the troubled post-Soviet Caucasus. Through this combination of the past and present he has carved out his place as a great Caucasologist, as both a scholar and a living example of the rich personality that makes people from the mountains special. In short, he has enriched fellow Daghestanis and foreigners with his scholarship, teaching, original thinking, humanity and wisdom.

*Robert Chenciner, affiliated scholar
at University of Oxford.*

Професор Мамайхан Агларов смята, че древните гръцки полиси и независимите дагестански общини имат сходни схеми на организация. В Дагестан до 19 в. управителите избирани от обществата се отчитали пред народното събрание, което се свиквало ежегодно на празника на първата бразда. Независимата дагестанска община била универсална всеобхватна социално-политическа система. Съюзи от тези общини образували републики, а някои отделни общества като Кубачи, Ахты – самостоятелни микродържави. Те претърпяват криза когато влизат в централизирана държава – имамата на Шамил, а по-късно в Русия. Старите административни деления се съхранили, но самоуправлението и съдиите били поставени под контрола на вертикалната иерархия.

България. Източници: ichkeria.info

www.ndelo.ru www.odnoselchane.ru/

Auteur(s) / Author(s) AGLAROV M. A.;

Résumé / Abstract

Le système qui s'est développé au Daghestan est unique. Il est composé de "sociétés", et leurs unions possèdent une structure hiérarchique complexe de gouvernement et une tendance prononcée à l'autonomie locale. L'A. considère que le pluralisme ethnoculturel et linguistique qui prévaut au Daghestan représente une réponse au pluralisme des pouvoirs politiques qui a régné au Daghestan jusqu'au début du 20e siècle.

Revue / Journal Title

Sovetskaja etnografija ISSN 0038-5050

Source / Source

1987, n^o4, pp. 48-58 **Langue / Language** Russe

Editeur / Publisher

Nauka, Moskva, (1931-1991) (Revue)

Mots-clés anglais / English Keywords

Politics; Local power ; Autonomy; Ethnic pluralism; Cultural pluralism ; History ; USSR ; Daghestan ; Social structure ;

Mots-clés français / French Keywords

Politique ; Pouvoir local ; Autonomie ; Pluralisme ethnique ; Pluralisme culturel ; Histoire ; URSS ; Daghestan ; Structure sociale ;

Copyright 2008 INIST-CNRS. All rights reserved

Toute reproduction ou diffusion même partielle, par quelque procédé ou sur tout support que ce soit, ne pourra être faite sans l'accord préalable écrit de l'INIST-CNRS.

ВВЕДЕНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Монография, второе издание которой предлагается вниманию читателя, являлась первым всесторонним, новаторским исследованием горнодагестанской общины – джамаата, как универсальной формы общественно-политической организации горцев Дагестана, до начала XIX в. Община (или «Сельское Общество», как она стала именоваться позже, при Российских властях) представляла собой микрополитическое образование, являвшееся звеном, а не нижней ячейкой общества. По основополагающим признакам горнодагестанская община – джамаат, как показано в книге, по базисным признакам землевладения и, соответственно, организации самоуправления, аналогична схеме устройства гражданской общины – полиса античного мира. Такая община целиком выстраивала военные, правовые и политические функции, как и классы, включая общинную знать, а иногда и феодальные сословия в единый общинный организм с гражданским самоуправлением.

Одним из результатов исследования явилась предлагаемая автором новая концепция причин «вековой загадки кавказоведения» – феномена полиэтничности – удивительного многоязычия Дагестана, как культурной реакции на политическую структуру общества.

Во втором издании не изменены ни стиль, ни историографические подробности каждого вопроса или проблем, что особо требовалось в 80-е годы прошлого столетия, когда еще продолжалась эпоха концептуальных штампов. В данном издании приведены новые параграфы с замечательным описанием «даргинской республики» Максудом Алихановым Аварским или механизмы выборов правителя в Мекеги по описанию Расулом Магомедовым и другие материалы историографического и иллюстративного характера. Исправлены некоторые описки в первом издании как, например, выражение в одном из основных выводе: «такая община *интегрирует* феодальные формы», в первом издании заменено противоположным: «такая община *генерирует* феодальные формы»!

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В историко-этнографическом кавказоведении имеется несколько популярных мест, явившихся по существу основными штрихами стереотипного образа Дагестана, созданного еще в прошлом столетии. Один из них – полиэтничность, которую древние и современные писатели называют одинаково образно и удивленно: «гора языков» (Масуди), «многоцветный ковер народов» (Расул Гамзатов). Второй штрих касается общественного строя Дагестана: он страна загадочных «кавказских республик», по старинному наименованию, или «вольных обществ», покрывших своей сетью край целиком, сосуществуя и в некотором смысле пронизывая собой известные феодальные образования Восточного Кавказа. Третье «общее место», третий штрих – аграрная перенаселенность нагорной части Дагестана или малоземелье, что привязывают к притче о горце, который потерял свой участок земли, но обнаружил его под своей брошенной на землю наплечной буркой. В этой картине все соответствовало параметрам архаического общества: «примитивная экономика» и «экономическая неудовлетворенность» как основные причины военно-политической экспансии, соответствие общественно-политических норм «вольных обществ» устройству военных демократий, объяснение этнической мозаики бесконечно долгой сохранностью родоплеменных различий в условиях горной изоляции.

Успехи археологии и этнографии, особенно в изучении истории хозяйства и материальной культуры, не только развеяли миф о «примитивности» земледельческо-скотоводческого хозяйства Нагорного Дагестана, но и со всей очевидностью раскрыли реальную картину, противоположную нарисованной выше. Было показано и доказано, что Дагестан является областью «напряженного» земледелия (в сочетании со скотоводством), принявшего такие интенсивные формы, что Дагестан стал одним из крупнейших мировых центров агрикультурного террасирования – наиболее высокопродуктивной формы в условиях гор. (Притча о наплечной бурке в действительности указывала не на малоземелье, а на забавно крохотные размеры отдельных террасных участков, встречающихся

местами.) Фундаментальным достижением в этой области явилось получение неопровержимых доказательств развитости земледелия (Хашаев, 1961: 79-126) в древности (Котович, 1982: 120-153; Амирханов, 1987: 158-181; Гаджиев, 1980: 7-14), равно и получение археологических палеоботанических подтверждений заключению Н.И. Вавилова о вхождении Дагестана наряду с Закавказьем в область первоначального земледелия.

Обществоведение Дагестана исследованиями в области феодальных форм и отношений, анализом сословно-классовой структуры, различных форм зависимости вскрыло несостоятельность прежних оценок, вместе с тем исследование общины (джамаата) и «вольных обществ» дается в современном обществоведении в общем контексте феодальных форм и отношений, «вольным обществам» отводится роль первых стадий начальной фазы феодальной формации. Все это создает картину функционирования на Кавказе, в данном случае в восточной его части, феодальной формации (речь идет о периоде до XIX в.) в стратифицированном виде, где отдельные уровни и фазы предстают в синхронной перспективе, как сосуществование множества укладов, каждый из которых отражает начальные и последующие стадии формации. Подобная иллюзия неизбежна при изучении только феодальных форм и отношений, что является необходимым, но недостаточным условием для создания общей картины формационного состояния дагестанского общества.

Тут как бы должно последовать, что изучение общины, являющееся предметом данной книги, восполнило бы картину, но это не совсем так: предпринятое исследование привело нас к убеждению, что сами общинные формы, пережив качественно новые изменения в отношениях собственности, поднялись на уровень самоуправляемых политических образований («республики», «вольные общества», суперсоюзы и федерации «вольных обществ», конфедерации и т. д.) и в таком качестве встали вровень с феодальными образованиями. Это означает убеждение в едином уровне социального и политического развития Дагестана исследуемого периода в пределах «вторичной общественно-экономической формации» (К. Маркс). Менявшиеся в исторической перспективе различные формы политического правления обслуживали один и тот же базис классовой формации, и в этих пределах последующая интеграция ранее стратифицированного общества так же закономерна, как и обратные явления, смешение их с процессами

разложения «первичной общественно-экономической формации» методологически неправоммерно и псевдонаучно.

Самоуправляемая гражданская община (полис), пожалуй, одно из самых высоких достижений социального и политического развития Средиземноморского мира в древности, но она в разных формах, как показывают исследования последних двух десятилетий, была присуща и Циркумпонтийскому региону. Такие общины или их союзы при определенных условиях имели, как будет показано, «этнографический эффект». Феномен многоязычия (полиэтничности) Дагестана объясняется именно этим состоянием и свойством общин, а не переживаниями «родоплеменных» различий в условиях горной изоляции. Таков «формационный и культурный образ» Дагестана, рисуемый в данной книге.

В заключение несколько слов о «географии» темы. В историко-географической номенклатуре Кавказа определение Нагорный Дагестан имеет в виду своеобразную ландшафтную ситуацию, сложившуюся в результате наличия далеко выдвинутых вперед параллельных основному хребту, пространство между которыми образуют высоко поднятые (до 2000 м над уровнем моря) горные плато или обширные котловины с полустепной растительностью и соответствующим жарким климатом. Реки протекают большей частью не вдоль, между параллельными хребтами, а поперек, «проламывая» их в различных участках, и объединяются в р. Сулак, которая, в свою очередь, по глубочайшему каньону через передовой Гимринский хребет выходит к морю. Котловины, плато и особенно долины рек образуют чередующиеся между собой, иногда повторяющиеся экологические и микроклиматические ниши.

Нагорный Дагестан лишь часть Горного Дагестана, плотно населенная и интенсивно освоенная в хозяйственном отношении. Здесь живут аваро-андо-дидойские народности, лакцы и даргинцы.

instituteofhistory.ru

Глава первая

ИСТОРИОГРАФИЯ. ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ. ИСТОЧНИКИ

1.1 Ранняя русская историография общины и общественного строя в Дагестане. Ранняя русская историография общественного строя народов Дагестана – едва ли не самая любопытная страница историографии Кавказа, которая еще, вероятно, станет предметом тщательного исследования и достойной оценки. Она характеризовалась нарастанием к началу XIX в. интереса, продиктованного прежде всего идеями и движением декабризма в России, к общественно-политическому строю и формам правления в Дагестане. Основным и выдающимся достижением данного этапа было определение форм правления и политико-административного состояния кавказского общества с особой акцептацией внимания на Дагестане, который открывался не только как «гора языков», но и как «музей» множества политических образований с различными формами политического правления и административного устройства. Кульминацией и в то же время завершением этого периода явился труд С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (Броневский, 1823).

1.2. Соприкосновение с административными системами, сложившимися на основе сельских обществ в Горном Дагестане, вынуждало арабоязычных, а также русских и западноевропейских авторов искать адекватную понятийную номенклатуру. М. О. Косвен обращал внимание на то, что «начиная с XVIII в. к Кавказу было применено русское понятие сельского “общества”, однако понятие это осталось совершенно нераскрытым на кавказском материале» (Косвен, 1962: 274). Этой дефиницией в русской историографии определялся строй, несколько отличный от крестьянской, деревенской общины (не в научном понимании последней).

Одновременно понятие «общество», как можно думать, являлось калькой известного в арабоязычных дагестанских источниках арабского слова «джамаат» (جماعة), употреблявшегося для обозначения отдельной общины и иногда, как это сделано в исто-

рической хронике XIV в. (Шихсаидов, 1977:109), союза общин («вольного общества») в смысле определенной социально-политической единицы, а не вообще всякого собрания людей. Термин «джамаат» прочно вошел в том же значении и в языки народов Дагестана как обозначение общины (общества) или собрания ее представителей. Никогда, ни в устной, ни в письменной традиции, слово «джамаат» не применялось просто к аулу или группе аулов как к таковым, если четко не имелась в виду политическая или общественная функции этих поселений. Обычно арабоязычные местные источники называют союзы сельских обществ термином «вилаят» (область или единица административного деления). В арабоязычной традиции (с конца XVI в.) встречается прямое использование собственно аварского обозначения «вольного общества» «бо» (народ, войско), причем авторам рукописей обычное «земля» (ارض) казалось недостаточным, они непременно добавляют ناحية «край, район» (в административном отношении, как это сделано в преамбуле к гидатлинским адатам (Гидатлинские адаты, 1957: 6)).

1.3 Понятие «территория». Русские авторы – военные, чиновники и администраторы, историки, – столкнувшись с необычными для них союзами общин, с самого начала отразили главную их черту, не свойственную обычной крестьянской общине, – административную автономию и суверенность союзов, т. е. союзы обществ были восприняты как род политико-административного деления народов Нагорного Дагестана. Так, один из наиболее осведомленных авторов начала XVIII в., И. Гербер, называл союзы сельских общин так же, как и феодальные владения Дагестана, – «territorium», больше в значении «страна», «край» (Гаджиев, 1979: 262); И. А. Гильденштедт обозначал их как «district» (Guldenstadt, 1787: 486, 493), т. е. как административно-территориальную единицу, не делая различия между политическими образованиями, управляемыми феодалами и советами сельских старейшин.

И. Гербер дал не только географию политических образований в Дагестане, но достаточно четко описал образ правления в них. Так, параграфы его сочинения «Владельцы», «Состояние», составленные в своеобразном жанре ведомости, посвящены описанию политического управления. И. Гербер собственно аварцев, например, определял как «народ, над которым имеется усмей, которого называют Авар-усмей... Только не все авары под его властью состоят, ибо аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждый уезд своего владельца имеет, а под послушанием

усмея не стоят, но и ему подчинены» (Гербер, 1728: 113). Этот же аспект, безусловно, отмечен в лаконичном утверждении П. Г. Буткова, который относительно Аварского ханства писал, что «аварский хан с союзными частными владениями (курсив наш. – М. А.), ему приверженными, но управляемыми народом, имеет до 18 000 (войск) ... из коих народ без позволения его, Умай хана, отлучается на службу за деньги к прочим владельцам» (Бутков, 1798: 40).

Когда речь идет не о единоличном, а коллегиальном (старейшины) политическом управлении, Гербер в параграфе «Владельцы» отмечает: «Таулинцы (андийские народности. – М.А.) имеют в каждом уезде (territorium) своих старшин, которых они сами между собой выбирают... притом кадов из духовных, которые их ссоры судят» (Гербер, 1728: 112). Здесь указано на выборность, коллегиальность правления («в каждом уезде своих старшин») и на фигуру кадия, имевшего статус судьи и соправителя. Характер организации власти в отдельно взятой, но крупной (городского типа) общине И. Гербер наиболее выразительно обрисовал на примере Кубачи: «Они (кубачинцы) каждый год по 12 старшин между собой выбирают, которые в тот год все ссоры судят, и во всем им послушны бывают и понеже все они равны, то очередь до каждого доходит между ими правительственными быть» (Гербер, 1728: 75). Это одно из самых четких описаний, которое не только достоверно, но и отражает наиболее распространенный тип управления для крупных (с квартальным административным делением) поселений, характерный для всего Дагестана. Кубачи при этом обозначено как «territorium». Для малых по форме общин, имевших политическое единство, но локализованных раздельно (так называемые «магалы»), И. Гербер дает несколько иное описание: «Хотя всякая деревня своего старшину имеет, которые территориально вместе содержатся, однако же обыватели оным мало послушны бывают, ибо всяк сам собой господином».

В этих двух кратких характеристиках И. Гербер различил две разновидности или формы сельской общины в Дагестане, из которых первую можно назвать урбанизированной, а вторую – дислоцированной. Первая форма представлена типом крупного населенного пункта со многими правителями, иногда это политический центр союза обществ, но не обязательно, потому что в союз джамаатов могли входить крупные общества с коллегиальным правлением («чIухIби»), но без политического лидерства в союзе одного из них. Вторая форма представлена в виде малых поселений, в каждом из них по старшине, старшины собираются в одно из селе-

ний для разбора дел, т. е. статус низовой политической единицы имеет лишь группа сел («магал»), а не каждое отдельное поселение, что, вероятно, и имеется в виду во фразе: «которые территориально вместе содержатся».

Таким образом, достоинство достаточно лаконичных описаний И. Гербера, сделанных в самом начале XVIII в., заключается прежде всего в том, что он впервые ознакомил читателя и открыл для русской исторической науки так называемые «вольные общества» как управляемые выборными представителями и имеющие самостоятельный статус политической единицы. Более того, в его описаниях отразилось существо двух форм общины, выделяемых нами в данной работе как основное типологическое или формальное различие в политической структуре союзов обществ («вольных обществ»).

Сочинение Гербера как определенный взгляд, концепция общественно-политического строя горцев Дагестана для всего XVIII в. остается наиболее глубоким и репрезентативным по существу; в литературе оно получило высокую оценку (Косвен, 1958: 275). И. Гербер, а вслед за ним Гильденштедт выделяют и характеризуют самую важную сторону «обществ» и «вольных обществ» – политическую самоуправляемость посредством выборных старшин и территориальную обособленность. Обозначение «вольных обществ» как округов (подчеркивая тем самым их административную самостоятельность и обособленность) сохранялось в русских источниках и историографии еще в начале XIX в. (Хрисанф, 1958: 269.), но постепенно уступало новой традиции обозначения союзов обществ как «республик».

1.4. Дефиниция «республика». Дефиниция «республика», которую М.О. Косвен назвал «наивной идеализацией» (Косвен, 1962: 275), в русской и иностранной кавказоведческой литературе была применена только по отношению к Дагестану. Полковник русской армии Я.А. Маркович, будучи в Дагестане (1725–1727 гг.), писал, что «Кубачи город теперь, при нем людей обретается оружейных 2000, имеет себе речь посполитую, (республику – А.М.), которая змени себе выбирает 12 старшин, яким всем людом правлят, а живут они под их державою, вольные себе» (Магомедов, 1999: 209). В некоторых источниках говорится, что правителей «Чине» – здесь избирали не 12, а 7 человек.

Этой дефиницией в историографии было достигнуто выделение таких общественно-политических структур, о которых М.О. Косвен писал, что «весьма рано в истории народов Кавказа

было обращено внимание на более развитые формы общественно-политического устройства, именно особые формы так называемого «горского феодализма», а в связи с этими формами и *особую природу* или *особые стороны* (курсив наш – М. А.) политического существования ”вольных обществ”» (Косвен, 1962: 77).

Политические образования типа союзов общин, ранее определявшиеся как «округа», «республиками» впервые назвал в 1783 г. А.И. Ахвердов (молодой офицер, командированный к гялянскому хану Герейхану П.С. Потемкиным) в своем «Кратком описании кавказских народов, кумыков, чеченцев, карабулак, кистов и побережных персидских городов, тех самых у коих я бывал и сколько известно мне вообще и прочее, с объяснением о числе всякого народа, о именах владельцев их ханов и отчего все они имеют пропитание» (ЦГИА СССР. Ф. Ермоловых.). Затем, в 1796 г., «республикой» Ахтынское «вольное общество» назвал П.Г. Бутков: он писал, что «свинец (добывают) в деревне Куруш Ахтыпаринской республики» (Бутков, 1796: 204). Несколько лет спустя А.И. Ахвердов составил новый трактат с ценнейшими данными о Дагестане, где повторяет свое определение «республика» в отношении ряда обществ Нагорного Дагестана. Относительно союза Акуша-Дарго, различия его от подданных шамхала, он писал: «Ныне войска у него (шамхала. – М.А.) окружных деревень его и республиканцев, называемых Дарго Акуша, собраться может до 15 тысяч человек» (Ахвердов, 1804: 215). А. И. Ахвердов «республиканскими» называет общества «Догузпари и Илису» (Ахвердов, 1804: 220), а также андийцев: «Деревня Анди, род правления которой есть республиканский» (Ахвердов, 1804: 226). Сочинение Ахвердова отличают обстоятельность и добротность, автор известен как знаток многих языков, был хорошо образован и, главное, сведущ (Косвен, 1962: 109).

Дефиниция «республика» проникает в военную и деловую переписку. Так, например, в 1803 г. князь Цицианов упрекал князя Орбелиани в том, что последний «позволил им (джарцам. – М.А.) приступить к сей перемене своевольно, руками, так сказать, Вашими из Джарской республики делается ханство» (Линевич, 1873: 33). Главнокомандующий на Кавказе генерал-майор граф Пауллучи, вероятно, используя дефиницию Ахвердова, в донесениях 1812 г. военному министру Румянцеву о покорении Кюринского ханства называл все союзы джамаатов «республиканскими обществами лезгинов» (ЦГИА СССР. Ф. 8.).

183803

1.5. *Историография эпохи декабризма об общественном строе Дагестана.* Вся предшествующая русская историография общественного строя на Кавказе получила обобщение, а сама проблема – наиболее углубленную разработку у С.М. Броневского. С.М. Броневский, который, согласно М.О. Косвену, дал первую в истории характеристику общественного строя на Кавказе, был офицером, в 1801 г. вышел на гражданскую службу правителем дел канцелярии главначальствующего на Кавказе при Цицианове, позднее служил при департаменте иностранных дел, в последние годы градоначальником Феодосии, откуда был уволен без объяснения причин в годы реакции. С.М. Броневский в кавказоведении известен как автор разностороннего труда «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», изданного им срочно, как сказано в его предисловии, отложив другой важный многолетний труд по истории Кавказа. На Кавказе Броневский занимался правительственной деятельностью и, видимо, соприкасался с декабризмом, чем объясняется срочное издание им книги, отвечавшей острейшему интересу декабристов к политологии в теории и историческом опыте. Обычно кавказоведы широко используют труд Броневского, вернее, материалы из труда, пользуясь им как источником, отбрасывая дефиниции и политологический анализ С.М. Броневским как «курьез» и «наивную идеализацию». На самом же деле именно политологическая часть является наиболее важной, актуальной как в период написания, так и для современного обозрения политической истории Кавказа. Соответственно мы наиболее подробно даем анализ именно этой «курьезной» части книги С. М. Броневского.

С.М. Броневский писал: «Демократическому или народному правлению подведомственны... в Дагестане часть дженгутинцев, Акушинские общества и республика Кубачинская, лезгинские *федеративные* (курсив наш. – М. А.) республики Анди, Зудахара» (Броневский, 1823: 40). Таких «федеративных республик» в Дагестане Броневский насчитал 12.

Следует особо отметить, что Броневский одним из первых в русском кавказоведении обратил внимание на то, что в Аварском ханстве господствовал в целом тот же вид общественного и политического строя, что и в «вольных обществах». «Все владение аварское, – писал Броневский, – составлено из мелких федеративных обществ под покровительством хана аварского, который там имеет собственные поместья, а по мере личных свойств пользуется властью» (Броневский, 1823: 40). Определение Броневского 80

«мелкое федеративное общество», – вероятно, нужно понимать как союз джамаатов, потому что вряд ли он так называл общину (джамаат). Но, употребив в отношении союза понятие «общество», С.М. Броневский, кажется, подготовил почву для того, чтобы с началом войны на Кавказе дефиниция «республика» была заменена определением «общество» с добавлением «вольное»¹ (Дубровин, 1866: 100). Обращает на себя внимание и то, что если Броневский «республиками» и «федеративными республиками» называл независимые политические образования (Цудахар, Анди и др.), то находившиеся под управлением ханов именовал «обществами» или «федеративными обществами», тем самым отличив последние от суверенных политических образований. Сочетание «федеративные общества» вместе с тем означало и то, что зависимость от феодального правителя была не всеобъемлющей, иначе речь бы шла не об «обществах» и тем более не о федерации обществ. С. Броневский, таким образом, видел в Аварском ханстве не монолитное феодальное образование типа княжества, где масса крестьян живет на землях господ, а полиструктурное политическое образование с ограниченной персональной властью, с административным делением на самоуправляемые области.

Действительно, аварские ханы целиком опирались на вполне самостоятельно внутренне самоуправляемое («бо») Хунзахское общество. Чтение законов, собранных Умму-ханом, не оставляет в этом сомнений. Хунзахское «бо» не подлежало ханской юрисдикции, было самостоятельно в заключении договоров с соседними обществами и в распоряжении собственными землями и территорией. Хань со своей стороны не пытались узурпировать эти права у Хунзахского общества, наоборот, поддерживали его вольности, тем самым получая опору в борьбе за земли и власть в более слабых соседних общинах. Такого рода федерации обществ как Хунзахское «бо» внутри всего Аварского государственного образования и имел в виду Броневский. Тут можно вспомнить еще И. Гербера, который за сто лет до Броневского относительно Аварского ханства констатировал ту же ситуацию (1.3).

¹ Правда, определение «вольное общество» было употреблено ранее в приказе Цицианова об «учреждении Александровского редута на Алазани», где говорилось о надзирании «за поведением вольных обществ Чарских». «Вольным обществом» Чары названы также в «Условиях вступления Джарской (Чарской) провинции в российское подданство и присяге, принесенной поверенными вольных обществ провинции 17 апреля 1803 г.». См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1960. Т. 1. С. 421.

В еще одной фразе Броневский характеризовал социальную структуру «республик» тем, что «здесь нет дворян», если не иметь в виду власть выборных старшин, занимавших равную дворянской позиции в социальной структуре, что с большой убедительностью на северокавказском материале показал В.К. Гарданов (Гарданов, 1979: 260). С.М. Броневский писал: «В республиках нет дворян, буде не следует к оным причислить старшин и управляющих наследственно» (Броневский, 1823: 40).

В литературе конца XVIII – начала XIX в. появились также сведения о Джаро-Белоканском вольном обществе, о котором И.П. Петрушевский писал, что «это политическое образование, которое занимало особое место в истории Закавказья», что «Джаро-Белоканские аристократические республики в течение XVIII – начала XIX в. оказывали довольно сильное влияние и на Грузию, и на Северный Азербайджан, и на Дагестан», что «Джар вместе с союзниками, другими вольными обществами был один из сильных политических образований Закавказья» (Петрушевский, 1934: 9). Это «вольное общество» анонимный автор в 1784 г. характеризовал как «федеративную республику» и описывал его управление как «состоящее из главы селения, совета стариков, общего собрания всей общины-джамаата и, наконец, в особо важных случаях «собрания всей нации» (Коцебу, 1826: 258). Полковник Коцебу, автор обстоятельного описания Джаро-Белоканского общества, в 1826 г. отмечал, что «правление чарцев есть аристократическое, или вельможно-народное», и называл пять чарских фамилий, обладавших правом наследственного управления (Коцебу, 1826: 258), а в другом своем сочинении (1830 г.) замечал, что Джаро-Белоканское общество образовало «род федеративной республики» (Гаджиев, 1981: 4). Правление в Джаро-Белоканском обществе еще и в 1841 г., т. е. после изменения Паскевичем образа правления в 1830 г., продолжало называться «республиканским», но уже в прошедшем времени, так как с покорением Закатальской области и вообще с началом войны, в период николаевской реакции дефиниции «республика», «федеративная республика» уступают место понятию «вольное общество» (иногда просто «общество»). К Джаро-Белоканскому политическому образованию определение «аристократическая республика» было вновь применено уже в советской исторической литературе И. П. Петрушевским и П.А. Брюхановым (Петрушевский, 1934: 6; Брюханов, 1947: 158).

Возвращаясь к труду С.М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», следует отметить,

что он занимает особое – в ранней русской историографии Кавказа, – еще должным образом не оцененное место. С помощью шкалы дефиниций, заимствованной из политических учений, автору удалось показать практически все виды организации общественного строя и формы политического управления на Кавказе. Броневский писал: «Три главные вида правления: монархическое, аристократическое и демократическое – известны также в Кавказе, но смешение оных чрезмерно, наипаче первых двух видов» (Броневский, 1823: 38). Броневский отмечал, что «монархическое и аристократическое (правления. – М.А.) еще правильное можно назвать феодальным, потому что князья и ханы, не исключая царя имеретинского, все разделяют власть со своими вассалами, а разность состоит только в степенях власти и относительно их могущества» (Броневский, 1823: 39). Можно понять причину того, что Броневский не заменил «монархическое» правление на «феодальное» правление, хотя, по признанию самого автора, последнее было бы точнее. В то время понятие «феодальное» обозначало больше социальное состояние общества, а не образ правления, тем более не формацию, т. е. это понятие в историографической традиции имело более частное значение. Русская историческая наука той поры переняла из политических учений и применила политическую категорию «республика» для обозначения суверенных политических образований, управляемых выборными, сменяемыми представителями. Суверенностью как разделительным признаком Броневский отличал союзы обществ, находившихся под властью феодальных правителей, от независимых союзов, называя первые «федеративными обществами», а вторые – «федеративными республиками».

В итоге у С.М. Броневского получилась стройная система дефиниций, которая практически исчерпывающе охватила существовавшие на Кавказе формы политических образований.

1. «Монархическое правление» – феодальное государственное образование с ограниченной персональной властью. Пример – Грузинское царство, Аварское, Казикумухское ханства и т. д.

2. «Аристократическими» или «аристодемократическими республиками» названы суверенные союзы обществ, где правила наследственная тухумная знать, так как к правлению допускались только лица, избранные из определенных тухумов (Петрушевский, 1934: 35), т. е. своего рода олигархическая форма правления.

3. «Республика» или «демократическое правление» – это независимый союз или отдельные крупные общества, как Кубачи или

Ботлих, управляемые ежегодно сменяемыми выборными правителями, число которых соответствовало, как правило, числу тухумов или их подразделений, а то и числу кварталов (сел. Чох и др.).

4. «Федеративными республиками» названы союзы «вольных обществ», а иногда и сами «вольные общества», тем самым подчеркнуто равноправное представительство входящих в союз обществ и сообществ.

«Обществами» или «федеративными обществами»² (Хашаев, 1961: 238) названы «вольные общества» и их союзы, во главе которых находились ханы. (Деспотическую форму правления, выделяемую Ш. Монтескье в самостоятельный вид правления (в отличие от Аристотеля, считавшего ее разновидностью монархической), на Кавказе ранняя русская историография не фиксирует.) Нет сомнения, что «три главных вида правления» Броневского – это то же, что и «три различных образа правления» Ш. Монтескье в его знаменитом и популярном среди идеологов декабризма трактате «О духе законов». Ш. Монтескье выделял три образа правления – республиканский, монархический и деспотический, – подразделяя республиканский на демократический и аристократический (Монтескье, 1955: 169, 173, 179). По мнению Ш. Монтескье, республиканский образ правления свойствен преимущественно мелким государствам, монархия – средним и деспотия – огромным государствам. За исключением деспотической, все остальные формы, а также «смешение оных» были обнаружены и описаны Броневским на Кавказе. Эта страница ранней русской историографии Кавказа еще, вероятно, станет предметом специального исследования. Примечательно, что литературовед Р.Ф. Юсуфов обнаруживает и исследует влияние идей французских просветителей на формирование русской романтической литературы о Кавказе конца XVIII – начал XIX в., заключавшееся в поисках и создании образа «естественного человека» в духе Жан-Жака Руссо, поиске и противопоставлений «естественной коллективности» и «естественных связей» самодержавию (Юсуфов, 1964: 41; Юсуфов, 1970: 145). Историография, особенно сочинения С.М. Броневского, в отличие от художественной литературы и публицистики использовала четкие определения из политических учений, идущие еще от Платона и Аристотеля, но несколько модифицирован-

² Х.-М. О. Хашаев корректировал эту дефиницию таким образом: «В действительности в основе объединения не всегда лежал принцип федерации. Союзы создавались и конфедеративным способом», имея в виду главенство центрального общества над другими входившими в союз.

ные и популяризованные в «Духе законов» Ш. Монтескье и политическом трактате Детю де Траси «Комментарии к “Духу законов” Ш. Монтескье», широко использованных в «Русской правде» Пестелем (Нечкина, 1965: 348; Муравьев, Пестель, 1958: 130; Пыпин, 1885: 432). Не идеальные утопические и абстрактные поиски «естественных связей» в духе Руссо, а действительные, жестко установленные реальные формы политического устройства, извлеченные из опыта истории, изложены в трактате великого французского просветителя. Известно, что взгляды Монтескье значительно опережали учение французских просветителей XVIII в., которые в своих утверждениях исходили из «естественного состояния» людей, из чистейшей абстракции – человеческой природы. Знаменитая одиннадцатая глава книги Ш. Монтескье, заключающая учение о государстве и его учреждениях, рисующая политическую, а не абстрактно-естественную свободу, читалась и перечитывалась всеми революционными деятелями великой эпохи конца XVIII – начала XIX в. в том числе декабристами. Монтескье держался исторической точки зрения как в трактовке прошлых эпох, так и в объяснении современных ему социальных отношений, хотя ему и был «не чужд рационализм своего века» (Гальперин, 1936: 13). С.М. Броневский, используя шкалу определений Ш. Монтескье, также исследовал живые и функционировавшие на Кавказе политические формы, охватив не только все их многообразие, но и политическое состояние (зависимые, независимые и т. д.). Удивляет, что такое яркое заимствование схемы Монтескье Броневским осталось не замеченным в литературе XIX – XX столетий.

В понимании авторов начала XIX в., «республика» далеко не «естественная идеальная связь людей» в духе утопических учений. Это только форма организации власти, образ правления. Предпочтение республики деспотии, конкретной политической свободы абстрактной, утопической – в этом суть политического выбора декабристов. Интерес передовой общественно-политической мысли периода декабризма к моделям недеспотических, республиканских форм политической организации общества восходит еще к А.Н. Радищеву и Н.П. Новикову, указавшим на Рим или Новгород – на примеры яркие, но, так сказать, более литературные, относящиеся к древней истории; обнаружение тут же, на краю империи, на Кавказе «республиканских» форм и их описание в период аракеевской реакции непосредственно отвечали революционному, антисамодержавному настрою: изданная в Москве в 1823 г., нака-

нуне декабрьского восстания, книга Броневского сразу стала популярной, имела она и в библиотеке А. С. Пушкина.

Таким образом, можно отметить большой и обостренный интерес в рассматриваемое время к общественному строю и политическим формам, существовавшим на Кавказе (далеко не безразличным передовой и оппозиционно настроенной к самодержавию части русского общества). Соответственно привлечение в русской науке в качестве понятийного аппарата дефиниций «монархическое», «аристократическое», «республиканское» («демократическое») правление было крупным шагом в познании общественного строя горских народов Кавказа. Описание Броневским четырех форм «республик» было глубоким и не имевшим в последующей историографии прецедента проникновением в формы и принципы организации так называемых «вольных обществ».

Этот кульминационный период ранней русской историографии, как правило, рассматривался как курьез, наивная идеализация (Косвен, 1951; Хашаев, 1961: 238–239; Гарданов, 1979: 126; Петрушевский, 1934: 4; Магомедов, 1957: 363; Гаджиев, 1981: 4). Вместе с тем, М.О. Косвен оценивал выявление этих форм как исключительное достижение, однако считал, что открытие «республиканских и демократических форм правления» было не чем иным, как открытием рода на Кавказе, или, как он писал, открытием совокупности «соответствующих отношений, которую можно именовать родовым строем» (Косвен, 1961: 213).

1.6. Историография периода Кавказской войны. Если ранний период русской историографии характеризовался повышенным интересом к общественному строю Дагестана и Кавказа в целом и определенной тенденцией к его научной классификации, то после поражения декабризма и в связи с последовавшей реакцией и началом войны на Кавказе наблюдались резкий спад интереса к общественно-политическим проблемам и возобладание интереса к статистико-географическим и военно-топографическим исследованиям, т.е. в историографии начался период, когда общественному строю или вовсе не уделялось внимания, или давалась крайне искаженная и негативная его картина. Развенчание романтизированного образа Кавказа происходило посредством сентенций и обобщений, далеких от тех, которые давали представители начала века. «Касательно образа правления у горцев можно сказать, что между ними (кроме тех, кои более или менее находятся в зависимости от России) вообще нет положительного управления, но анархия, укрощенная обычаями и страхом кро-

вомщения», – писал, например, Н. Данилевский (Данилевский, 1846: 152). При этом нельзя сказать, что автор был малосведущ в вопросах, касающихся управления, напротив, он писал, что «самовластие всюду ограничивается духовными законами, обычаями. В судебных маловажных делах, гражданских и уголовных, владельцы решают их окончательно, и приговоры их немедленно исполняются; в важных случаях приглашаются для совещания старшины, беки и другие чиновники. Подобный образ правления существует в Лезгистане с тем только различием, что лезгины склонны более к независимости» (Данилевский, 1846: 161). В работах этого периода больше внимания уделяется нравственным оценкам («лезгины, – писал Данилевский, – злы, кровожадны и мстительны; храбрость, отважность, неустрашимость, своеволие и гостеприимство суть общие свойства их» (Данилевский, 1846: 158)), вместе с тем углубляются конкретные знания обо всех политических образованиях Горного Дагестана, что отразилось в сочинениях Розена (Розен, 1958: 281-302), Норденстама (Норденстам, 1958: 319-328) и др., имеющих более значение источников, чем фактов историографии.

Если к 30-40-м годам XIX в. о Северном Кавказе русские и европейские источники дают достаточно подробные сведения (Гарданов, 1979; Чибиров, 1981), то Дагестан, особенно его горная часть, вплоть до 60-х годов (в отношении его общественно-политической организации) оставался изучен недостаточно. Успехи русской исторической науки XVIII – начала XIX в. не были закреплены. Проникнуть в горы Дагестана, особенно Аварию, было непросто вследствие военного состояния. Полковник И.Ф. Гене, например, написавший записки «Некоторые сведения о части Горного Дагестана», в 1836 г., переодевшись горцем, проник в Аварию, был задержан в Чохе, однако бежал (Вейделбаум, 1901: 281-289).

1.7. *М. М. Ковалевский.* После окончательного присоединения Дагестана к России перед властями стала задача военно-административного управления краем, что привело к интенсивному изучению прежде всего общинного права (адата), возрождением и поддержкой которого власти хотели оттеснить на второй план шариат, укрепившийся в юридической практике и в правосознании, особенно за годы имамата. Начался новый, по-своему функциональный период в развитии историко-этнографического кавказоведения. Следствием его было составление исключительно ценных сборников адатов.

В 1864 г. Главный штаб Кавказской армии потребовал от начальника Дагестанской области составления сборников адатов по каждому округу отдельно. Эти сборники были представлены в 1865–1866 гг. в Главный штаб. Однако общий официальный свод, по которому предполагалось судопроизводство, так и не был составлен, но в частном порядке такого рода работу проделал А.В. Комаров. К сожалению, сборники, сделанные, безусловно, с письменных памятников, не сохранили структуру и строй, предложенный в подлинниках, а были перетасованы в попытке создания единого свода. Многие пункты, не соответствовавшие, по мнению администраторов, новым условиям или малозначительные на их взгляд, были исключены, чем своды значительно обесценились как источники. Исключение составляют «Адаты Даргинского округа» (Адаты Даргинского округа, 1873: 1-128; Сандрыгайло, 1899: 67-265), по характеристике М. О. Косвена, «основательный и разнообразный сборник, содержащий уголовное право, которое разделено на общее право и частные адаты каждого из семи обществ, входящих в Даргинский округ» (Косвен, 1962: 244). Отраженный в этом издании правовой строй («общее право и частные адаты») был свойствен всем «вольным обществам», что зафиксировано во всех оригиналах кодексов, выявленных и изданных впоследствии (Памятники, 1965).

Рассматриваемый период ученик М.М. Ковалевского Б. Далгат охарактеризовал следующим образом: «По примеру Англии в Индии и Франции в Алжире было приступлено еще в 40-х годах к официальному собранию адатов горцев (для целей разумного управления краем и водворения в нем гражданственности), но в конце семидесятых годов эта идея была оставлена, и нынче лишь ученые и различные общества обрывками и периодически стараются пополнить этот пробел для научных и практических нужд» (Далгат, 1905: 2).

Правовые памятники в совокупности с конкретными судебными материалами послужили базой для известных исследований М.М. Ковалевского, составивших целую эпоху в исторической социологии, этнографии и правоведении Кавказа. Наряду с записями адатов администрация занялась сбором сведений о тухумной организации, они касались прежде всего форм, названий и функций тухумов. Эти материалы оставались неизданными до нашего времени (Памятники, 1965: 13-54), но также были использованы М. М. Ковалевским в его труде «Закон и обычай на Кавказе».

Община с ее дуализмом общинного и частного землевладения, союзы общин в целом остались вне поля зрения М.М. Ковалевского, хотя у него встречаются редкие, но всегда точные характеристики. Исключительное внимание к праву, квалифицированному им как агнатное, и тухумной организации заслонило для него ведущие черты общественного и политического строя горцев Дагестана. Вместе с тем в работе М.М. Ковалевского с позиций передовых идей своего времени было впервые дано обобщение обильного и яркого кавказского материала в контексте универсальной социально-правовой истории. Научная деятельность М.М. Ковалевского как кавказоведа и влияние его концепций на историографию были огромными и продолжительными, они по сей день остаются предметом исследований (Косвен, 1951; Омаров, 1957; Калоев, 1979).

Краеугольным камнем концепции родового строя на Кавказе Ковалевского было ошибочное представление об «исключительно родовом землевладении» – представление, возможно механически перенесенное им на почву Кавказа из общетеоретических работ того времени (главным образом собственных) о роде и общине. В результате общественные (общинные) земельные владения М.М. Ковалевским чаще всего рассматривались как родовые. Вместе с тем изредка, противореча своей же концепции, М.М. Ковалевский утверждал и противоположное. Приведем часто цитируемое исследователями место: «У горцев Дагестана, как и у лезгин Закатальского округа, совместное владение пастбищами и лесами встречается бок о бок с подворной собственностью в применении к пахоте и лугам» (Ковалевский, 1890: 62). Однако эта линия в последующей историографии, как и в исследованиях самого М.М. Ковалевского, осталась затушеванной, по своему «рецессивной».

Как сам Ковалевский, так и другие крупнейшие кавказоведы, опиравшиеся на его исследования, утверждали, что тухум, который отождествлялся с родом (а потом с его пережитками), являлся имущественно цельной организацией, особенно в части земельных владений. Согласно М.М. Ковалевскому, «дагестанский тухум, подобно германскому и кельтскому роду, с самого начала имел характер имущественного союза, другими словами, земельной общины» (Ковалевский, 1888: 541). Слова «имущественный союз» могли бы быть истолкованы буквально, как это и сделано в «Истории Дагестана» (История Дагестана, 1967: 190), что соответствовало бы действительности, однако последующее (в процити-

рованной фразе) сравнение с германскими и кельтскими родами и предикат «характер... земельной общины» не оставляют сомнений, что речь у М.М. Ковалевского идет о родовом строе как таковом. Вместе с тем следует отметить, что концепция родового строя начала формироваться до работ М. М. Ковалевского. М.О. Косвен отмечал, что еще в 40-х годах XIX в. русская этнография Кавказа подошла вплотную к проблеме родового строя и соседской общины. «...Наконец, он же (К.Ф. Сталь. – М. А.), и это нельзя не признать фактом наиболее значительным, выставил в универсально-историческом плане положение об общинно-родовом строе как о начальной форме общественной организации всего человечества, сохранившейся и у горских народов Кавказа. Таким образом, русским кавказоведением в 50-х годах XIX в. была прямо выставлена родовая или общинно-родовая теория» (Косвен, 1962: 192). Общинно-родовая теория, вернее, теория родового строя на Кавказе тем не менее окончательно сформировалась именно в трудах М. М. Ковалевского.

Теория родового строя на Кавказе в трудах советских историков-кавказоведов признана искусственной архаизацией общественного строя народов Кавказа и отвергнута, что освобождает нас от подробного анализа. Вместе с тем для нашей темы интересны два важных момента из обширного и глубокого труда М.М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе». Исследователей удивило то, что в этом сочинении, где социальные отношения исследуются более, чем право, практически не уделено внимания общине (джамаату), достигшей на Северном Кавказе, особенно в Дагестане, высокого уровня развития, тем более что М.М. Ковалевский был одним из видных теоретиков истории общины и соответственно эта тема занимает в его творчестве одно из ведущих мест (Полянский, 1952). Понять «выпадение» темы общины можно лишь исходя из важной установки Ковалевского, согласно которой соседская община в Дагестане не более чем та же самая родовая, хотя и в расширенном варианте, что все органы самоуправления рода элементарно повторены (воспроизведены) в джамаате, потому при исследовании первого интерес ко второму ослабевал, как к случаю механического расширения родовой общины и не более. Ковалевский писал, что, «подобно тому как тухум имеет своего старейшину и свои родовые строения, так точно община имеет своего старшину и свой общинный сбор, к участию в котором призываются все совершеннолетние мужского пола» (Ковалевский, 1890: 159-160). Это положение как внешне вполне естественное и логичное

нашло отражение в трудах ряда современных исследователей (Алиев, 1972: 161). М.М. Ковалевский писал также, что «нарушение родового принципа расселения необходимо должно было вызвать к жизни образование наряду с родовой особой сельской администрации, сложившейся, по-видимому, по типу первой» (Ковалевский, 1890: 159). Таким образом, М.М. Ковалевский, видя в общине (джамаате) механические соединения «родовых» общин, т.е., вернее, не видя принципиальной разницы между родом и джамаатом, перекрыл первым второе; общинное по сути и форме право горцев Дагестана, призванное регулировать сложные общественно-политические структуры, выраженные в виде джамаатов и их союзов, союзов «вольных обществ» (федераций, конфедераций и др.), он квалифицировал как агнатное (родовое).

Между тем этот вопрос является краеугольным в теории общины вообще и дагестанской в частности. Общины (джамааты) и их союзы («вольные общества») имели институционализированные органы административного правления, чего не было в тухумах. Это во-первых, а во-вторых, так называемый «глава тухума» выдвигался без публичных выборов, сообразно уму, влиянию и репутации. Глава тухума являлся скорее представителем данной социальной группы (тухума) в органах джамаата, нежели администратором в тухуме. В-третьих, каждая малая семья в джамаате, за исключением нескольких случаев, была юридически ответственна перед общиной или союзом общин (в зависимости от того, какой пункт судебника применялся), а не перед тухумом. Не имели тухумы также никаких «общих» сходов: все вопросы, находившиеся во внутритухумной компетенции, решались на совещании глав нескольких влиятельных семей. В-четвертых, тухум не знал также общей собственности, за исключением редко встречаемых объектов хозяйственной или бытовой кооперации.

Тухум не обладал суверенитетом, верховной властью. Община (джамаат) же, напротив, располагала учреждениями внутреннего самоуправления и для внешнеполитических связей. Совет старейших, кадий, правители («чIухIби»), судьи, исполнители, предводители, смотрители, казначей, народное собрание, кодексы адатов («росдал Гадат», «бодул Гадат») на уровне общины (джамаата) или союза общин – вот перечень «реквизита», составлявшего дагестанскую независимую общину. Тухумная «община» ни одним из перечисленных органов или соответствующим статусом и т.д. не располагала, напротив, тухумная организация крайне упрощена и однопланова. Более того, есть основания думать, что последняя в

том качестве, в котором она функционировала в общине, т.е. как представительный социум с ограниченными исполнительными функциями, являлась порождением самой общины на известном уровне ее саморазвития (3.15-3.27).

М.М. Ковалевский, один из первых и глубоких исследователей права народов Кавказа, выдвинул социологическое положение, основанное на правовом материале, о единстве права народов Дагестана. В ходе сравнительного анализа систем адатного права феодалных образований, «вольных обществ», отдельных джамаатов М.М. Ковалевский пришел к следующему выводу: «Пестрота этнографического состава, какой отличается население Дагестана, невольно вызывает в нас предположение, что и юридически обычаи, которым следуют горцы, должны отличаться большим разнообразием... Сравнительное изучение приводит нас к совершенно противоположному выводу, вместо нескольких мы имеем перед собою только одну юридическую систему». М.М. Ковалевский объяснял такое состояние тем, что «проходя общие стадии развития, народности эти вырабатывают независимо друг от друга одинаковые правовые нормы» (Ковалевский, 1890: 140). К этому выводу он пришел, как он сам признавал, против своего ожидания: в Дагестане, где так много народов и политических образований, он полагал множество различных юридических систем, а обнаружил одну. Исходя из глубоко верного положения, что однотипные социальные структуры порождают соответственно единую юридическую надстройку, он объяснил единство юридической системы единым уровнем общественного развития народов Дагестана. Правда, согласно его общей концепции, этот уровень был «повсеместным господством в среде горцев родовой организации» (Ковалевский, 1888: 541). Тем не менее, отражение единого уровня общественного развития народов Дагестана в юридической надстройке, на что настойчиво обращал внимание М.М. Ковалевский, – факт исключительной важности и одно из наиболее глубоких научных обобщений ученого, – как и цитированное уже нами его высказывание о «подворной» собственности на пахоту и сенокосы, осталось в полном забвении. Между тем это обобщение, т. е. единство юридической системы, как следствие единства уровня общественного развития не только научно верно, но и актуально, ибо относительно уровня общественного развития не только горских народов Дагестана, но и всего Кавказа до сих пор нет единого мнения, вопрос продолжает обсуждаться в среде кавказоведов (Тезисы докладов, 1980).

Несмотря на то, что современное историческое знание не подтвердило наличие родового строя на Кавказе, «открытие рода» на Кавказе М. М. Ковалевским в эпоху, когда классики марксизма формировали теорию предыстории человечества, которая ранее мыслилась метафизически, с такими «неизменными» и «изначальными» категориями, как частная собственность, малая индивидуальная семья и т.д., носило передовой характер. Доказательство того, что первобытнообщинная формация как раз жила на иных, коллективистских формах, было выдающимся завоеванием марксизма. Вне этого контекста нельзя рассматривать огромный вклад М. М. Ковалевского в историю общественной мысли своего времени. В распоряжении современного историко-этнографического знания имеются более глубокие и веские данные о первобытнообщинной формации, в том числе на Кавказе, данные большей научной достоверности и хронологического-этапной определенности, чем это было во времена М.М. Ковалевского.

1.8. Современные исследования по истории общины в Дагестане. Проследивая историю этого вопроса в советское время, В.Г. Гаджиев писал, что «мнение (о родовом строе. – М.А.) прочно утвердилось в 20–40-х годах и в советской исторической науке. Во всех изданиях тех лет, будь то газетно-журнальные статьи или специальные работы, «вольные общества» Дагестана представлялись объединениями, застывшими на стадии родового строя... Но время и накопленный дагестанский материал сыграли свою роль» (Гаджиев, 1981: 13-14). В этнографической науке Дагестана преодоление искусственной архаизации общины было затратным: дело в том, что все институты, ранее считавшиеся собственно родо-племенными, затем рассматривались как «пережитки» и изучались как таковые: «вольное общество» отождествлялось с пережитком племени, крупные аулы – с пережитками рода и т.д. (Народы Дагестана, 1955: 33), что по существу не меняло ни методика, ни теорию. Подчеркнем только то, что успех был обеспечен прежде всего благодаря исследованию цельной панорамы хозяйственно-экономической жизни Дагестана, которая как базис не соответствовала родо-племенным отношениям.

Ряд ученых понимали, что при развитом хозяйстве, особенно земледельческом, родовой строй и родовые отношения невозможны, потому «оттесняли» родовой строй далеко в горы. Так, профессор С.В. Юшков писал, что в районах, «расположенных на Главном Кавказском хребте, население которых не могло поддерживать связь с внешним миром и где земледелие было не-

возможно, господствовали родоплеменные отношения» (Юшков, 1938: 70). Были и такие ученые, как академик И.А. Орбели, писавший работы о средневековой культуре Дагестана не в русле господствовавших тенденций (Орбели, 1938: 312), академик Н.И. Вавилов, говоривший о тысячелетнем сельскохозяйственном опыте и террасном земледелии в Дагестане (Вавилов, 1936: 80), этнограф Е.М. Шиллинг, создавший превосходный труд о кубачинцах, где их общественный строй был показан ретроспективно, на основе анализа обрядов и оказался далек от пресловутого родоплеменного (Шиллинг, 1949).

Большая роль в формировании новых взглядов на проблемы общественного строя народов Дагестана принадлежит Х.-М. О. Хашаеву (Хашаев, 1980). Однако он был не единственным, кто формировал современную советскую историографию данной проблемы (Хашаев, 1956). В этой области еще в 40–50-х годах плодотворно работал Р. М. Магомедов. Он, в частности, писал, что «вольное общество – это не племя и не союз племен. Оно представляло собой особую политическую организацию сельских общин-джамаатов» (Магомедов, 1957: 105). Р.М. Магомедов первым из исследователей в Дагестане дал научную характеристику сельской общине и союзам общин как политическим ячейкам, исследовал сословное деление внутри джамаатов, взаимоотношения между джамаатами, принципы образования «вольных обществ», описал межсоюзные взаимоотношения. Р. М. Магомедов предпочитает употребление термина «джамаат» для обозначения сельской общины, так же как это делалось в местной традиции, и в этом заключается значительное преимущество, ибо термин «джамаат» точнее отражает специфику дагестанской общины («сельская община», «соседская община» – категории научно устоявшиеся, в этом их достоинство, но и недостаток, так как они как бы нивелируют множество типов этой универсальной формы).

Община с подробным освещением развитого административного управления общества Башлы была описана С. Ш. Гаджиевой, которая впервые привела такие подробности административного управления общиной, как то, что в Башлах было шесть старшин и 60 тулгуков, осуществлявших публичную власть (Гаджиева, 1961: 142).

Этнографически община в Дагестане долгое время оставалась неизученной специально. Однако историки-дагестановеды в последние десятилетия уделили ей значительное внимание (Гаджиев,

1981: 23-25). А. Р. Шихсаидов обратил внимание на устойчивость сельской общины в период средневековья, что наложило «отпечаток на своеобразие и степень развития феодальных отношений», указал, что общины самостоятельно или же в союзе с другими общинами выступали против притязаний феодализирующей знати (Шихсаидов, 1975: 145). Это обстоятельство все чаще привлекает внимание исследователей (Невская, 1980: 9-10). Община оказала не менее решающее влияние на генезис феодализма и в странах Закавказья, Малой Азии (Новосельцев, 1980: 141). Сила сельских общин, а не слабость зарождающегося или раннего феодализма – действительная причина своеобразия феодализма в Дагестане. Более того, сама община, изменив свою первоначальную природу, располагала качественно новым базисом, где господствовала парцеллярная, частная собственность на землю членов общины, и практически не трансформировалась в феодальный тип землевладения без болезненной деградации к примитивным формам. Феодальному землевладению, как и парцеллярному, предшествует более ранний тип общины, а сама парцеллярная форма землевладения в общине вторичной природы не превращается в феодальную, скорее наоборот (Агларов, 1964: 180). Весьма ценные разработки по истории общины сделал Ш.М. Ахмедов (Алиев, Ахмедов, Умаханов, 1970: 5-71). Оценивая особо весомую роль общины в истории Дагестана, он писал: «Огромное значение сельской общины в истории Дагестана определяется, прежде всего тем, что она являлась основной формой общественной организации дагестанских народов на протяжении целых исторических периодов, когда любой этап общественного развития находил свои конкретные проявления в рамках этой сельской общины» (Ахмедов, 1974: 59; Карпов, 1983: 10-12). Работы Ахмедова интересны как опыт реконструкции истории общины в Дагестане, но недостаток источников и несовершенство ретроспективного метода лишают некоторые их положения убедительности (Дзагурова, 1974: 85).

Новейшие исследования по раннесредневековой археологии, раскопки и открытия целого ряда ранее неизвестных городов также потребовали контекстного рассмотрения не только материальных остатков, но и общественных организмов, таких, как городские общины, окруженные мелкими сателлитами и существовавшие на земледельческой основе (Котович, 1980: 78-93) (может быть, за исключением Дербента – города-государства, выросшего больше на торгово-ремесленной основе (Кудрявцев, 1982: 39-42, 119-121)). Исследования, связанные с изучением топогра-

фии (в том числе социальной) раннесредневековых городищ, их планировки и взаиморасположения (группировки городищ), дали возможность археологам сделать предположение, что общественно-политический строй здесь был идентичным тому, который живо сохранился еще в XVIII в. в Горном Дагестане и сложился, как и в Малой Азии, на основе дуальной формы земельной собственности независимых общин (Абакаров, Гаджиев, 1983: 129-131). Как вытекает из настоящего исследования, дагестанская независимая община с характерной для этого типа общин группировкой в политические единицы (образования) в виде союзов или так называемых «вольных обществ», типологически решительно размежевывается с восточной общиной, для которой была характерна неразвитая частная собственность на землю, но развитая индивидуально-наследственная власть в общине. Дагестанская независимая община типологически единообразна с общиной Циркумпонтийского региона с дуальным сочетанием частной и общественной форм в землевладении и с гражданской линией организации власти, т.е. управляемой выборными и сменяемыми лицами из числа членов общины.

Определенным успехом в изучении отдельного «вольного общества» является исследование Б.Г. Алиева «Каба-Дарго в XVIII–XIX вв.» (Алиев, 1972). Тема «вольных обществ» в различных аспектах отразилась также в монографиях и статьях В.Г. Гаджиева (Гаджиев, 1981), Д.М. Магомедова (Магомедов, 1975: 109–120), М.-С. Умаханова (Умаханов, год). Важным вкладом стал коллективный сборник «Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в.» (Махачкала, 1981). Тематически специально посвященный союзам общин, он содержит статьи, отражающие различные стороны истории этих образований, начиная с XIV в.

1.9. К теории общины: марксистская типология. Попытка рассмотреть основные точки зрения по проблемам теории общины и ее типологии заняла бы слишком много места, тем не менее, необходимо раскрыть наиболее близкие к предмету настоящего исследования аспекты теории и истории общины в целом и изложить свое понимание проблемы.

В последние десятилетия интерес к истории и теории общины в советской и зарубежной историографии усилился и даже, как отмечают исследователи, в определенной мере обострился. При всех разночтениях материалов по общине, сложности вопросов, связанных с выделением атрибуций для формационной оценки то-

го или иного типа общины, да и сложности самой типологии историко-марксисты исходят, как указывают Ю.В. Бромлей и А.И. Першиц, «в первую очередь из анализа свойственных им (общинам. – М. А.) отношений собственности» (Бромлей, Першиц, 1984: 58).

Значение и роль общины в историческом процессе были раскрыты классиками марксизма-ленинизма. Когда Ф. Энгельс писал, что сельский строй переходил в городской (Маркс, Энгельс, год: 336), он по существу указал на общину как на организацию, перерастающую в город и государство, что, естественно, не значит, что данный путь генеральный, единственный, он занимает только определенный сектор в исторических судьбах общины. Современная теория общины отходит от распространенного в прошлом взгляда на общину как на неуклонно разлагавшийся институт, как на рудимент, препятствовавший прогрессу. «Этот взгляд, – говорится в предисловии к сборнику «Община в Африке», – преобладает и в советской медиевистике, и в литературе по развивающимся странам... Новейшие исследования показали несоответствие подобных представлений реальной исторической действительности» (Токарев, Кобищанов, 1973: 4). В этом глубоко верном заключении отражены новые в советской историографии тенденции, касающиеся теории общины. Обоснованная критика взглядов, согласно которым община рассматривалась в виде простого придатка к доминирующему укладу, дана и в других работах по общине (Данилова, 1972: 174-175). Такой поворот в советской историографии является строго марксистским, более соответствующим исторической действительности и потому плодотворным.

Для теории истории общины интересны глубокие исследования М.К. Кудрявцева и Л.Б. Алаева по Индии (Кудрявцев, 1971: 16-25; Алаев, 1981: 136-175, 214). Авторы работали на ярком и сложном материале субконтинента, где кастовая община переплелась с деревенской и где у последней несколько разрядов. Л.Б. Алаев на документальном материале показал поразительную устойчивость индийской общины на протяжении целого тысячелетия, то, что сама феодальная прослойка, заминдары, была включена в систему общинных отношений, а не стояла вне или над общиной, что феодальная система не обязательно следствие разложения общины.

К. Маркс, анализируя выделенные им восточную, античную и германскую общины, считал восточную общину начальной (первичной) формой и, в частности, писал, что она имела пред-

посылкой «естественно сложившийся коллектив» (Маркс, Энгельс, год: 462) на основе эксплуатации земли. «Земля – вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства, т. е. базис коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью как к собственности коллектива, притом коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является собственником или владельцем только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена» (Маркс, Энгельс, год: 463). Эту форму общины в своих набросках ответа на письмо В.И. Засулич К. Маркс определил как первичную земледельческую общину, относящуюся к последней стадии архаической, или первичной, общественно-экономической формации. В то же время земледельческая община была формой перехода «от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности» (Маркс, Энгельс, год: 419). К дагестанской независимой общине данное положение применялось ошибочно, ибо считалось, что в Дагестане представлена земледельческая община (Алиев, Ахмедов, Умаханов, 1970: 67). Дуализм первичной, земледельческой общины, согласно К. Марксу, состоял в существовании общинной собственности на всю землю, с одной стороны, и парцеллярного хозяйства отдельных семей как источника частного присвоения – с другой. Вторая сторона этого противостояния (парцеллярное хозяйство) еще не стала подлинной противоположностью общинной собственности, что происходит в общине нового типа и уровня с самодовлеющей «гражданской» природой, свойственной развитому классовому обществу вторичной общественно-экономической формации, основанной на рабстве, крепостничестве и т. д. (Маркс, Энгельс, год: 418). Здесь общинному землевладению дуально противостоит частное землевладение. Тогда «община (как государство), с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия. Общинный строй покоится здесь в такой же мере на том, что его членами являются работающие земельные собственники, парцеллярные крестьяне, как и на том, что самостоятельность последних обеспечивается их взаимным отношением друг к другу как членов общины, использованием *ager publicus* для общих потребностей» (Маркс, Энгельс, год, 466). Дагестанская независимая община (джамаат) (как и союзы таких общин) буквально и по су-

шеству соотносима с типом общины, охарактеризованным в данной формулировке.

Отождествлять дагестанскую общину с маркой (История Дагестана, 1967: 241) трудно из-за отсутствия в последней ряда существенных характеристик и функций, свойственных дагестанской общине. Так, помимо частной собственности на пахотную землю и сенокосы, что имелось в общине-марке, независимый джамаат располагал суверенитетом над территорией, являлся верховным юрисдиктором по отношению к его членам, обладал урбанизированными поселениями, совладельческими правами членов на общественные земли, полнотой прав для военно-политических акций, существовали федерации и конфедерации из союзов джамаатов, т. е. политические образования, имевшие отдельные кодексы и свой аппарат управления. Все эти признаки, характерные для дагестанской независимой общины, в марке были слабо выражены или вовсе отсутствовали.

История общины в классовом обществе неоднозначна: при развитии государственно-административных систем из сферы надобщинных социальных структур (более высокой общины) (Маркс, Энгельс, год: 464), община принимает редуцированную крестьянскую форму (Семенов, 1976), которую нельзя было изменить, но над которой можно было «надстроить» регулирующий аппарат (Лашук, 1970: 75). Другая альтернатива – спонтанное саморазвитие общинных систем, прежде всего развитие частной собственности ее членов на обрабатываемую землю, т. е. развитие самой общины в самодовлеющую гражданскую и политическую (государственную) систему, как это в отличие от Востока случилось в Циркумпонтийском регионе. Во втором случае не существует надобщинных (внешних) административных структур, община сама генерирует все сельские и городские образования, территориальное устройство, право, политику и т. д. с правом участия во всех делах ее граждан. Таким образом, в целом различаются два типа общины: характерный для Востока и сложившийся на основе так называемой античной формы собственности. Каждый из них, разумеется, имеет собственную шкалу – от простейших ассоциаций до завершённых классических форм, а также межтиповые, синтезные формы.

Особенно стойко в историографии держится представление, что условием существования и сохранения общины является общая собственность членов общины на средства производства, прежде всего на землю. Мы не беремся судить, насколько это вер-

но для первичной земледельческой общины, возможно, это и так, но относительно суверенной общины гражданского типа с полным основанием можно утверждать, что наличие общей собственности, так называемой альменды, или *ager publicus*, в общине, для которой характерна частная собственность на обрабатываемую землю, не является условием прочности последней. Как *ager publicus* не является условием генезиса этого типа общины, так он не является и условием ее прочности. Напротив, можно себе представить, что, если бы даже общественная земля была поделена, община сохранилась бы неизменной как гарант частной собственности. Лишь преодолев инертное, одноплановое представление, что общее порождает общее, а частное есть разрушение общего, можно уяснить, что общность и кооперация, сложившиеся на основе частной собственности, обладают неслыханной ранее прочностью и консерватизмом. Такая община скорее более доступна кризису или уничтожению, нежели разложению в общем понимании. Парадокс заключается в том, что развитие частной собственности не отрицает, а предполагает, порождает общину второго типа и что частная, а не общая собственность является ее базой.

Если следствием развития частной собственности непосредственных членов общины были разложение архаической общины и ее смена новым типом, то победившая частная собственность не разлагает, а лишь укрепляет новую общину как условие своего существования. Таков путь развития и природа общины, сложившейся на античной форме собственности. Другой путь (восточный) – когда непосредственно из недр архаической формации вместе с классообразованием вырастают государственные системы, которые принимают форму надобщинных поземельных, социально-политических и административных структур. Община в таких условиях редуцируется, в ней не развиваются всеобъемлющие права и функции, за исключением производственных.

Общиноведы большей частью указывают на альменду как на рецидив архаики и условие существования общины любого ранга. Немногие авторы указывают, что община классового общества – это совершенно особый институт, не унаследованный непосредственно от первобытности (Семенов, 1977; Алаев, 1977), или не считают ее органически связанной с предшествующей.

Происхождение альменды, таким образом, может иметь два источника: предполагаемый (согласно теории «переживаний»), как наследие первичной общины и вполне документированный – образование альменды вместе с укреплением и развитием вторичной

общины (Данилов, 1957: 50). На примере независимой дагестанской общины можно проиллюстрировать не только пути образования альменды, но и зависимость от размера альменды силы общины, если, разумеется, «общая земля» утилизовывалась. Тем не менее, не альменда, а частная земля общинников являлась основным и непреходящим условием формирования вторичной общины, которая оказалась способной интегрировать классовую социальную структуру и развиваться до уровня политических образований и государств. Право общинника («гражданина» античного мира) на совладение общественной землей было естественным продолжением его права на частную собственность и условием его гражданства и никогда наоборот.

Альменду, или, как ее точно называли римляне, *ager publicus*, рассматривают как фонд общих земель, которые непременно должны быть поделены в ходе развития общины, но в силу слабого еще развития частного сектора или общины они якобы все еще не поделены. Это представление, на наш взгляд, в корне неверно. В данной работе приводятся доказательства того, что деление альменды было бы с общеэкономической точки зрения для общины абсурдным (3.2). Недаром отдельные исследователи указывают на то, что во Франции попытка раздела альменды якобинской диктатурой не удалась; коллективному пользованию лугами был положен конец лишь в эпоху капитализма («аграрный переворот» середины XIX в.) (Люблинская, 1978: 154). Отрицая тезис, что только *ager publicus* являлся основой существования общины, мы не можем приуменьшить его роль и место в общинном устройстве как вида и продукта общественной кооперации. Эта часть собственности, динамично переходившая во временное владение (переделы) и составлявшая фонды для частных наделов, крупных и малых аренд, субаренд, обеспечивавшая ведение принятых форм скотоводства в крупных размерах и т. д., составила общественный сектор общины в непосредственном его кооперативном выражении.

Работы И.М. Дьяконова по изучению древней восточной общины (Дьяконов, 1963: 21-29) составили новую страницу в понимании природы общин эпохи государств и классов. Он пришел к выводу, что античный тип общины, основанный на частной собственности, именно благодаря этому обстоятельству являлся наиболее прочным. Дагестанская независимая община, джамаат, по своим основным характеристикам отмежевывается от восточной (Васильев, 1982: 66) формы как в древности, так и в средние века, хотя и не избежала некоторых синтезных моментов и форм;

джамаат типологически сопоставим с соответствующими формами общин Малой Азии и всего Циркумпонтийского региона, где имели место частная собственность на землю земледельцев и урбанизированный тип поселений. К. Маркс писал: «Вторая форма собственности (частная собственность. – М.А.)... в качестве первой предпосылки также предполагает общину, но не так, как в первом случае... Эта вторая форма предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников). Пашня являлась здесь территорией города...» (Маркс, Энгельс, год: 465). Поселения не просто земледельцев (крестьян), но прежде всего землевладельцев – вот само существо джамаата, опираясь на которое в первую очередь мы и определяем тип дагестанской общины.

В истории дагестанской общины трансформация земельческой общины, как предполагается, произошла еще в древний период в связи с формированием частной собственности на террасные поля (Агларов, 1964: 180). Я особо должен отметить небольшую по объему статью В. П. Дзагуровой, касающуюся союзов сельских обществ Дагестана, где автор рассматривает природу и форму этих образований в широком контексте подобных же явлений в Малой Азии, Древней Греции и других областях, где была распространена античная форма собственности. Античная форма собственности, как известно, географически охватывала ареал много шире собственно античного мира и по времени просуществовала, модифицируясь, много дольше античного общества. Автор обратила внимание на дуализм в отношениях собственности в союзах обществ Дагестана. «В союзах сельских обществ в средневековом Дагестане сложились своеобразные отношения, – пишет Дзагурова, – базой для которых послужила форма собственности, напоминающая античную, таящая в себе противоречивые начала – частное и общественное» (Дзагурова, 1974: 87). О том, что дагестанский джамаат это ни что иное, а гражданская община, особенно в виде союзов общин, в своей принципиальной части повторяет полисный строй, впервые говорилось в моих работах (Агларов, 1965 Л. : 34-35. Aglarov, 1972: 152). Однако В.П. Дзагурова, считая *полис* специфическим порождением рабовладельческого строя, категорически отрицала мои сопоставления (Дзагурова, 1974: 87).

1.10. *Источники.* Фундаментальным и наиболее надежным источником по истории общины в Нагорном Дагестане в XVII–начале XIX в. являются памятники права, составленные как руко-

водства джамаатов и «вольных обществ» в политической и юридической жизни этих образований. Практически все стороны социально-политической организации общин и их союзов, как и правопорядок, включая частично и некоторые нормы и обычаи (обычное право), отразились в адатах. Составление свода адатов различных обществ и союзов, включая судебники Рустем-хана и Умму-хана Аварского, происходило на арабском языке, после утверждения ислама в Дагестане. Соответственно в сборники адатов не вошли положения, регулируемые шариатом (прежде всего имущественные, брачные и т. д.). Вместе с тем местное своеобразие брачных и наследственных норм, имущественных дел не укрылось за всеобщими правовыми положениями шариата и сохранилось в виде завещаний, маслаатских решений, отдельных специальных постановлений, а иногда даже отдельных пунктов права.

Мнение исследователей в оценке значения адатов как источников по истории Дагестана в целом, и в особенности по истории общин и их союзов, едино. Р.М. Магомедов писал, что «они (адаты. – М.А.) дают богатый и разнообразный материал для изучения дагестанского общества с древнейших времен до XIX в. включительно. По адатам можно судить об уровне развития сельских общин, вольных обществ, социальной структуре и политической организации общества» (Магомедов, 1960: 2). В. К. Гарданов, посвятивший этому вопросу специальную работу, также отмечал, что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья, и в особенности для периода XVIII – начала XIX в. (Гарданов, 1960: 12-25)

Адаты аварских обществ, выявленные и изданные в последние десятилетия, занимают центральное место в исследовании. Особенно ценными для нас оказались издания: «Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого)» (Памятники, 1965: 261-276), «Гидатлинские адаты» (Гидатлинские адаты, 1957), «Свод решений, обязательных для жителей Андалальского округа» (Памятники, 1948: 62-71), «Адаты Келебских селений» (Памятники, 1948: 71-93), «Свод решения и обычаев Цекобского сельского общества» (Памятники, 1965: 93-120). В них содержатся пункты и информация, которой лишены адаты, выявленные еще в XIX в. и переработанные для судопроизводства по ним (Леонгович, 1882-1883). Среди подобных адатов, правда, полным текстом А. В. Комаровым был издан памятник XVII в. «Постановления Кайтагского уцмийа

Рустем-хана» (Комаров, 1868: 80-88), затем переизданный А.С. Омаровым (Из истории права народов Дагестана, 1968: 176-184). В переработанном виде были изданы правовые документы: «Адаты Андийского округа Западного Дагестана» (в семи разделах) (Памятники, 1965: 120-169), «Адаты Бежтинского округа» (их разделы соответствуют «вольным обществам» Высокогорного Дагестана) (Из истории права народов Дагестана, 1968: 57-76), «Сборник адатов, существовавших в Казикумухском округе» (Из истории права народов Дагестана, 1968: 49-57), «Материалы по обычному праву даргинцев», собранные по поручению М.М. Ковалевского его учеником Баширом Далгатом и изданные в книге «Из истории права народов Дагестана» в наше время. Следует подчеркнуть отсутствующую в других сводах черту собрания Б. Далгата, заключающуюся в детальной фиксации не только «адатов уголовных и процессуальных», но и «бытовых, гражданско-правовых» норм (Из истории, 1968: 77). Собрание Б. Далгата включает хорошо систематизированные нормы имущественного права у даргинцев, отсутствующие в других старинных кодексах аварских «вольных обществ» и джамаатов. Помимо памятников политических образований и объединений, в архивах хранятся подлинники памятников обычного права отдельных селений, составлявших эти объединения, своего рода локального, общинного права. Немало таких адатов выявлено и издано (Из истории права народов Дагестана, 1968: 222-238). К этой же группе источников примыкают специальные постановления джамаатов по поводу отдельных вопросов или отменяющие ранее действовавшие адаты, эти решения носили нормативно-правовой характер.

Источниковедческое изучение адатов, помимо двух указанных статей Р.М. Магомедова и В.К. Гарданова, было проведено еще в двух специальных статьях (Омаров, Маршаев, 1958; Омаров, 1967). Но, к сожалению, проделанная «работа далека от завершения, хотя и имела большое значение для идентификации, датировки и т. д. адатов. Источниковедческое рассмотрение адатов проводится и в настоящем исследовании, в первую очередь в разделах, посвященных адату как правовой системе.

Источники, отразившие право народов Нагорного Дагестана, обширны и представительны, они целиком «поднимают» тему, так как правовой материал отражает именно то, как было устроено общество, что представляла собой община в том виде, в котором она нам известна в XIX в. Право (обычное право в том числе), ошибочно квалифицированное в XIX в. как агнатное, на самом де-

ле было общинным, в чем и заключается его полная репрезентативность как источника по общине.

К другой важной группе источников относится большое эпистолярное наследие в виде переписки между обществами. Она затрагивает самые разные сферы общественной, хозяйственной, политической деятельности общин: вопросы о потравах, регулирование территориальных споров, письма-отношения о возврате долгов, обширная переписка по вопросам взимания ишкила, всевозможные частные договоры, письма-отношения, связанные с социальной историей, вопросами войны и мира («военным зовом»), межобщинные договоры по уголовным делам, о союзе и т.д. В переписке отразилась и идеологическая сфера, которая в данной работе затрагивается лишь отчасти, но имеет существенное значение как косвенный источник, характеризующий общинный быт и строй, а частично и его идеалы. Эпистолярные источники, вводимые в настоящей монографии в научный оборот главным образом впервые, используются нами обычно в сочетании с основополагающими документами (памятники права, хроники и т.д.), чтобы в возможной мере избежать искажения исторической картины.

Определенное, но незначительное место занимают документы судебных разбирательств внутри общины и всякого рода деловая документация: договоры, купчие, обязательства, завещания, описи так называемого выморочного имущества. Эти материалы использованы лишь частично, так как большая их часть относится ко второй половине XIX в., т. е. выходит за пределы нашей темы. Тем не менее, возможность ретроспективного применения некоторых из этих актов как для начала XIX в., так и для XVII–XVIII вв. велика из-за исключительной консервативности сложившихся «юридического быта» и общинных отношений. Разумеется, такая «ретроспектизация» условна и вспомогательна и не призвана подменить документацию освещаемой эпохи.

Видное место среди использованных нами источников занимают местные исторические хроники, являющиеся малоизученным, но весьма любопытным жанром исторического сочинительства, получившим почти повсеместное распространение в Дагестане. Со времени замечательного исторического сочинения Мухаммеда Рафи «Тарих Дагестана» (XIV–XV вв.) (Шихсаидов, 1977) как региональной истории почти все политические образования, а иногда и отдельные общины письменно создали собственные «истории» на основе устных преданий с неременной компиляцией из других хроник и с увязкой с общедагестанской традицией. Боль-

шую работу по выявлению этих местных хроник провели Р.М. Магомедов и А.Р. Шихсаидов. Характерно, что эти «истории» подверглись фольклоризации, множество из них дошло во вторичном, устном пересказе (Магомедов, 1969; Магомедов, 1978–1979). В секторе востоковедения Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР проводится работа по научному изданию и комментированию этого обширного материала. Автору этих строк в 1960-х годах довелось выявить полный текст Чиркевской хроники, записанной на аварском языке в 50-х годах XIX в., где дана генеалогия всех тухумов в Чиркее с обозначением всех входящих сюда фамилий. Другое достоинство этого источника – редкое для данного жанра – описание политической структуры Салатавского «вольного общества». Две любопытные хроники, относящиеся к андийской народности, были также обнаружены нами и частично введены в научный оборот (Агларов, 1967, истор. этногр. очерки; Агларов, Айтберов, 1981: 121-134).

В исследовании использованы архивные материалы, хранящиеся в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, и некоторые другие. В качестве источников широко привлекались архивные материалы, выявленные М. О. Косвеню и Х.-М. О. Хашаевым в центральных и местных архивах и изданные ими.

Уже говорилось (1.6), что с 30–40-х годов XIX в. наблюдается явное снижение интереса к проблемам общественного строя народов Кавказа. Вместе с тем неопубликованные архивные материалы дают основания думать, что общественный строй оставался в сфере интересов властей. На это указывают краткие, точные и достоверные, имеющие жанр служебных справок описания тухумов, общин и союзов общин горцев Дагестана, настолько репрезентативные и существенные, что их своевременная публикация могла бы придать иную окраску последующей историографии (они были опубликованы лишь в 60-х годах нашего столетия (Памятники, 1965: 16-24)).

Материалы о Кавказе, содержащиеся в периодической печати в XIX в., для данной темы имеют больше историографическое значение; некоторых из них, особенно точные зарисовки и определения джамаата, сделанные на страницах газеты «Кавказ» ее редактором Константиновым, использованы как важные документы. Нами привлекалось также редкое описание форм прохождения народного собрания, сделанное французским консулом в Тбилиси кавалером Гамба (1820–1824 гг.) (Gamba, 1826: 102), источник

важный, ставший предметом специального исследования (Гаджиев, 1981: 100-104).

В работе использованы документы и литературные материалы, хранящиеся в частном собрании ученого-арабиста и краеведа М. Нурмагомедова, которому автор приносит глубокую благодарность за любезное разрешение пользоваться этими источниками и помощь при работе с арабоязычными текстами.

Важное место в работе занимает полевой материал по самым различным сторонам жизни, быта и культуры, в особенности по организации общинного хозяйства, собранный нами в течение 25 лет. Используются «вещные материалы»: данные о планировке жилищ, хозяйственных построек, архитектуре, топографии поселений, и в особенности «рукотворном» рельефе сельскохозяйственных угодий. Эти объекты, безусловно, документируют нам общину и ее порядки исследуемого времени, однако информация отобрана с учетом возможности ее применения.

Фольклорные и литературные источники использованы в монографии в меру необходимости и не только как лишь источники, но сами объясняются как проявление духа и идеалов самодовлеющих общин гражданского типа. В этом плане трактуется убиение отцом своего сына Камалил Башира, наделенного божественной красотой, в одноименной балладе или сочувствие народа страшной мести Хочбара нуцалу за нарушение последним иммунитета гостя и вероломство в другой драматической балладе – «Хочбар».

Привлеченными в работе источниками их круг далеко не исчерпан, как немислимо и исчерпывающе всестороннее исследование общины, ибо община – одна из составных форм (словно клетка живого организма) устройства общества, а «общество – самый сложный организм из всех организмов, существующих на нашей планете» (Вести, 1984: 23).

Глава вторая

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩИНЫ

2.1. Вопросы расселения и исторической демографии. Основой, определившей всю общественную, социальную и политическую структуру общества, являются уровень и способ производства материальных благ, что одинаково относится и к такой форме общественной организации, как община, на всех этапах ее развития. Земледелие, сочетаемое со скотоводством, с древнейших времен было основным занятием населения Горного Дагестана (Хашаев, 1961: 79-126; История Дагестана, 1967: 176-181; Котович, 1965: 11). Эти отрасли составляли фундамент, на котором сложились производственные отношения внутри рассматриваемых сельских общин (обществ) Горного Дагестана. Земледелие и скотоводство функционировали не вообще, а в заданной, исторически сложившейся вокруг каждого поселения сельскохозяйственной округе, территории, закрепленной на правах собственности общины.

Территория как географическая категория определяла условия расселения людей по оптимальным в хозяйственном отношении параметрам. Но территория как владение, как пределы владения определяла сеть искусственных объектов для ее охраны и ряд специальных нормативов, связанных со статусом территории как юридической категории (например, иммунитет чужаков в пределах владений) (Агларов, 1981: 96-99). Складывание и организация территории происходили исторически, через сложные связи дуализма собственности на объекты территории в общине. Хозяйственные интересы общины двояки и в чем-то противоположны: интересы частного хозяйства и общественной кооперации. Община «отбирает» и утверждает наиболее общие, наиболее важные для обоих «секторов» принципы и утверждает их, корректируя тем самым хозяйственную инфраструктуру. Здесь мы не говорим о географическом детерминизме, который абсолютно диктовал зоны распределения объектов, он самоочевиден (например, расположение летних пастбищ за пределами зон произрастания и созревания злаков

и размещение садов в глубоких жарких долинах). Речь идет об исторически сложившейся инфраструктуре, о принципах «размещения» угодий и объектов с учетом отпечатка, который оставил дуализм отношений собственности в общине. Сама общинная организация как таковая функционирует с ориентацией на рациональное и первоочередное удовлетворение общественных интересов, которым соподчинены интересы отдельного индивидуума как собственника. Таковы общие принципы. Попытаемся ближе взглянуть на эту картину.

Сложность, многоликость ландшафтов в условиях причудливого и хаотического пересечения гор в Нагорном Дагестане являются общим местом в географической литературе. Не всегда ландшафты одних территорий (пределов владений) свободно сопоставимы с ландшафтами других. Территория того или иного села – «росдал ракъ» (земля аула), «бодул ракъ» (земля союза) – представляла собой не только место поселения и хозяйственно используемую округу, но и четко разграниченные владения суверенных обществ – джамаатов и их союзов; границы и условия обладания территорией регулировались военно-политическими средствами, а также путем купли-продажи, через аренду, займы и т.д. В результате направленность хозяйства, пространственное размещение специализированных отраслей зависели не только от естественного местоположения того или иного общества, но и от того, насколько далеко и в какие природно-географические зоны простирались политические границы территории общества или союза обществ. В Аварии сел. Гергебиль, Кикунь, Унцукуль, Генуб, Ирганай, Ботлих, Муни и др., расположенные в бассейнах Андийского и Аварского Койсу, были садоводческо-земледельческими, при практическом (в некоторых из этих селений, например Муни) отсутствии скотоводства. Такая специализация объяснялась не только соответствующим (благоприятным для садоводства) расположением этих аулов, но и тем, что их территория не простиралась на горные пашни и альпийские пастбища, занятые горными обществами. Если же в долиненной зоне были аулы с обширной территорией, простиравшейся на высокогорные пастбища и благоприятные для земледелия горные склоны, то в них складывалось многоотраслевое хозяйство, базировавшееся на природных возможностях всех трех зон (например, общества Чиркей, Аракани (Историко-этнографический атлас Дагестана, 1982)). Таким образом, состояние хозяйства и его отрасли зависели не только от физико-географического окружения поселения (общины) как такового, не

только от ландшафтной конфигурации (естественные условия), но и от юридического права на обладание окрестной территорией, от конфигурации политической карты каждой общины или союза общин, что складывалось исторически и далеко не всегда гармонично.

Территория – жизненное пространство. Общества, обладавшие сравнительно обширной территорией, благоприятной для хозяйственного освоения и эксплуатации, были многолюдными, обрастали хуторами и мелкими поселениями, в иных случаях со временем превращавшимися в самостоятельные общества. Аулы с относительно незначительной и малопригодной территорией были обречены оставаться малолюдными, и если происходили их рост и укрупнение, то только за счет специализации хозяйства или развития ремесел. Исчерпав, вероятно, еще в древности лимит «демографического оптимума», нагорная часть Дагестана, включая и предгорья (Левашинское плато), в прошлом достигла исключительной для горных условий плотности (50–60 человек на кв. км, без учета бедлендов) населения (аграрная перенаселенность) за счет интенсивного террасирования полей. Демографический фактор, ставший в свое время условием для перехода к интенсивным формам земледелия, т.е. к террасированию горных склонов, в свою очередь, становится уже следствием новой системы земледелия, предопределившей бурный рост и скопление народонаселения в очагах террасного земледелия. Население на острове Мадура, к примеру, достигло плотности более 300 человек на один кв. км (1930 г.). Такая плотность, по заключению П. Гуру, стала возможной благодаря террасной системе земледелия (Гуру, 1956: 66-67). В Дагестане техника террасирования достигла такого уровня, что академик Н. И. Вавилов назвал агрикультурное террасирование здесь изумительным (Вавилов, 1936: 80), а возраст и общие масштабы (десятки тысяч га) позволяют считать Дагестан одним из крупных мировых очагов террасного земледелия (Агларов, 1979: 9).

Демографические сдвиги в Нагорном Дагестане объясняются не только террасным земледелием. Скотоводство – древнейшая отрасль хозяйства горцев. Оно также велось интенсивными (на народном уровне) методами: сезонное хуторское содержание, ближние и дальние отгоны скота на горные и равнинные пастбища, рациональный выпас, поддержание и улучшение пород, дифференцированная по видам скота организация стад и стойлово-пастбищных форм (Османов, 1977: 21-38). Развитие специализиро-

ванного садоводства в горных долинах, ремесленная специализация отдельных аулов, отходничество (если этому благоприятствовала политическая конъюнктура в соседних странах) и другие факторы были важными звеньями в экономической жизни населения и сыграли свою роль в урбанизации и исторической демографии нагорной части Дагестана. Однако специалисты, изучающие историю хозяйства, упускают из виду такой важный фактор, как формы общинной организации и кооперации в хозяйственной жизни, безусловно сыгравшие особую роль в оптимизации уровня производства в заданных условиях. Хозяйственный и демографический эффект как следствие общинной организации хозяйства – вопрос специальный, но механизмы (формы) этой организации и кооперации – предмет этнографии общины и подлежит исследованию.

2.2. Организация территории: основные принципы. Расположение аула и объектов хозяйственной эксплуатации, вернее, их взаиморасположение было многообразным. Поселение («росо») с отселками и хуторами составляло ядро территории. Сразу же за поселением во всех направлениях, если благоприятствовал ландшафт, следовали террасированные пашни и сады. Вслед за полями шли общественные и частные покосы, за покосами – присельские пастбища, а за ними – субальпийские и альпийские пастбища и покосы. Такое многочастное деление территории отразилось в названиях каждой из частей: «росо» – аул, поселение; «мегъ» – сельские пашни, сады и часть межевых покосов; «Глалах» или «меГер» – следующие за «мегъ» земли (зимние пригревы и летние пастбища). Подобная трехчастная модель территории была повсеместной, и отклонения касались лишь тех случаев, когда в чью-либо территорию не входила зона с альпийскими пастбищами.

Характеристику этих частей нужно начать с поселения, ядра общины, и прежде всего его местоположения на территории. Вопрос этот, как и принципы расселения в целом, изучался в этнографической литературе о Дагестане (Гаджиева, 1961: 192; Османов, 1967: 75-82; Исламмагомедов, 1967: 34; Агларов, 1966: 369-395; Агаширинова, 1978: 97-110 и др.). Место поселения выбиралось возможно ближе к водным источникам – фактор, учитывающийся у всех народов во все времена истории человечества. Но поселение вблизи водного источника не должно было нарушать другие важные принципы выбора места для поселения – это интересы обороны и экономия земли. В случае если поселение около воды нарушало эти принципы, воду подводили с помощью водо-

проводных устройств, доставляли с помощью вьючного транспорта или ручной переноской. «Стремление к недоступности, – указывает М.-З. О. Османов, – часто превалировало над другими факторами. Так, часто встречаются аулы, которые расположены на гребне горы, в то время как вода есть только в речке или роднике, находящемся далеко внизу у подножия» (Османов, 1967: 75). Экономия земли часто была связана с неприступностью селений (Османов, 1967: 78-79). «Аварские поселения, – пишет А.И. Исламмагомедов, – занимают под постройками каменистые склоны, сланцевый выход, выступы скал. Люди шли на любые неудобства, лишь бы освободить клочок годной земли для посевов» (Исламмагомедов, 1967: 79). Таким образом, выбор места поселения на территории ни в коей мере не был случайным и «вольным». Ни удобства, ни климат, ни близость воды, ни наличие удобных площадей для возведения построек – ничто не играло существенной роли, когда речь шла о необходимости высвобождения земли под пашни и т. д.

Место поселения в пределах территории менялось в зависимости от исторической ситуации (Османов, 1967: 97). Думается, что не только на выбор места поселения, но и на решение о смене такого места, об организации отселков, выраставших затем в поселения, влияло не одно наличие в распоряжении общины достаточной территории, но и то, как она простиралась по ландшафту, как были расположены угодья по сельхозокруге и насколько хозяйственно и стратегически важными являлись различные пункты территории. Мы знаем большое количество отселков, возникших на окраинах территории с целью сторожевой охраны. Они строились, как правило, в стратегически важных пунктах. В «Сведениях о селениях, оставленных на пограничной полосе Гидатлинского общества» (XVI–XVII вв.), говорится: «Население шести аулов – Урада, Гента, Тидиб, Хотода, Гоор и Кахиб – вышло и построило селение Уриб, чтобы в нем жила охрана» (Гидатлинские адагты, 1957: 11). Источник сообщает о совместных строительных работах, о заселении аула-крепости и назначении правителя: «Построили дома и крепость и оставили там одного человека по имени Алдух, из селения Кахиб по имени Чанкало и из Гоора – Чеэрав и назначили одного храброго человека из селения Гонода (Гьонода) старшиной над всеми этими переселенцами». Затем следует рассказ о выделе территории для отселка: «Гидатлинцы дали урибцам пастбища, чтобы пасти рогатый скот, под названием Ц̣о̣л̣ит̣ла, а для пастьбы баранов местность под названием Раджаб ун тараб

къяй и для пастьбы овец гору». Новообразованное селение Уриб было расположено у Аварского Койсу, на северо-западной границе гидатлинской территории. Такова точно документированная история возникновения этого села.

В том же источнике повествуется о строительстве на северной границе гидатлинских владений другого селения – Зауриб. Во время строительства была совершена взаимовыгодная сделка по эксплуатации пограничных земель между Гидатлинским обществом и телетлинцами (Гидатлинские адаты, 1957: 11). Жители аула Согратль договорились между собой о переселении людей (из каждого квартала по 10 человек, всего 30 человек) в местность НакIкIлазухъ. «Договорились не допускать туда клеветника, вора, безнравственного человека, и двух братьев вместе, и сына, отец которого находится там... Также договорились о том, чтобы каждый из переселенцев не совершал поездки больше чем три раза, одна поездка должна быть долгосрочной, а две поездки краткосрочными. Если кто-нибудь из переселенцев выйдет с намерением больше не вернуться в НакIкIлазухъ, безразлично, поедет ли он оттуда в свой аул или другое место, то жители аула Согратль договорились между собой: не оставлять в его распоряжении ничего для купли и продажи, и строения достаются кварталу, и взимается с него штраф в размере ратль. Это есть твердое решение, с которым согласны все жители с. Согратль, большие и малые. В 1216 хиджры (1804 г. н. э. – М.А.) отправились в НакIкIлазухъ 30 человек. Аллах свидетель» (Архив М. Нурмагомедова). Пункт решения, где говорится, что каждый житель новообразованного отселка не может совершать более трех поездок в год, свидетельствует, что селение было задумано как важный поселок, аванпост. Свидетельств о возникновении того или иного села с целью охраны территории немало также в устных преданиях. Таковым, например, является одна из версий о происхождении сел. Риквани³ (Агларов, 1984: 38).

А. Исламмагомедов относительно происхождения отдельных типов аварских поселений пишет, что часть поселений возникла в связи с необходимостью охраны своих земель от неприятеля. В оборонительных целях по решению джамаата выделялась группа семей по желанию для заселения отдаленного участка. Так возник ряд хуторов (Накказух, Ащильта, Ункида и др.) (Исламмагомедов, 1967: 126). Поселения-отселки, образованные с целью военной

³ Другая версия – мифическая: село основала женщина, спасенная волей бога от потопа

охраны территории, иногда превращались в самостоятельные джамааты с вычленением окрестной территории в самостоятельное владение. Но иногда общество препятствовало вычленению территории, оставив во владении новообразовавшегося поселения лишь окрестные пашни («мегъ»), не дробя общую территорию.

Распространенной, практически обязательной формой в Аварии было основание общинной сети поселений – сезонных хуторов, из которых люди летом возвращались в аулы. При определенных условиях эти хутора превращались в отселки, превращавшиеся затем в поселения, сначала как хозяйственные общины без статуса самостоятельного джамаата, затем они могли получить этот статус или навсегда остаться отселками в зависимости от хода развития общественных отношений и взаимоотношений внутри общины. Этот тип отселков был более связан с ведением скотоводства, вернее, отражал определенные стороны взаимосочетания земледелия и скотоводства (2.10).

2.3. Формы поселений. Характерные особенности типов и форм аварского аула «росо», как и других селений народов Нагорного Дагестана, нашли подробное освещение в литературе (Османов, 1967: 89-107; Исламмагомедов, 1967: 131-144; Булатова, 1971: 92-95; Агаширинова, 1978: 110). Для нас важно подчеркнуть, что аул представлял собой чрезвычайно плотную застройку по причине борьбы за землю, которую пытались как можно в большем количестве отвести для «мегъ». Плотность застройки превращала порой аул в единое строение, где даже улицы и улочки перекрывались сверху, перекрытия служили или строительной площадкой для жилищ, или использовались в качестве двора для другого дома. Очень часто хозяйственные постройки выносились за пределы аула, составляя его отдельные кварталы. Почти повсеместно, как информируют старожилы, джамаат запрещал выход за черту селения хотя бы «на один вершок».

Аул непременно имел центральную площадь – место народного собрания, постоянного присутствия, торговых лавочек и т.д., именуемую в Аварии «годекан». Аул делился на кварталы (4.10), каждый из которых также имел свою площадь – место сходимки и заседания квартальной администрации. Некоторые аулы включали в свою структуру водоемы. Не только административная, но и вся общественная жизнь, включая свадебные торжества, происходила на годекане. За исключением этих «разрешенных» мест, горнодагестанский населенный пункт представлял исключительно плотную застройку, где, особенно в горно-долинных зонах (Гологль,

Муни и др.), перекрыты крышами даже основные улицы; здесь невозможно «отторгнуть» какой-либо дом без того, чтобы не нарушить общий ансамбль – существование каждого строения зависит от существования соседних и наоборот. Здесь достигнуто, кажется, предельное «фактурное» единение общего и особенного, общины (аула) и ее антипода – частного начала. За аулом простирается «мегъ» – возделанная округа.

Фасад аула Чох

2.4. «Мегъ»: структура и планировка. «Мегъ» – это единый комплекс пашен, садов, сенокосов, ирригационных сетей и летних временок, составляющий вторую часть территории, следующей за поселением (Агларов, 1981: 5-15). Аварское слово *мегъ* близко к андийскому *мигъи* с тем же значением и семантически связаны с андийским названием нижней части туловища – *мигъа*, то есть «производящей», «родящей» части тела. На даргинском *мегъ* называется *урккуби* от *уркка*, что значит «общий», обе семантики весьма красноречиво указывают на натуральную и социальную функции объекта. Территория «мегъ» разделена на части естественными (обрывы, ручейки) или искусственными (главные дороги, ирригационные каналы, небольшие сенокосы, специальные не-

тронутые рощи и т.д.) рубежами. Все части «мегъ», сколько-нибудь составляющие пространственно-ландшафтную целостность, имеют микротопонимику. «Мегъ» сел. Игали делится на много частей с названиями, среди которых «Будрахъ» известен своими укрепленными полями (Агларов, 1979: 16). Араканский «мегъ» делился на крупные части: «Хъашихъим», «Таса къварильи» (Верхние теснины), «Гъоркъа къварильи» (Нижние теснины), «Таса мегъ» (Верхний «мегъ»), «Кибакъаб», «Салда гохъохъ» (У песчаных гор), «Гъоркъа лъарахъ» (У нижней реки), «Гвала-ла-маль», «Хъакъаб нухъа» (У белой дороги), «Мочох», «Росда гъоркъ» (Под селом), «Этенил гъабихъ» (У мельницы Этена), «Бакъда магъиль» (У солнечного «мегъ»), «Ччугъил лъетъа», «Гъагъандиб», «Гъаби лъетъа» (У мельничной воды), «Къази-ниб», «Квешал гъаразда» (У скверных кочек) и др. При этом каждая из названных частей имеет свою внутреннюю микротопонику, еще более дробную, а та, в свою очередь, уточняется названиями каждого конкретно поля или садового участка. В результате местоположение какой-либо части «мегъ», даже самой маленькой, легко определялось с помощью топонимических ориентиров, как это делалось в завещаниях или купчих, касавшихся земли. Приведем фрагмент документа, где завещатель точным описанием благодаря микротопонимике указывает поля и сенокосы, которые он оставляет наследникам: «... Еще поле в местности Квешал ругърал. Площадь поля для посева одной четверти мерки кукурузы. С передней (нижней по склону. – М.А.) границы – оросительный канал, с востока – оросительный канал, сзади (верхняя граница поля – М.А.) – поле Гитинова Магомеда, сына Хасана. Еще поле в местности Гъаби лъетъа. Площадь для посева полмерки кукурузы. На передней границе – поле Магомед Мирзы Магомы, на востоке – оросительный канал, на западе (поле, принадлежащее) – Абакар Магомед...» (Архив М. Нурмагомедова). В завещании таким описанием обозначены еще шесть объектов, расположенных в самых различных точках араканского «мегъ».

Террасированный «мегъ» с ирригационными каналами, акведуками, искусственными водохранилищами, дорогами, расположенными на каждую пашню-террасу, являлся застройкой с единой структурой, обеспечивавшей этому преобразованному ландшафту цельность. Такое впечатление создается еще и потому, что размещение и взаиморасположение всех названных компонентов были оптимальными, ирригация централизованной и легкоуправляемой. Есть случаи, когда тропы проложены по линии подземных

арыков (сел. Игали, Чиркей и др.); совмещением тропы и арыка экономилась земля. Не только террасирование, но и изощренная борьба за землю в «архитектонике», в самой террасной структуре «мегъ» составляют впечатление от строительства как от заранее запланированного⁴ (Wheatly, 1965: 136). На самом же деле мы знаем, что архитектоника аулов, как и «мегъ», слагалась исторически, вследствие постоянных застроек и перестроек в заданных рамках пространства. Н. И. Вавилову, воочию знакомому со всеми мировыми центрами земледелия, принадлежит следующее высказывание: «У нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли... Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане» (Вавилов, 1936: 80).

Сел. Аракани. Планировка и структура центрального квартала

Борьба за пространство была порой изощренной: случалось, что садовые насаждения по краям террас владельцы пытались делать таким образом, чтобы дерево росло не вертикально, а было слегка наклонено в сторону поля соседа, а тот, в свою очередь, сажал деревья с наклоном в противоположную сторону или в сторо-

⁴ Заранее продуманными и запланированными представляют подобные искусственные земледельческие ландшафты в других мировых центрах террасного земледелия.

ну поля другого соседа. Любопытно видеть старые фруктовые деревья, растущие не вертикально, а с легким наклоном в сторону соседнего поля, эти следы борьбы за солнечный свет и воздух. В аналогичной ситуации византийский закон требовал: «Если на сад падает тень от соседнего дерева, то пусть обрубит его ветки хозяин его» (Византийский земледельческий закон, 1984: 109). Споры возникали не только за каждую пядь земли, право на которую не было доказано, но и за, так сказать, воздушное пространство (разбирали способ посадки деревьев или постройку стены «не с тем наклоном»). Частые столкновения на этой почве нередко приводили к драматическому исходу, что побуждало джамаат принимать специальные в крайне редких, лишь жизненно важных, случаях применявшиеся решения, по которым композиции завышались до трудновыполнимого уровня, пока не удовлетворялся иск, признанный справедливым. Вот одно из характерных решений: «Если кто возведет вокруг своей земли стену, а другой предъявит иск и заявит, что эта стена ему мешает или вредит, то старейшины пошлют двух справедливых людей на место, чтобы проверить, действительно ли эта стена вредит истцу. Если они установят, что стена действительно вредит истцу, то пока стена не будет снята, за каждый день с ответчика взыскивается штраф по одной овце» (Памятники, 1965: 82). Эта конкретная мера по охране прав владельцев земли в общем контексте отражает то, насколько все строение «мегъ» плотно сбивалось в единую систему, как уплотнялись частные секции (поля-террасы) в единую ассоциацию.

При террасировании только в крайне необходимых случаях допускалось прокладывание дорог, выючных и пеших троп между пашнями; как правило, ограничивались несколькими главными трассами, имевшими общее коммуникационное значение. Перемещение на конкретное поле происходило по бровкам соседних террасных полей и настолько аккуратно, что тропа не образовывалась. Тот же принцип сохранения пахотной площади соблюдался при орошении поля, по которому не рылись постоянные каналы, а прокладывались только временные, тут же уничтожаемые и превращаемые в обычную поверхность поля (Никольская, Шиллинг, 1952: 94). Привод рабочего скота на поля и осуществление перевозок по «мегъ» до главных дорог в летний период, когда «мегъ» был закрыт, не допускались. Единовременный выход населения на начало полевых работ и сбор урожая обеспечивал провод тяглого и выючного скота на участок по полям соседней без специально проложенных дорог, тем самым экономилась драгоценная земля,

которая в противном случае была бы поглощена дорогами. В сел. Аракань, например, за пять дней до наступления дня сбора винограда глашатай объявлял: «Чияе нух бугеб ахикья цѳороса роль нахье босе!» (Те, по чьему полю-саду имеется (проход) на чужое поле, пусть уберут кукурузу!). Не убравшие урожай не могли предъявить претензии за уничтожение и потраву посевов, находившихся на «дороге», т. е. на собственном же поле. Иногда ступенчатые террасы были устроены таким образом, что образовывали как бы единую ломаную линию лестничного марша, что облегчало коммуникацию и циркулирование влаги (Thouming, 1936: 116).

Большие дороги, членившие «мегъ» на части и имевшие общественное значение, были отделены от полей специально построенными по обеим сторонам дороги стенами, образовывавшими коридор между полями, по которому за пределы «мегъ» пастух водил часть молочного скота, оставленного на летнее время в ауле по решению джамаата. Эти дороги использовались для редких надобностей, потому что в период «закрытого “мегъ”» (2.8) запрещался вывоз с полей продуктов, фруктов, «хотя бы соломинки» сена. Проведение общих дорог и создание сложных ирригационных сооружений были делом всего джамаата.

Пахотные террасированные поля находились в частной собственности с правом полного распоряжения в пределах джамаата, и это обстоятельство сказалось на том, что ни жители квартала, ни члены тухума не имели обязательного соседства полей. Соседство по «мегъ» чтилось так же, как и соседство по кварталу, т.е. хозяева, чьи поля и сады были расположены в прямом соседстве друг от друга, занимая ту или иную часть «мегъ», образовывали ассоциации соседского типа (доброжелательность, взаимопомощь, скрытое соперничество, иногда и вражда были характерны для них точно так же, как и для соседства в ауле).

Известно, что во многих аулах с террасообразной планировкой крыши домов служат двором для выше расположенных домов. Крышей нижнего дома пользуется сосед сверху для всех хозяйственных надобностей (у дидойцев даже для обмолота урожая), а крыша его дома, в свою очередь, служит двором для следующего, расположенного выше и т. д. до самого верха аула. Такое пользование крышей привело к тому, что уход, ремонт и т.д. за крышей осуществлялись не непосредственным хозяином дома, а верхним соседом. Точно так же «мегъ» на склонах представляет собой нечто вроде гигантской лестницы, состоящей из полей с межами (откосами) и вертикальных опорных стен. Межи («санал») – откосы, особен-

но в орошаемой части или на западных склонах, представляли собой первоклассные сенокосы. Хозяин террасы пользовался не откосом собственной террасы, а тем, который служил «экраном» его поля, т.е. межевым откосом верхней террасы, принадлежавшей уже другому хозяину. Забота о подпорных стенах террасы, выходящих как на «соседа сверху», так и на «соседа внизу», была делом той группы владельцев, которая имела к ним отношение, а иногда и отдельных землевладельцев, ибо ливневые прорывы на одних участках угрожали и далеко внизу расположенным полям (Радианов, 1979: 175). Террасированные участки, расположенные в местах возможного ливневого прорыва, устраивали особенно прочно, порой на циклопической кладке. В окрестностях сел. Игали нами обмерены и сфотографированы террасы, стены которых построены из огромных многотонных каменных глыб, уложенных друг на друга. Подобные сооружения требуют усилий многих людей, каковыми являлись не только владельцы ниже расположенных участков, но и все общество. Экономическое благосостояние каждого из членов общины было важным фактором жизнеспособности общины в целом, оно поддерживалось общиной, если не строилось в ущерб общественным или частным интересам. Поэтому участие общества в любом строительстве индивидуального назначения и принадлежности рассматривалось как дело всей общины.

Топография полей, их характер и взаиморасположение диктовались двумя важными факторами. Эти факторы схожи с теми, которые определяли складывание всей территории общины: формирование полей и их взаиморасположения шло одновременно и пропорционально формированию самого поселения. Сложившийся «мегъ» был, как и весь аул, единой субструкцией, хотя и одновременно скомпонованной. Иногда отдельные части «мегъ» создавались одновременно, по заранее продуманному плану: каждому члену джамаата выделялся надел; после жеребьевки начиналось освоение наделов под сады, пашни и сенокосы, но выход за пределы намеченной джамаатом границы не допускался. Так, в сел. Аракани в начале XIX в. по решению джамаата был отведен под террасные поля склон протяженностью около трех километров и высотой до 100 метров. Ниже дороги и главного оросительного канала на всю длину склона было проложено до 70 ровных горизонтальных террасных лент. Их прокладывали по заранее продуманному плану и строили при полной кооперации труда. Подобные случаи отвода новых значительных частей пустошей, пастбищ и сенокосов под сады встречались не так уж редко (сел. Аракани,

Чох (местность, ныне носящая название «Коммуна»), некоторые участки «мегъ» в сел. Муни, местность Буцрахъ в сел. Игали). Отведение компактных участков общинных земель под пашни решением джамаата отразилось в одном из постановлений Гидатлинского общества в негативной редакции: «Если кто-нибудь вспахал землю на пустыре, который не подлежит раздаче людям в качестве пахотной земли, присвоил ее в качестве сенокоса или луга или частично прирезал к своей земле, то с него взыскивается штраф в размере двух котлов весом в 4 ратала натурой, но не стоимостью» (Гидатлинские адаты, 1957: 27).

Случалось и наоборот – отведение бывших полей на целые столетия под пастбища (так называемые заброшенные террасы). Забрасывались поля, окружавшие раннесредневековые поселения, при их слиянии в большие джамааты. Средневековые поселения, слившиеся в сел. Чиркей или покинутые населением в связи с усилением Чиркеевского общества, по сей день окружены заброшенными полями, ныне превратившимися в пастбища. Такова картина окрестностей множества крупных обществ. Северный склон горы Азал представляет собой террасированный луг, гораздо лучше прорастаемый, чем обычный склон, благодаря конденсации здесь влаги. Процессы превращения лугов, пустошей и бедлендов в террасированный «мегъ» и наоборот были динамичными и неоднократно протекавшими, но всегда касались лишь части общего пространства «мегъ».

О том, как простое расширение «мегъ» по инициативе частных землевладельцев в целях увеличения своих пахотных угодий пресекалось, свидетельствует следующее постановление: «Кто распахал хотя бы одну дорогу или одну борозду (имеется в виду ширина в 40–50 см. – М.А.) общественной земли на солнечной стороне, с того взыскивается в пользу джамаата 2 овцы, а кто вспашет харим с теневой стороны на полсаха (приблизительно 1,5 кг. – М.А.) посева зерна, с того взыскивается в пользу общества одна овца» (Памятники, 1965: 96). Но расширение «мегъ» при острой необходимости было возможно с согласия общества. Старейшины указывали место и условия, на которых наделенный землей мог обрабатывать себе участок. Очень часто джамаат дарил тому или иному своему члену надел сенокоса или земли при известных заслугах члена общества перед джамаатом.

Компактное отведение харимных (общественных) земель под пашни по решению общества носило уже отпечаток предварительной планировки. Около сел. Игали имеется «мегъ», называе-

мый «Буцрахъ», расположенный на конусообразном выносе ближайшего ущелья. «Буцрахъ» под пашни и сады был отведен явно компактно, по решению Игалинского общества и заранее распланирован, разбит на участки, наделы, были проведены огромные работы по расчистке земли от камней и укладке их в стены 2–3-метровой ширины и высотой от одного до трех метров. Эти стены не являются обычными подпорными. Они возвышаются над полями и разбивают все пространство на равновеликие прямоугольники и квадраты. Вся местность разделена стенами на три части (Агларов, 1986). Безусловно, могучие стены, вытянутые в три полосы, послужили прежде всего в качестве вместилищ для камня, выбранного в этой местности; промежуток между стенами использован под дороги. Обследование швов основных стен не оставляет сомнений в том, что это сплошная и единовременная застройка. О времени возведения этих стен не осталось документальных свидетельств, не отложилось оно и в народной памяти, но остатки разрушенных стен заходят под дома отдельных кварталов селения, это дома не поздние, даже не средневековые, а ранние, возможно весьма древние, вечно обновляемые и поддерживаемые.

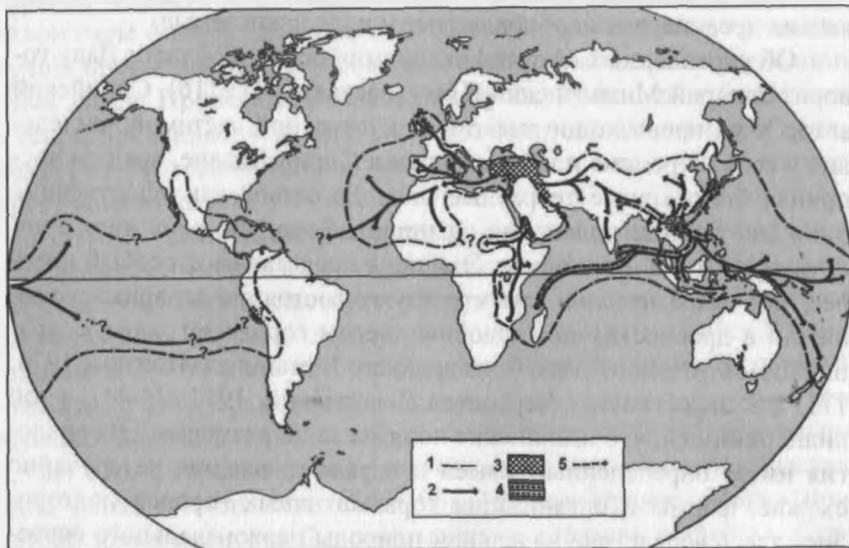
Об укрепленных «фортификациями» полях в области Даду говорит Захарий Митиленский (Пигулевская, 1941: 216). Сирийский автор V в., превосходно знакомый с террасной системой земледелия у себя на родине и в ближайшем к Сирии Ливане, вряд ли воспринял бы обычные террасные поля Дагестана как «фортификации» для защиты полей, как он пишет. Явно, что речь идет о сооружениях типа игалинских. Эти поля представляют особый интерес, ибо выразительно характеризуют состояние аграрных отношений в древности; они подобны клерам городской хоры, сохранившимся до наших дней близ древнего Мегалонта (Щеглов, 1976: 171) и в окрестностях Херсонеса (Блаватский, 1953: 25–44), с той лишь разницей, что игалипские поля малы по размерам. Эта аналогия имеет определенный смысл и отражает явления не случайно схожие: формы и организация хоры античных городов повторились здесь вследствие надельной природы первоначального освоения джамаатом определенной части своей территории. Как и в Херсонесе, полученные наделы в Игали превратились в частную собственность – усадьбы.

Итак, мы описали двойной процесс становления «мегъ»: стихийный, постепенный, но доминирующий, который мы условно называем «историческим», и запланированное заранее строительство полей на определенных участках. И в том и в другом случае

процесс складывания «мегъ» целиком и полностью был регулируем общиной.

2.5. *Террасирование полей.* Агрικультурное террасирование в Дагестане как по общим масштабам, так и по масштабам преобразования ландшафта достигло высокого уровня. Более того, Дагестан являлся одним из исходных центров этой великой системы (см. карто-схему).

Террасная система земледелия сыграла особую роль в формировании аграрных и как следствие социальных отношений у населения гор (Агларов, 1979: 17-19). Она органически связана со структурными особенностями общины вторичного типа, ибо известный тип аграрных отношений, неизбежно порождаясь данной системой земледелия, в совокупности с другими формами хозяйства (скотоводство) становится основой производственных отношений и социально-экономических связей внутри общины. С другой стороны, полное развитие и расцвет террасной культуры стали возможны лишь внутри общественных систем, ею же порожденных.

Первоначальные центры и дисперсия террасных технологий
(по Дж. Спенсеру и Г. Хейлу).

1. Ареалы террасной культуры.
2. Дисперсия агрিকультурного террасирования.
3. Исходные центры происхождения и дисперсий террасных технологий.
4. Центры затопляемых террас.

Иногда в литературе встречается представление, согласно которому формирование террасных систем, особенно такого размаха, как в Дагестане, – следствие деятельности крупных и непременно централизованных политических объединений, способных организовать большие людские силы и ресурсы. Но это иллюзорное представление, навеянное ассоциациями с огромными стройками древних цивилизаций. Террасирование полей действительно одно из «чудес света», по грандиозности сооружений и количеству вложенного труда превосходящее многие известные памятники. Географы полагают, что агрикультурное террасирование – едва ли не самый значительный из следов, оставленных деятельностью человека на земной поверхности, но вместе с тем феномен, наименее изученный как культурное явление (Spencer, Hale, 1961: 2).

Террасные пирамиды вблизи с. Кудали (Гунибский район).
Фото Р. Магомедова. 2010 г.

В отличие от других «чудес света» агрикультурное террасирование индивидуализирует труд по каждому из объектов, что вытекает из самой технологии террасирования. Следствием же индивидуализации труда явилось формирование нового типа отношений собственности, основанных на частной собственности, и соответственно более высоких и качественно новых общественно-политических форм. Но дело не только в индивидуализации, «парцеляризации» труда: расположение террас амфитеатрами, компактное сосредоточение в отведенных им местах (в нашем случае в таком комплексе как «мегъ») – свидетельство того, что раздробление и индивидуализация труда являются лишь определенной сто-

роной общинной (кооперированной) организации труда. Индивидуализация, таким образом, неотделима здесь от кооперации, но уже более специального и высокого порядка, чем непосредственная корпорация совместного труда.

Сказанное требует краткого рассмотрения технологии террасирования. Формирование господствующего типа террас (основные посевные площади Горного Дагестана) с межевыми откосами (полюя размежеваны между собой травянистыми склонами) было вызвано целями борьбы с эрозией почв путем специальной обработки или поперечной пахоты горных склонов. Будущий край террасы намечался хотя бы очень узкой горизонтальной полосой (условная межа между полями). Вспашка или ручная обработка этой горизонтальной полоски всегда завершалась захватом конца площадки (место упора горизонтальной полосы в склон), что формировало поле в ширину. Затем склон продолжали обрабатывать или вспахивать поперек снизу вверх до следующей намеченной линии. Вследствие постоянной обработки происходило смещение почвы сверху вниз, она накапливалась у межи («сан») и утончалась у верхнего конца террасы. Соответственно почвы у нижнего края террасы достигают высоты межи или подпорной стены, тогда как у верхнего конца поля они утончаются до обнажения материка. Формирование террасных полей в результате механического смещения почв после целенаправленной их обработки – важное свидетельство того, что террасные системы разбиваемой формы являются следствием целенаправленной многовековой борьбы земледельцев против эрозии почв на склонах гор.

Террасные поля. С. Гоцатль

Другой тип террас с самыми широкими аналогиями – это поля на подпорных стенах. В горах Дагестана они делятся на пашни («хур») с достаточно обширной площадью и узкополосные («парсал»), подвергаемые лишь ручной обработке. Генезис первых схож с генезисом только что охарактеризованной формы, но ведущую роль здесь играет антиэрозионная каменная кладка, которая задерживает ирригационные и дождевые наносы. Роль дождевых и ирригационных намывов в формировании террасных систем специально изучалась на дагестанских материалах ранее; то же отмечается и для других очагов террасирования (Крылова, Сванидзе, 1975: 36). Террасы, обрабатываемые вручную, отведены большей частью под сады, они поливные, с узкой продолговатой поверхностью. Эти террасы составляют приблизительно 10–15% всех систем террасного земледелия и приурочены к крутым склонам жарких долин. Такие поля могут быть созданы за один аграрный сезон путем рытья склона с одновременным возведением подпорной стены. Почвы на них наносные и целиком антропогенны.

Эта краткая технологическая характеристика рисует нам террасостроительство как постепенное, но прежде всего индивидуальное. При характеристике топографии «мегъ» (2.4) отмечалось участие общины и применение коллективного труда при сооружении отдельных объектов⁵ (Vajkai Zsofia, 1980: 111). Но, пожалуй, роль общины была ооолее действенной в планировании и содержании всего «мегъ», включая и террасированную его часть. Стихийное или планомерное наращивание «мегъ» было не чем иным, как террасостроительством, и террасное освоение пространства в целом происходило под эгидой общины. Но и община в своей структурной основе во многом являлась формой адаптации к практически рукотворному ландшафту. Подробнее на этой проблеме мы остановимся ниже, здесь же отметим, что при террасировании в организации пространства и приемах (режиме) эксплуатации всей окрестной сельхозокруги, включая и «мегъ», роль общественного начала неизмеримо возрастает. В общине происходят более четкое вычленение, противостояние и равновесие двух начал: частного и общественного, что образно воплотилось в «мегъ», где участок (терраса, сенокос, пашня и др.), индивидуаль-

⁵ Это в равной степени характерно и для строительства в других мировых очагах террасной культуры. «Только совместный труд с привлечением каждого члена общества, труд, наполненный священным благоговением, мог вдохновить человека на это творение», – замечает исследователь Vajkai Zsofia.

но вычлененный (физически, по конфигурации, и юридически), является в то же время неотторжимой частью общего пространства и эксплуатируется только в общем контексте «мегъ», согласно общему режиму и регламентациям, установленным общиной.

2.6. «Мегъ»: *ирригационные сооружения*. Так же определено, как и право на территорию, было известно право собственности джамаата на воду, протекавшую по его территории, и ее истоки. Известна ситуация, когда вода, берущая начало на территории сельского общества Араканы и протекающая на ирганайскую территорию, была вследствие какого-то конфликта направлена араканцами в другую сторону и ее поступление на ирганайские поля закрыто. Возникло дело о праве на воду; арбитры признали землю, откуда брала начало речка, араканской, а саму речку ирганайской. На этой основе сложилась поговорка: «ракъ гьерек|дерил, лым рихьундерил» (земля араканская, вода ирганайская). Это значило, что вода, несмотря на то, что ее истоки находились на территории другого общества, считалась собственностью тех, кто ею пользовался.

Вода считалась общинной, субъектом права на воду выступало общество (джамаат), частное водовладение в горах не известно. Поэтому сооружение, очистка и ремонт каналов проводились сообща по решению старейшин, о чем объявлял глашатай. Все население в объявленное время (весной) со своим инструментом выходило на строительство канала (равно как и на очистку и ремонт). Строительство стен, акведуков и их ремонт поручались мастерам. Горцы-земледельцы умели перебрасывать воду, несмотря на пересеченный ландшафт, на любые участки, находившиеся ниже точки отвода. В литературе XIX в. часто отмечаются факты умения прокладывать трубы. «Нередко туземцы, – писал П.П. Надеждин, – ведут воду с одной высоты на другую, даже через ущелья, в деревянных желобах, почти висящих в воздухе» (Надеждин, 1895: 63). Ремонт и прокладка подобных сооружений были делом умельцев и мастеров (каменщиков, столяров и др.). Остальные работы, как и рытье каналов, поручались всем остальным. Не вышедших на ремонтные работы штрафовали по тарифам, принятым в каждом обществе. Так как глашатай предварительно объявлял, чтобы в сезон ремонта никто не покидал селение по какой бы то ни было надобности, отъезд (т. е. отсутствие в селении) во время ремонта не принимали в расчет (сел Голотль); если кому-то все же непременно нужно было уехать, он должен был оставить за себя человека, который выполнит бы его работу.

Всю оросительную сеть можно себе представить в виде опрокинутого дерева, где ствол – основной канал, а ветви – ответвления. Работа на главных каналах распределялась по жребию. Ремонт и расчистку ответвлений выполняли владельцы тех земельных участков, куда поступала вода по тому или иному ответвлению. И наконец, тот участок канала, который непосредственно подавал воду на поле того или иного владельца, ремонтировался непосредственно хозяином поля.

2.7. *Общинный режим водопользования.* Порядки водопользования в определенной степени отражают внутреннюю организацию джамаатов, или, вернее, сами эти порядки являются выражением внутренних социальных связей между членами джамаатов. Приведем записанные нами в середине 60-х годов нормы водопользования в общинах Гимри, Игали и Гергебиле.

Полив в сел. Гимри начинали весной. Весенний полив начинался с ближайших к главному каналу полей, затем поливались дальние. При последующих поливах указанный порядок более не соблюдался. Летний полив («роол льялбай») проводили с начала до конца лета, т.е. до начала созревания культур. При летнем поливе очередь на воду устанавливали уже не так, как при весеннем поливе, т.е. не по ряду полей, а по сельскому ряду. Каждый дом по очереди, как он был расположен в своем квартале, мог пользоваться водой лишь в течение четырех часов (время устанавливали по солнечным часам), по истечении которых вода переходила в распоряжение следующего дома. Количество пахотных угодий, принадлежащих владельцу, при этом не учитывалось. Поэтому случалось, что безземельные и малоземельные члены джамаата продавали тем, у кого было больше земли, свое время для полива по ценам, которые назначались на импровизированном аукционе. Единицей измерения воды служила «мельничная вода», т.е. количество воды, достаточное для работы одной мельницы кавказской конструкции. Если случалось, что кто-нибудь не получал воду за летний сезон, то в следующем году очередь начиналась с него. Различали «дневную» и «ночную воду». По 4-часовой очереди использовалась только «дневная вода». «Ночная вода» («сардил тьим») находилась в распоряжении сельских правителей («члухлби») в качестве страховой. Если смотритель полей («магылгел») обнаруживал, что чей-либо участок выгорает, то правители предоставляли ночную воду для полива выгорающего участка. И сами хозяева полей, если обнаруживали, что посевы выгорают, а обычной очереди им не дожидаться, делали устное за-

явление правителям, те посылали на место нескольких доверенных лиц, которые определяли степень срочности полива и соответственно отдавали «ночную воду» для полива без всякой очереди.

В сел. Игали, расположенном в той же долине, порядок водопользования был иной. Здесь в качестве меры измерения воды употребляли понятие «дад» (Название керамического сосуда для сбивания масла.). «Дад» как оросительная единица равнялся количеству воды, протекающему через головной канал в течение $\frac{1}{4}$ светового дня. Следующая, меньшая единица – «ГеретI» (Аварское название кувшина для носки воды) равнялась количеству воды, протекающему за $\frac{1}{8}$ дня. Еще более дробной единицей была «кьолониункь» (Слово этимологизируется как четверть мерки, что соответствует саху, единице меры сыпучих тел. «Кьолониункь», вероятно, другое название саха), она равнялась количеству воды, проходящему по головному каналу в течение $\frac{1}{16}$ дня. День делили на четыре «дад» по солнечным часам. Первый «дад» – когда солнце взойдет и осветит ближайшую вершину, ХIуллиса; второй «дад» – когда солнце осветит годекан (Годекан – общественная площадь); третий «дад» – когда солнечные лучи осветят самую нижнюю часть внутренней стенки под навесом сооружения для заседания старейшин на годекане; четвертый «дад» – когда тень закроет ту же вершину ХIуллиса. В ненастные дни положение солнца определили по другим приметам, например по тому, куда дошло стадо скота, отправленное на пастьбу с пастухом. Определение более дробных единиц («ГеретI», «кьолониункь») происходило по солнечным часам (навес со столбом, на котором имелись деления), установленным на годекане. Водораспределителям в поле об истечении времени пользования водой давали знать сигналами с минарета: днем – размахиванием бурки, ночью – светом фонаря. «Ночная вода», так же как и в Гимри, была страхово́й.

Распределение воды в Игали являлось столь сложным делом, что были введены три должности. Их занимали люди, известные своей справедливостью, но, главное, искушенные в тонкостях этого дела и грамотные. Занимающий первую должность «лъел бетГергъанчи» (что значит «владелец воды») был обязан следить за соблюдением условий пользования водой и улаживать конфликты, нередко возникавшие на этой почве. Второе должностное лицо – «лъел миллат гьабулевчи» (буквально «ведающий водой») должен был во время орошения знать, где у кого находится вода, а также следить за состоянием каналов и обеспечивать своевременный отвод воды. Третья должность называлась «таптар ккуравчи» (хра-

нитель книги). У него находились записи – сведения о пашнях, подлежащих орошению, с указанием количества пахотной земли, принадлежащей тому или иному землевладельцу. Он располагал также таблицами солнечных часов и прочими вычислениями, вносил те или иные коррективы, связанные с изменениями в землевладении, реформами норм водопользования или топографией оросительных каналов. В «тапtare» (книге записей) было вычислено и установлено количество воды, необходимое для орошения полей того или иного владельца. Соответственно в Игали сложилась практика определения количества пахотной земли по единицам измерения оросительной воды «дад», «ГлеретI», «кьолониункь». Как в Дагестане, так и на Кавказе в целом подобный порядок измерения пахотных площадей как будто не известен; из ближайших аналогий можно указать на Среднюю Азию (Мухиддинов, 1975: 27-28), а «дальних» – на Индонезию, где у народа бали единицей «тенах», под которой обычно понимают территорию, орошаемую одним отводом от основного канала, исчислялись величина участков, размеры налогообложения и т. д. (Маретина, 1975: 141).

Нужно отметить, что измерение площади исключительно дорогой в прошлом для горца земли⁶ (Анучин, 1884: 399) количеством воды, отпускаемой для ее полива, было возможно лишь при достаточной стандартности употребления воды на единицу площади. Подобный способ измерения аналогичен практике учета при севе того или иного участка, размер которого в Дагестане определялся количеством зерна, употребленного для его полного засева.

Очередность на пользование водой в Игали была зафиксирована в упомянутом «тапtare». При этом очередность определялась земельным цензом: более крупные землевладельцы возглавляли список, а бедные и беднейшие замыкали. Однако фактической привилегии в первоочередном получении воды возглавлявшие список не имели, так как список очередей вступал в силу после жеребьевки между четырьмя лицами, выбранными из четырех кварталов аула (каждый из них должен был иметь участок земли не меньше одного «дад»). Имя победителя в жеребьевке считалось отправным при распределении очереди по спискам. Допустим, список составлен по земельному цензу: 1-й – самый крупный землевладелец, 202-й – самый мелкий. Победителем жеребьевки мог оказаться любой, например 20-й или 200-й (если только он был допущен к жребию по земельному цензу). Тогда первым воду получал 20-й, затем 21-й и т. д. Если победитель был в списке 200-м,

⁶ Стоимость одной десятины в горах доходила до нескольких тысяч рублей.

сначала очередь получал он, затем 201-й, 202-й, а лишь после 1-й, 2-й и т. д.

В Гергебиле существовал так называемый «порядок Салмана». Распределение воды происходило по жребью. Для жеребьевки село делилось на четыре части по четырем авалам (кварталам). Во время жеребьевки людей уравнивали по всем авалам так, чтобы в каждый квартал включалась четверть населения аула. Затем в каждом квартале люди делились на еще более мелкие группы, примерно по 25 человек; эти группы называются «рикьи» (от слова «рикьизе» – «делить»). Число «рикьи» равнялось числу основных каналов («рахьал»), расходящихся от главного канала у «магьил кIалтIу» (ворота «мегь»). В Гергебиле пятнадцати основным каналам соответствовали пятнадцать «рикьи». Жеребьевку проводили в каждом «рикьи» отдельно, предварительно пронумеровав претендентов по порядку. Если жребий падал, скажем, на 4-й номер, очередь на «дневную воду» получали 4, 5, 6, 7... 25, 1, 2, 3-й и т. д. по кругу, а на «ночную воду» – 4, 3, 2, 1, 25, 24-й и т. д. в обратном порядке. Соответственно все лето в «рикьи» очередь на воду шла по кругу, где каждый по общей очереди получал то «ночную», то «дневную воду». Гергебилский режим водопользования называют «Салманил ГIадлу» (порядок Салмана), т.е. за данной системой водопользования закрепилось имя реформатора. В документе XVIII в. о податях аварскому хану с жителей сел. Хиндах фигурирует термин «лъел рикьи» (буквально «деление воды») (Архивные материалы, 1962: 263), что, возможно, свидетельствует о сложении здесь водной общины.

Сел. Аракани (мегь). Оросительный канал

Суммируя материалы о водопользовании, можно сделать следующие основные выводы: вода считалась общественной собственностью и распределялась по специальному режиму между членами общины, право на воду «отчуждалось»: продавалось, покупалось и передавали по наследству; община учреждала должности смотрителей и распределителей воды, они имели и определенные преимущества при пользовании водой; в каждом ауле были свои особенности водопользования, вызванные специальными реформами; орошение в каждом из обществ было ограниченным, автономным и соответственно не перекидывало «мосты» между обществами, и если централизованное орошение способствовало централизации и персонализации власти, то автономным системам орошения соответствовало состояние общеполитической раздробленности обществ, хотя и невозможно утверждать, говоря о роли общины в организации орошения, что последнее вытекает из первого; в системе регламентации по эксплуатации «мегъ» орошения, где оно проводилось, занимало центральное место, являлось делом общественного регулирования и заботы, цементирувавших и консервировавших общественную систему, его обслуживающую, т. е. сельскую общину.

Акведуки в старом Чиркее. 1965 г. Фото автора.

2.8. «Мегъ»: общинная регламентация и режим эксплуатации.
«Кто снял урожай раньше установленного срока, должен платить штраф в размере одного къали (12 кг) зерном и отвезти урожай

обратно в поле», – говорится в адатах сел. Кахиб, словно речь идет о присвоении чужого имущества (Адаты сел. Кахиб: Л.5).

Старшина из Унцукуля по имени Омар Дибир был в Кахетии в гостях у князя Чавчавадзе. Гость принимал все виды угощений и пробовал все яства, кроме винограда. И только когда подошел пятнадцатый день осени, Омар Дибир совершил омовение и начал трапезу с винограда, который ему подавали и до того ежедневно, но уносили нетронутым назад. Князь объяснил удивленным домохозяевам, что сегодня день, когда в ауле Дибира разрешено убрать с полей и есть виноград.

Все эти казусы связаны с особым режимом эксплуатации «мегь». Общинную регламентацию сельскохозяйственных работ знали многие земледельческие народы, но такая жесткая и разработанная регламентация, как в Горном Дагестане, вряд ли сложилась еще где-либо, во всяком случае, на Кавказе.

Регламентация сельскохозяйственных работ в Дагестане привлекла внимание еще М.М. Ковалевского, который дал этим порядкам то же объяснение, что и многим другим особенностям хозяйственной и общественной жизни горцев Кавказа. М.М. Ковалевский писал: «От прежнего родового единства удерживалась одна, в высшей степени характерная черта, напоминающая собой немецкий Flurzwang и наводящая на мысль о самом источнике его происхождения. Я разумею этот факт, что сельскохозяйственные занятия, в особенности время уборки хлеба и сбора винограда, регламентируются начальством: в родовых обществах старейшиной и сельским старшиной. С минарета, где он имеется, всего же чаще с крыши стоящего на возвышенности дома в страдную пору выкрикивается по утрам распределение работ. Контроль за точным соблюдением подобного рода предписаний ведется самый строгий» (Ковалевский, 1890: 158).

Серьезное внимание вопросам регламентации уделили Р.М. Магомедов и Х.-М. О. Хашаев. Р.М. Магомедов указал в качестве примеров регламентации на адаты и обычаи сел. Кахиб и Мачада, согласно которым в поле можно было возить навоз только в определенное время года (Рук. ф. Д. 1662: 4). При этом для далеких полей был определен срок подвоза – после первого дня лета. Х.-М. О. Хашаев писал, что ни один житель общины не имел права раньше установленного срока начинать сенокосение на покосах (Хашаев, 1961: 277). В решениях, обязательных для народности бежтин, указывается: «Кто начнет косить сено раньше общества аула, с того взыскивается одна мера какого-нибудь хлеба в пользу

общества» (Из истории, 1968: 58). Когда объявляли день начала сенокоса, все жители выходили на покос и получали участки по жребью. «До назначения охраны судьи должны проверить места сенокосения. Они имеют право забрать скошенное сено, и кто скосил его, с того взимается штраф», – говорится в решении Кахибского джамаата (Рук. ф. Д. 1662: 5). «Уборка сена и хлеба должны были заканчиваться к определенному сроку, – писал Х.-М. О. Хашаев, – после чего на убранные площади пускали стада овец, принадлежащие членам сельхозобщины. Кто нарушал регламент, тот подвергался штрафу по адату. Этот порядок был установлен, по всей вероятности, во избежание хищений, порчи и т. д.» (Хашаев, 1961:227).

Регламентация начиналась с объявления первого дня выхода плуга, «оцбай». Затем регулировалось все, начиная с внесения удобрений и весеннего орошения и кончая сбором последних урожаев на полях и в садах. «Не разрешается возить навоз по дорогам, расположенным «магъиль» (среди полей), после появления кукушки, а по дорогам, расположенным в горах, – после первого дня хлеба», – говорится в пункте 31 Кахибских адатов (Рук. ф. Д. 1662: 5). Этот пункт был призван обеспечить охрану посевов и затем сенокосов от потравы рабочим скотом, на котором возили удобрения. На мелкие работы, разумеется, люди допускались индивидуально, но наступал период, когда в «мегъ» вообще никого не пускали или идущим с «мегъ» запрещали что-либо иметь с собой, будь то трава, овощи или фрукты. В целом «мегъ» оберегался как таковой, что избавляло хозяев от необходимости оберегать каждому свой участок.

Единовременный выход на весенние работы в поле имел не только календарное значение: на полях, которые одновременно засеяны, в целом и одновременно вызревал урожай, что давало возможность для массовой уборки «мегъ», что, в свою очередь, было важно для «открытия „мегъ"» («мегъ рагъизе»), т.е. предоставления «мегъ» для пастбы стадам аула, которые к осени с высокогорных пастбищ спускались к окрестностям селений и хуторов, расположенных по внешней границе «мегъ».

Проиллюстрируем этапы освобождения «мегъ» от посевов и отвод его под пастбу на примере порядков, которые были приняты в сел. Аракани. В августе глашатай объявлял, чтобы освобождали от посевов Шураб кккк (верхние части араканского «мегъ»).

По освобождении Шураб кКлал тут же предоставлялся вовольему стаду, которое содержалось летом в урочище Кудияяб рохьоб. Затем глашатай объявлял, чтобы жители поднялись в субалпи для сенокосения (сентябрь). После того как сено было скошено, сенокосы отводили под пастьбу находившемуся поблизости стаду телок и яловых коров. В середине октября глашатай объявлял, чтобы никто из селения никуда не уезжал, а тех, кто находится в отъезде, пригласили домой, и чтобы каждый убирал на своем поле культуры (главным образом кукурузу) в местах, по которым пролегают дороги на соседние, чужие участки. Глашатай также объявлял: «Ах биххана» (буквально «сады допущены»): в этот день начинался коллективный сбор винограда. По окончании сбора винограда глашатай объявлял: «Освободите от посевов Паса кьварилъи (Верхние теснины)». Сюда по снятии урожая на пастьбу прибывало стадо волов. Через 3–4 дня глашатай объявлял: «Освободите от посевов Гьоркьа кьварилъи (Нижние теснины)». Эта местность сразу же отдавалась под пастьбу. Дней через десять глашатай объявлял: «Все поля выше мельницы Этена освободите от посевов!». Соответственно освобожденная часть отдавалась под пастьбу. И наконец, глашатай объявлял: «Уберите все посеы до большой реки!». В итоге все пашни и сенокосы после уборки урожая и сена отдавались для выпаса стад.

«Мегъ», таким образом, являлся не только комплексом пашен и сенокосов, но и осенне-зимним пастбищем, и утилизация «мегъ» как пастбища была связана с планомерным освобождением его от посевов. Естественно, община была заинтересована в единовременном созревании злаков, условием чего является единовременный сев. Отсюда «закрытие “мегъ”» («мегъ кьай»), т.е. начало работ (пахота), и «открытие “мегъ”» («мегъ рагьи»), т.е. окончание уборки урожая и отдача «мегъ» под пастьбу, были едва ли не важнейшими организационно-хозяйственными функциями общины.

Хозяйственный рационализм в интересах всего джамаата ограничивал частное право свободного распоряжения временем работ членов общины на своих полях и в летнее время. Более того, с полей домой нельзя было носить овощи и фрукты без специального дозволения. Одновременные начало и окончание полевых работ были необходимы и в целях нормальной коммуникации. Регламентацию работ называли «мегьил глалду» («порядок “мегъ”»). Насколько он жестко соблюдался и какое значение ему придавали, свидетельствует приведенный кахибский адат, предписывавший

увозить обратно в поле урожай, если хозяин вывез его раньше объявленного времени.

Тип единого в структурном отношении «фаланстерного» строительства и организации «мегъ» с наименьшим возможным количеством стационарных дорог, когда сами поля и покосы на короткое время превращались в дороги; единовременное начало работ; тщательно организованное и строго регламентированное орошение; обеспечение удобрениями всех полей; единовременное созревание для совместной единовременной уборки всего «мегъ» были наиболее оптимальным способом эксплуатации сельхозокруги.

2.9. *Запреты на виноград.* Особое, не всегда, впрочем, до конца объяснимое место в системе регламентаций занимают «запреты на поедание винограда» (2.8). Употребление винограда до пятнадцатого дня осени преследовались не только общественным мнением, но и в некоторых местах унижительным осмеянием. В садоводческих селениях рассказывают, что нарушителя вывозили на осле с вымазанным сажей лицом. В с. Муни и Ортоколо, где с древних времён культивировался виноград, «за преждевременное употребление винограда или если виноградные косточки найдены на чьём-нибудь дворе с того взыскивалась в пользу общества одна корова» (Из истории, 1968: 23) (плата за поедание винограда с собственной лозы чувствительная). Р.М. Магомедов приводит запись адатов, врученных М.М. Ковалевскому. Там, где существуют виноградные сады, говорится в записи, ни один из хозяев не имеет право снимать кисти до известного срока, т. е. пока не последует разрешение на то всего общества. Если будет замечено, что в каком-либо саду сорван виноград, старшина и его ближайшие помощники проводят тщательные розыски. Если виновный не будет найден, всех жителей выводят из аула в пол. Женщин помещают отдельно от мужчин на значительном расстоянии. Если у кого найдут косточки винограда, тот платит штраф – двух быков (Магомедов, 1969: 176, 177). Сведения о такой процедуре розысков виноградных косточек записаны мной и в сел. Голотль.

Пятнадцатый день осени, когда разрешали уборку винограда в садоводческих обществах, превращался в праздник. Его считали настолько важным, что глашатай за пять дней объявлял, чтобы никто из селения не уезжал и чтобы убрали посевы, находящиеся на пути к полям соседей. Когда наступал назначенный день, первую заповедь – не трогать в садах виноград до дня объявления сбора винограда – нарушала женщина. Вернее, женщине предо-

ставлялось право сорвать первые гроздья винограда. На рассвете женщины аула (каждая семья выбирала кого послать) утром уходили группами в «мегъ» на свои поля с пением песен, воодушевленные и с праздничным настроением. С собой брали «чIчIеп», род специально плетеной корзины для отборных фруктов. Наполнив эти корзины самыми крупноплодными и вкусными виноградными гроздьями, возвращались домой. К тому времени все домохозяева ожидали приготовления блюда «цIурачадал (Лепешка, начиненная творогом): вместе с которым и поедали виноград. Затем все, кто в состоянии был идти, вместе с вьючным транспортом – ослами, на спину которых навьючивали крупные плетеные корзины для фруктов («гъагъал»), выходили на поля. Толпы празднично настроенных людей, идущих на сбор винограда со своих полей, создавали особую атмосферу. На дороге со всевозможной тарой, а иногда постелив прямо около дороги подстилки, сидели обучавшиеся в медресе местные студенты (мутаалимы), перед которыми женщины на обратном пути клали кисти винограда. Одаривали виноградом и бедных пришлых (не членов джамаата) и тех жителей аула, кто не имел виноградного сада. Именно этого дня, своего праздника, дожидался, согласно преданию, гость Чавчавадзе, к немалому удивлению домохозяев князя. Имеются и документальные подтверждения особого внимания дню открытия садов и снятия запрета есть виноград. Имеется письмо, в котором общество (какое именно, прочесть не удалось) просит наиба Мухаммада о том, чтобы он разрешил им сбор урожая винограда за три дня до наступления месяца рамадана (Рук. ф. Д. 461). Смысл прошения в том, что на этот раз день праздника винограда приходился на месяц поста рамадан, что нарушало традиционный праздник. Поедание винограда в запретные дни, по поверью, еще и сокращало жизнь нарушителя.

* * *

Мы попытались объяснить жизненную необходимость строгой регламентации сельскохозяйственных работ. Практически трудно себе представить ведение обширного земледельческого, садоводческого и скотоводческого хозяйства при ярко выраженном частном начале без регламентации; альтернативой могли быть либо монополия отдельных хозяйств, либо первобытный примитивизм со свойственным ему хозяйственным коллективизмом. Существует точка зрения, согласно которой описанные нами порядки

отражают былой хозяйственный коллективизм. Но мы попытались показать не их пережиточность, а то, что регламентации составляли одну из важнейших сторон организации хозяйственной жизни сельских обществ.

2.10. *Общинная организация хуторского хозяйства.* Скот, как и земля (за исключением определенных категорий высокогорных пастбищ), находился в частной собственности. Субъектом собственности была малая семья, а у Главного Кавказского хребта (тляротины, бежтины, дидои) в качестве субъекта собственности, помимо малой, часто выступала неразделенная семья.

Скот большей частью содержался на сезонных хуторах; община определяла сезон и время нахождения того или иного вида скота на различных типах хуторов. На этих хуторах возникали также своеобразные узлы сочетания скотоводства с земледелием. Хутора вокруг крупных аулов в Нагорном Дагестане отличались от хуторских хозяйств Европы и Америки, которые, собственно, и составляют привычное представление об этом роде хозяйства, когда отдельный земледелец ведет сельское хозяйство, часто связанное с освоением новых земель, в однодомном поселении. Хутора в Горном Дагестане примечательны не только местоположением, архитектурой, но и функциями и органической связью с аулом, общиной-джамаатом. Эта особенность горских хуторов не прошла мимо внимания авторов прошлого столетия. «Хутора эти – своеобразная особенность здешнего горского хозяйства, – писал Е. Марков, – они населяются только зимою, когда невозможно держать скот на пастбищах, а приходится загонять его под крышу, где уже заранее собрано сено, рубленая солома и всякое зерно. В хуторах обширные двухъярусные, трехъярусные сакли. Но в них (в летний период. – М. А.) не живет никто» (Марков, 1887: 535).

Процесс возникновения и развития хуторской системы с разной степенью полноты освещался почти во всех работах этнографов, касавшихся поселений и хозяйства народов Дагестана (Гаджиева, 1960: 29; Агаширинова, 1959: 239; Исламмагомедов, 1964: 13; Османов, 1962: 220; Агларов, 1966). У аварцев эта система была развернуто описана и исследована С.Х. Асиятиловым, в частности показана глубокая связь хуторского хозяйства с социальной стратификацией аварского общества (Асиятилов, 1966; Асиятилов, 1967; Асиятилов, 1965). В нашу задачу входит рассмотреть хуторскую систему как составную хозяйственную часть всей общины, органически входившую своими хозяйственными, социальными и

нормативными связями в общину-метрополию, основавшую эти хутора.

Хутора создавались в хозяйственных целях, причем их жители оставались равноправными членами общества. Более того, хутора большей частью являлись имениями богатой верхушки общества, входившей в управленческую прослойку. Эти лица, имевшие сезонные хутора в нескольких местах, полностью освобождали основное свое местожительство – «росо» – от земледельческо-скотоводческого хозяйства, сосредоточив таковое на хуторах, а в дом привозили уже готовые продукты. Батраки, слуги или лаги чаще всего находились на хуторах, работая на хозяина. Иногда хутора превращались в доходное место, где определенные лица принимали на содержание скот, присматривали за ним и получали молочные продукты, за что им на договорных условиях оставлялась часть скота и продуктов (Асиятилов, 1966: 361). Хутора группами располагались вокруг основного селения, образуя настоящие маленькие поселения.

Если зимой на хуторах держали свой скот сами владельцы, то с ранней весны, когда здесь пробивалась трава и присельские зимние пастбища (пашни) «закрывались» под посевы, общественный скот перед перекочевкой в альпийскую и субальпийскую зоны перегоняли на эти хутора, здесь он успевал акклиматизироваться (Асиятилов, 1966: 361). Летом весь скот поднимался выше, и хутора, в свою очередь, превращались в заповедные зоны. Здесь образовывались или сенокосы, или зоны травостоя для зимней пастьбы.

Хуторские поселения имели тенденции к отделению от «метрополий» и превращению в самостоятельные поселения с постоянным населением и территориальной сепарацией. Однако реализация этих тенденций зависела от множества факторов, и прежде всего от решений джамаатов, экономического и политического ядра общины. Иные общества удерживали хуторскую систему как важный элемент их хозяйственного уклада, не допуская обособления даже в ограниченных вопросах, выходящих за пределы интересов непосредственного хозяйства на хуторах. Гидатль, Андалальские общества (сел. Чох, Ругуджа), Тинди, Анди – характерные образцы развитых хуторских комплексов земледельческо-скотоводческого и чисто скотоводческого направлений. Тинди, например, окружен отселками (Акнада, Тисси и др.), которые ранее были его хуторами, в прошлом закрывавшимися на лето. К XVII – началу XIX в. хутор Акнада настолько укрупнился, что превратился в селение, но юридически не обрел своей территории

и политически в большинстве важных вопросов был связан с «метрополией». Вместе с тем здесь имелись десятки групп хуторов, находившихся на положении сезонных, без каких-либо территориальных и политических прав потому, что хозяевами этих хуторов являлись жители Тинди – «метрополии». Общество Тинди в этом отношении интересно как модель, где процесс превращения хуторов в отдельные отселки (с территориальными и политическими правами) зафиксирован в нескольких звеньях или этапах. При этом общество Тинди не находилось в динамическом состоянии превращения его хуторов в селения: промежуточные звенья (сезонные хутора) зафиксировались в их непосредственных функциях и вряд ли имели перспективу превращения в отселки и селения. Они слишком близко располагались к центральному обществу, и передача им территории лишила бы само Тинди важнейших частей его территории. Пока джамаат Тинди обладал политической силой, он не допускал отделения близлежащих отселков, непременно добываясь полного вывода населения и скота из хуторов-отселков в летний сезон, в период «закрытия “мегъ”». Но самые отдаленные тиндинские отселки (например, Эчеда) стали самостоятельными селениями с полной передачей им окружающей территории еще в средневековье.

Скотоводство в горах, таким образом, порождало сложные территориальные земельные и имущественные отношения, среди которых особенно характерны отношения кооперации в ведении скотоводческого хозяйства, где частное начало (собственность на скот) получило общественную, кооперированную форму в содержании и ведении пастбищного скотоводства. При высокой скотонагруженности Нагорного Дагестана и господстве частной собственности на землю общины путем кооперирования (совместной пастбы, отведения под пастбу как общественных, так и частных земель («открытие “мегъ”»)), ведением хуторской системы) добивались оптимальных форм содержания скота на заданной территории. У отдельных обществ эта территория была по размерам незначительной – не потому, что ее было мало в экологическом окружении сел, а по причине засилья более сильных обществ, захвативших львиную долю окрестных районов. Общества с незначительной территорией были вынуждены сокращать скотоводство до минимума. Значительное развитие скотоводства было возможно лишь в тех обществах, которые, возвышаясь, прежде всего обеспечивали себя обширными территориями путем захватов или через куплю (Чиркей, Анди, Чох и др.). Здесь же выделялись скотовла-

дельцы с частными пастбищами. Товарное скотоводство давало им возможность выхода за пределы своих территорий на арендных началах, так же поступали и общины. Одним из важнейших следствий кооперированных форм общинного скотоводства было его влияние на сохранение или формирование общинных пастбищ. Мы говорим как о сохранении, так и о формировании потому, что общинная (общественная) собственность на пастбища, особенно на альпийские, возможно, остаточная от первичной земледельческой общины архаической формации. Тем не менее мы не исключаем возможности формирования такой собственности и из индивидуальных форм по мере «урбанизации» (объединения мелких поселений) и становления общины вторичной общественно-экономической формации. Но какой бы из этих двух источников ни являлся доминирующим (или даже единственным), следует подчеркнуть, что общественная собственность на пастбища была оптимальной для утилизации, обладала несомненными хозяйственными преимуществами перед чересполосицей мельчайших частных владений при эксплуатации пастбищ. Оправданная при крупном, скажем феодальном или кулацком, землевладении, частная форма владения и эксплуатации становится практически невыполнимой при эксплуатации общинниками каждого из участков пастбищ отдельно друг от друга. Такая разбивка была просто невозможна в условиях аграрной перенаселенности и высокого удельного веса скотоводства.

2.11. Отражение общинной организации в субструкциях хозяйственных кварталов. Обычно скот, особенно молочный, содержался в хлевах в ауле. Хлев являлся неотъемлемой частью горского жилища и чаще всего занимал первый этаж. Конструкции по вертикали хлев – жильё были ведущими типами жилья в большинстве скученных аулов Аварии. В сел. Муни мне приходилось видеть объединенные около пяти или шести хлевов нижних этажей. Верхние жилые этажи, расположенные вплотную друг к другу, «отодвинуты» к склону, нижние этажи (хлева) свободно сообщаются между собой и находятся под одной крышей, которая, в свою очередь, образуя продолговатую террасу, служит двором для жилого второго этажа. Такой «фаланстер» не обязательно занимали родственные между собой организации (тухум и т.д.), хотя это всегда предпочиталось. В подобных обширных, сообщающихся между собой хлевах содержали скот также в сел. Корода и др. Однако это было не правилом и касалось прежде всего долинных обществ («хьиндалъи») с особо плотной застройкой и

малым количеством скота. Обычно каждая семья имела отдельно построенный или включенный в жилой дом хлев. Но были и аулы с уменьшенными хлевами или вовсе без хлевов, в этом случае скот содержался на хуторах.

Г.Я. Мовчан, исследовавший старейшие типы аварского жилища, в частности жилища Гидатля, писал, что хлева «случайны и не присущи жилищу как таковому» (Мовчан, 1972: 133) и что эта случайность животноводческих помещений по отношению к жилищу – случайность расположения, величины и, главное, самого наличия – заставляет предположить позднейшее включение подобных хлевов в готовое жилище. Г.Я. Мовчан указывает на сел. Тинди, где в субструкциях цепи древних домов лишь в двух местах, там, где понижался волнообразный продольный профиль и само собой получалось подполье, оно использовалось под хлев и в него были пробиты двери (Мовчан, 1972: 133).

Рисунок А. Джемалы «В ауле». Музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой

Нужно сказать, что в крупных, как Тинди, старых аулах – политических центрах Нагорного Дагестана – скот вообще не содержали. Специальные постановления запрещали приведение в главный аул скота без доказанной в этом необходимости. В таких аулах могла находиться лишь часть молочного скота. Уместно в этой связи указать на письмо Араканского общества, где оно объясняет наибу Хамзат Хаджи, что для содержания скота населения места в ауле и на его окраинах не имеется, что скот всегда содержится на хуторах (Письмо. Д. 611).

В отдельных аулах создавались специальные кварталы для содержания скота. Такие кварталы описаны в литературе (Никольская, 1947: 103), они любопытны с архитектурной точки зрения. Г.Я. Мовчан писал, что эти кварталы, не имея в своем составе никаких жилых помещений, состоят из хлевов и сеновалов, либо объединение (на первом этаже – хлева, на втором – сено, как, например, в селениях Гидатля), либо отдельно (например, в богулальском сел. Кванада, где сеновалы («кӀехиль») делались двухэтажными, как и хлева). В хлевах нижние этажи отводились для коров, быков и лошадей, а верхние – для овец («рухур»). Г.Я. Мовчан считал, что архитектура этих кварталов еще ярче, чем жилище, сохраняет следы и традиции единовременного возведения. Длинные ряды двухэтажных строений имеют общую крышу, общую (без швов) наружную стену, общие, а не спаренные разделительные стены, а громадный сеновал в сел. Кванада вообще не был разделен (Мовчан, 1972: 135). Это очень важные описания и безусловно интересные архитектурные явления. По признанию Мовчана, эти кварталы имеются «вблизи как раз всех тех селений, где сохранились старинные жилища, либо вовсе лишенные животноводческих помещений, либо имеющие их в случайных местах в качестве позднейших включений... Такое полное совпадение само по себе способно породить заключение о взаимосвязи этих явлений» (Мовчан, 1972: 135). Более того, можно добавить – это связь самоочевидна. Г.Я. Мовчан прав, когда писал, что «длинные ряды двухэтажных строений имеют общую крышу, общую (без швов) наружную стену и общие, а не спаренные разделительные стены» и что «ни один дом (это относится и к хлевам. – М.А.) не может быть выделен и конструктивно не самостоятелен» (Мовчан, 1972: 135). Отсюда Г.Я. Мовчан заключал, что соответственно не могло быть собственности отдельной малой семьи на эти не отдельные строения (Мовчан, 1972: 130). Этот вывод диаметрально противоположен нашему: если индивидуальное строение «физически» не

оторжимо (конструктивно не самостоятельно), то все внутренние помещения юридически «отторжимы» и самостоятельны. Как в современном кооперативном доме, ни смежные стены, ни общая крыша не мешают юридической самостоятельности квартир как объекта и семей как субъекта права, так и в старых хозяйственных кварталах имущественные отношения указывают на иную социальную организацию общества, состоявшего из индивидуальных семей (3.11–3.14). Дуализм индивидуального и коллективного, проявившийся в хозяйственных сооружениях, мы видим почти во всех звеньях хозяйственного организма джамаатов в Нагорном Дагестане: в организации «мегъ» (2.8), в структурах поселений (2.3.) и т.д. Этот дуализм просматривается во всех сферах экономических и общественных отношений; частное в его крайней разграниченности и экспрессии обрамлялось общим и стягивалось им в единую живую систему. При этом второе являлось гарантом первого (Маркс, Энгельс, 466).

Таким образом, можно заключить, что архитектура хозяйственных кварталов поселений Нагорного Дагестана уникальна, особенно в ее «фаланстерном» воплощении, что коллективизм, выраженный в этих формах, в существе своем противоположен исторически изначальному, корпоративному и что гражданская община являлась как создателем, так и носителем этих форм.

2.12. *Организация пастбищ.* Пастьбу скота можно было осуществлять только на территории собственного джамаата. Любое отклонение от этого правила происходило лишь по договору с обществом, на чью территорию пускался скот. Территориальный принцип был незыблем, при этом никак не учитывалось, есть ли у данного общества нужные луга или их нет и у кого они в избытке.

Обычной мерой был угон скота, перешедшего границы территории на пастбищах, но дело могло осложниться. «Если односельчане вышли получить ишкил⁷ от лиц, пустивших скот на их территорию, и при этом в драке кто окажется убитым или раненым с обеих сторон, то дият и стоимость раны должны дать все односельчане, а не один, кто совершил убийство или ранение», – говорится в кодексе Умму-хана Аварского (Памятники, 1965: 267.).

Ответственность по нормативам уголовного права в Аварии везде была индивидуальная (Омаров, Маршаев, 1958: 137). Перед нами же распространенная ситуация, когда за поступки и деяния

⁷ Насильственный захват имущества истцом до удовлетворения иска или погашения долга, обычно ишкил называют долговым насилием.

своего члена, совершенные в интересах общества, отвечал весь джамаат. Тем самым действия члена общины, даже уголовные, но совершенные в интересах общества, возводились в ранг выполнения гражданского долга.

Столкновения между джамаатами и их союзами из-за перехода скота на чужую территорию были едва ли не самой распространенной причиной межаульных, часто кровавых столкновений, маслаатских решений, переписки с апелляцией к старейшинам и духовным лицам и т.д. Крупное общество Телетль с обширной территорией шлет, например, письмо малому обществу Голотль с просьбой не посылать скот на землю Телетля, если жители Голотля хотят избежать ссоры. Голотлинцы отвечают, что они имеют равные права на оспариваемое урочище и что телетлинцы не должны жалеть эти места, которые «поедают суслики» (Рук. ф. Д. 611), т.е. которыми никто не пользуется. Унцукульский джамаат требовал от Ашильтинского не допускать скот на унцукульские пастбища (Рук. ф. Д. 1692). Обохский джамаат требовал от Чохского общества прекратить потраву пашен лошадьми (Рук. ф. Д. 883). Число подобных примеров можно легко умножить.

Характерно, что не материальный урон прежде всего имелся в виду при нарушениях правил пограничной пастьбы, а принципиальный запрет на переход границы, поэтому композиции были неумеренно завышены; часто случались драки и ранения, боевые стычки, а иногда начинались и настоящие войны.

Пастьба скота за пределами территории общины, как уже говорилось, была возможна с согласия общества, в чьи пределы пригонялся скот. Старейшины общества сел. Бекиль, например, просили общество Унцукуль разрешить пасти свей скот на территории Унцукуля (имелся в виду определенный пограничный район) (Рук. ф. Д. 1509). Такие разрешения носили арендный характер и приносили порой значительный доход джамаатам, обладавшим большой территорией с избытком пастбищ.

Организация общинной (общественной) территории для пастьбы скота являлась специальной заботой общины. Во всех селениях сложилась определенная система передачи под выпас той или иной части сельхозокруги. Прежде всего в летний период скот выводился за пределы «мегъ» по дорогам, специально проложенным между пашнями и садами. Чтобы не допустить потравы посевов и сенокосов, эти дороги ограждались с обеих сторон высокими каменными стенами. Все скотоперегонные трассы и за пределами «мегъ» вплоть до выхода скота на определенное для

данного рода стада пастбище контролировались: «Цекобцы решили гнать стадо ослов и телят, начиная с ущелья Икахари, через стоянку овец Гуммахана» (Памятники, 1965: 102). Пастбищные территории разбивались на разряды: для рабочих волов, для коров, для телят, для табунов. Высокогорные пастбища также использовались по типу стад: для молочного скота, для овцематок, для ягнят, для яловых и годовалых, для кастрированных баранов и производителей. Доказательством, что такие разбивка и «переразбивка» были делом общины, является постановление сел. Лъануб, которое согласилось «отделять ягнят от взрослых овец при отделении баранов и не выделять молодняку отдельного пастбища, кроме пастбища волов» (Рук. ф. Д.1662).

Такая дробная разбивка требовала и рационального выпаса, который регулировался общиной. Любые перемены относительно видов пастбищ могли быть произведены только по решению совета старейшин, что видно из множества постановлений. Мы имеем документальное свидетельство, по которому специальным решением цекобцы упразднили старое и утвердили новое место для пастьбы стада волов (Асиятилов, 1966: 350). Лъанубцы постановили пасти свой скот «на земле, прилегающей к пастбищу быков» (Рук. ф. Д. 1662). Они же решили «оставлять крупный рогатый скот только в местности Кулуки и не оставлять в другом месте» (Рук. ф. Д. 1662). Еще более выразительно келебское постановление: «Если кто пустит скот на охраняемое пастбище, специально выделенное для пастьбы рабочих волов, то с него взыскивается штраф в размере одной овцы» (Памятники, 1965: 78). Запреты на пастьбу на «закрытых» участках были предметом особой заботы джамаата и лиц, облеченных исполнительными полномочиями. В келебском судебнике мы находим пункт, по которому сами власти наказываются при малейшей халатности в соблюдении установленных обществом относительно запретов пастьбы на «закрытых» участках земель и одновременно им вменяется строгая охрана сенокосов. Правители и исполнители были обязаны строго охранять сенокосы, если они скрывали того, кто допустил потраву сенокосов, то с них взыскивался штраф в размере одного барана. Исполнители должны были очистить себя клятвой с разводной формулой, что они правильно взыскали штраф с пастухов, а если они отказывались от присяги, то с них взыскивался штраф в размере двух баранов (Памятники, 1965: 78).

Совершенно не допускалась пастьба скота в запретных местах. Таковыми были прежде всего мульки и владения частных

лиц. «Если кто своим скотом потравит сенокос другого, то с него взыскивался штраф в пользу общества в размере одной коровы, а также стоимость потравленной травы в пользу хозяина в размере, установленном по его присяге», – говорится в своде постановлений и адатов, обязательных для Гидатлинского «вольного общества» (Гидатлинские адаты, 1957: 19). «Если кто-либо пустил свой скот на чужую собственность, угрожая хозяину словами “Попробуй подойти и не допусти их, если можешь!”», то с него в пользу хозяина штраф», – говорится в адатах сел. Лъануб (Рук. ф. Д. 1662). Здесь явно имелся в виду случай преднамеренной потравы, что было равнозначно мести, вызову и т. д.

Нельзя было допускать потраву общественных земель, отведенных под сенокос, до распределения их среди жителей и окончания сенокосения: «Если кто-нибудь пас стадо коров, или быков, или своих овец на общинных лугах до истечения десяти дней после объявления сенокосения на данных лугах, то с него взыскивается штраф в размере одного котла» (Гидатлинские адаты, 1957: 29). Сенокосы «закрывались» для пастьбы в определенное время, но запрет на пастьбу не всегда объявлялся специально, просто с наступлением весны известные луга ограждались от пастьбы. Эта неопределенность, вероятно, послужила причиной и такого постановления общества Ригьикъ: «Если кто-нибудь задержал овцу из стада другого якобы за потраву луга до объявления запрета пастьбы, то с него взыскивается одна овца как штраф и компенсация за задержанную овцу» (Рук. ф. Д. 1662).

Сроки «закрытий» и «открытий» «мегъ» и сенокосов чаще всего зависели от длительности зимы, т.е. от метеорологических условий в межсезонный период. Их нарушения приводили к инцидентам, подобным изложенному в постановлении общества Ригьикъ. Мы встречаемся с четким постановлением, являющимся реакцией на такие инциденты: «Жители селения Лъануб согласились вовремя начать охрану полей («мегъ къай»), и прекращение охраны «мегъ рагъи»), и кошение сена» (Рук. ф. Д. 1662). Охрана отведенных под сенокосы или пастьбу общественных земель от преднамеренной или случайной потравы была настолько важной заботой общины, что по законам Келебского общества владельцы скота и пастухи должны были принести присягу, что их скот не ел травы на запретных землях общества, «если кто из них не дает такую присягу, то с него взыскивается штраф в размере одного бара на весной» (Памятники, 1965: 78).

Охранялись также пастбища, предназначенные на зимний период. Это прежде всего «мегъ» – пашни, огороды, сады и т.д., непосредственно окружавшие селение. После «открытия “мегъ”» осенью пашни становились осенне-зимними пастбищами, согласованный порядок их отведения для различных видов стад иллюстрируется характерным примером сел. Аракани (2.8.). Таким образом, происходило сохранение на зиму части аульских пастбищ. Во многих обществах на зимних пригревах разбогатевшие члены обществ строили себе хутора, окрестности хуторов превращались в собственность насельников вследствие развития около хуторов частной собственности. Однако для весенней пастьбы эти частные пастбища должны были безоговорочно открываться для общественных стад (Асиятилов, 1966: 350).

2.13. Организация пастьбы. Пастьба скота, как и организация пастбищ для этой цели, была делом общины, она допускалась лишь в разрешенных обществом местах. Осуществление пастьбы, особенно в летний период, требовало не только предварительной четкой организации, но и постоянного присутствия пастухов, табунщиков при стаде; если они отсутствовали, пастьбой занимались поочередно все члены джамаата. В андийских адатах говорится, что «пастух всегда обязан находиться при баранах и всеми силами стараться как о благополучии их, так и о том, чтобы не были расхищаемы хищными зверями и ворами», оговаривались условия дачи доказательств пастухами хозяевам при заявлении о том, что баран или иной скот стали жертвой хищных зверей (Памятники, 1965: 166). «Всякий имеет право или сам, или через кого-либо другого, даже через детей, отправлять в табун или в стадо свою скотину, рогатую или другую, в случае, если доставленная в табун посторонним человеком или самим хозяином скотина пропадет, а пастухи будут отговариваться, что они не принимали ее, а хозяин будет обвинять взявшего ее доставить скотину в табун или самого табунщика, то в этом случае хозяин скотины имеет право искать с виновного, как за невозвращение аманата (аманатом называется всякого рода имущество, отданное кому-либо на хранение. – М.А.), в случае же, если пастухи или табунщики признаются в том, что действительно скотина была доставлена в табун или стадо, но пропала не по их вине, то они платят хозяину половину стоимости» (Памятники, 1965: 167). В адатах других обществ Западного Дагестана ответственность за поголовье также полностью возлагалась на табунщиков, чабанов и пастухов (Памятники, 1965: 154). Вероятно, обязанность пастуха неотступно находиться при стаде и

знать все, что касается последнего, должна была выполняться столь неукоснительно, что старейшие адаты Келебских селений содержат пункт, согласно которому «если у пастуха украдена скотина и об этом узнали старейшины раньше, чем сам пастух, то с пастуха взыскивается пахотный участок, равный пахотному участку Исмаилил хур, независимо от величины краденного» (Памятники, 1965: 75). Исмаилил хур (пашня Исмаила) тут же оценен в 30 голов овец (Памятники, 1965: 75). Такое неумеренное завышение композиции сделано явно не только для возмещений ущерба, но и как весомое наказание за халатность.

Яркой формой кооперации членов джамаата была организация пастьбы кооперированного аульского скота. В те годы, когда общине не удавалось нанять пастуха, члены джамаата устанавливали очередь. Очередь устанавливали и на пастьбу определенного вида скота, чаще всего телят, ослов и лошадей, если не находили наемных пастухов. Очередность – «ирга» (буквально «ряд») ложилась на всех, кто приводил в общие стада свой скот, и устанавливалась по ряду домов в квартале; первый шел по жребью или добровольно с любого конца аула или квартала, затем очередь шла так, как она была установлена с незапамятных времен. Иногда в таких крупных населенных пунктах, как Анди, который делился на кварталы Гьилареххун, Гьикюреххун и Сатлалал, образовывалось несколько стад по числу кварталов. В этом случае очередность шла по замкнутому в каждом квартале отдельному кругу.

Несмотря на то, что очередность была известна, общество обязывало по окончании своего «дежурства» предупреждать о предстоящем «дежурстве» следующего. «За тем, кто не довел стадо до перегона, и за тем, кто после окончания очереди не сообщил следующему по очереди, – полмерки», – говорится в адатах сел. Гента Гидатлинского «вольного общества» (Рук. ф. Д. 1662). Если кто пропускал свою очередь, с того взимались две овцы (Рук. ф. Д. 1662), за опоздание до полудня – одна мерка зерна (Памятники, 1965: 80). Стадо никогда (за исключением зимнего периода) не оставляли без присмотра и тот, кто по очереди («ирга шварав») должен был находиться со скотом, освобождался на этот день от всех повинностей перед общиной, его интересы в общине обеспечивались без его присутствия в ауле: «кто уходит на сельскую очередную повинность в день боя овец в рамазан месяц, тому выделяется доля; охраняемое им стадо без надзора не оставляется без разрешения старейшин селения» (Памятники, 1965: 80). Очередная

пастьба («ирга») скота, как говорилось, не была системой, ибо правилом являлся наем пастухов и чабанов.

В Гидатлинском обществе отмечены любопытные смешанные нормы пастьбы скота, касавшиеся воловьего стада. С. Асиятилов относительно Гидатля писал, что владельцы быков и жители села, не имевшие ни одной головы крупного рогатого скота, должны были по два или три дня находиться в горах, помогая пастухам, и наравне с пастухами нести ответственность (Асиятилов, 1966: 362). Как правило, каждый такой «очередник» должен был пасти скот столько дней, сколько голов его личного скота было в аульном стаде. И наоборот, в иных обществах независимо от количества голов собственного скота в кооперированном стаде каждая семья (домохозяйство) пасло стадо определенное количество дней. Скотовладельцам с большим количеством скота в стаде казалось, что этот порядок являлся наиболее «справедливым». А тех, у кого в стаде было по одной или две головы скота, устраивала очередь, выстроенная по принципу количества голов в стаде. На этой почве возникали конфликтные ситуации. Рецидивы этих конфликтов дожили вплоть до XX в., до периода коллективизации сельского хозяйства. Например, в сел. Ричаганих Цунтинского района на сельском сходе бедняки подняли вопрос о том, чтобы очередь на пастьбу скота была установлена в соответствии с наличием скота в каждом хозяйстве. Но богатые добились своего, на сельском сходе решили: «Будь бесскотным, с многочисленным скотом, каждый хозяин выходит пасти один день по очереди» (Османов, 1970: 52). Как замечает Г.Г. Османов, этот обычай сохранялся во многих аулах (Османов, 1970: 52).

Пастьба молочных, воловьих стад, табунов, телят и ослов – того скота, который содержался не на хуторах и отселках, а непосредственно в главных аулах, размещенным подворно или в отдельных кварталах, происходила (если не было пастуха) по очереди, образованной по кварталам. Что же касается овечьих стад, то на нагорных альпийских пастбищах (если не было чабана) для очередей возникали особые альянсы – «коши» – по родственному, соседскому, квартальному принципам или по свободному выбору. Впрочем, так же формировались стада и при наличии пастухов. Среди названных были свободные альянсы. Для XVIII – начала XIX в. о подобных объединениях в моем распоряжении имеется единственное свидетельство, любопытное тем, что специальным решением отменяется какой-то старый порядок объединений и разрешается свободное объединение. «Жители селения Лъануб

согласились объединить овцепоголовье, как сами того хотят. Если останутся отдельные головы необъединенными и они тоже будут объединены в маленькие отары, согласно повелению старшины согласились также отделять ягнят от взрослых овец при отделении баранов и не выделять молодняку отдельного пастбища, кроме пастбища волон» (Рук. ф. Д. 1662). Приходится лишь гадать, какие принципы объединения существовали здесь до принятия этого решения, вероятнее всего фамильно-родственные или квартальные. Но решение об отделении или неотделении ягнят было делом общества, так как было связано с получением овечьего молока и приготовлением сыров.

Для приготовления сыров также возникали различные объединения. В период доения хозяева не доили своих овец отдельно, все стадо доилось в единый котел. Затем в зависимости от количества овцематок в дойном стаде тот или иной хозяин получал право на дневной, двух- или трехдневный надой (согласно общему решению). Сыры, приготовленные за эти дни, шли тому, у кого было право на пай. Сыр от надоя всего стада готовился специалистами в больших котлах и выдавался участникам объединения по очереди, установленной жребием, столько дней подряд, сколько полагалось по общему договору за количество овцематок в общем стаде. Определяли это достаточно просто. Учитывали размер стада (обычно 300-400 голов), делили его на количество дойных дней (лактационный период) и нетрудно было вычислить, сколько овцематок нужно было иметь в стаде тому или иному лицу, чтобы получить пай на однодневное молоко. Молоко последних пятидесяти дней лактационного периода оставляли для чабанов-доильщиков как плату за тяжелый труд. Были случаи, когда некоторое количество дней оставляли в пользу бедных и сирот в благотворительных целях. В иных аулах порядок бывал другой. Хозяева сами доили в стаде своих овец и каждый день лили в общий котел молоко, измеряемое в нем же длинной палкой с делениями, соответственно количеству молока участникам каждый вечер выдавали сыр (брынзу).

Конечно, при знакомстве с такими общинными порядками напрашивается вывод, что в этих нормах переживаются какие-либо ранние формы первобытного коллективизма и т. д. Однако мы воздержимся от подобных выводов, так же как это сделали при описании архитектуры хозяйственных кварталов, так как в этих альянсах совершенно ясно можно видеть кооперированные объ-

единения – более передовую и продуманную форму получения продукции. Достаточно представить себе индивидуальное доение овец и индивидуальное же приготовление сыров на «отдаленных пастбищах, чтобы понять рационализм кооперации. Вернее будет сказать, что трудно себе представить не кооперативную, а индивидуальную обработку молока со всеми необходимыми для этого аксессуарами, заведенными каждым мелким скотовладельцем для себя отдельно на альпийских лугах. (Богатые скотовладельцы, отдельно державшие свои отары, отдельно же обрабатывали молоко, и это было неизбежно, ибо при участии в кошах крупных овцевладельцев для общественной кооперации не оставалось места.) Такая общая «кухня» для обработки овечьего молока, кооперированные альянсы мелких и средних скотовладельцев были по своему коллективизму оптимальными в условиях альпийского скотоводческого хозяйства. В пределах этих кооперативов-альянсов из поколения в поколение вырастали мастера дойки овец и приготовления сыров. Организация специальной оплаты их труда – многодневные паи от всего стада – обеспечивала высокое качество продукта, овечьей брынзы, которая славилась на Кавказе.

* * *

Преображенная окрестная территория дагестанских аулов производила большое впечатление на наблюдателей прошлого. «Природа здесь не производит ни одной былинки, – писал Я. Костенецкий, – а человек назло ей создал такую чудесную растительность, какую трудно иметь и в самых плодороднейших местах... Мы удивляемся голландцам, которые из болота сделали обитаемую среду... а взгляните на эти горы, где нет железа, и на лопатку, и вы действительно изумитесь: среди этих диких и бесплодных гор прекрасные деревни, плодороднейшие и огромнейшие сады» (Костенецкий, 1851: 23). Пастбищное скотоводство, развивавшееся интенсивно благодаря отгону на плоскость, на прибрежные равнины и стимулируемое дополнительными кормами – продуктами земледелия, особенно способствовало эрозии и нарушению структуры почв. В этих условиях жители гор вели борьбу за восстановление плодородия на пашнях и лугах. Территория, перестроенная непрерывной деятельностью человека, буквально создавшего вокруг себя среду обитания, стала фактором формирования нового сознания горца. Двусторонние связи природы и общества

(Арутюнов, Чебоксаров, 1972) закрепляли и воспроизводили самосознание дагестанских обществ. Если обычно двусторонние связи были более естественными на уровне взаимодействия окружающих объектов и сознания, то в нашем случае, когда антропогенный фактор вырастает в такой естественно-культурный комплекс, как «мегь», двусторонняя связь обретает иной, качественно новый уровень. Дуальная структура территории (частные и общие земли, рукотворные и естественные объекты, их пространственное расположение), методы эксплуатации, диктуемые дуализмом, отражались в социальном и культурном «бытии», в правосознании, на структурных связях внутри джамаатов.

Хозяйственная деятельность общины в течение многих тысячелетий видоизменила ландшафт Горного Дагестана. Террасирование полей приняло повсеместный характер и огромные масштабы. Территория стала собственностью общин, союзов общин и феодальных образований. Вся территория воспринималась обществом и существовала в правосознании как юридическое свойство, укрепляла гражданское сознание каждого из совладельцев территории. Такие естественно-культурные комплексы, как террасированный «мегь», будучи результатом деятельности общины, в то же время диктовали, закрепляли и консервировали структуру общины, превратив последнюю в по-своему законченную, отработанную, но малоподатливую новым переменам систему. Это, пожалуй, самое важное для истории горских обществ следствие подобного типа воздействия «творения» на «творца».

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Глава третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ОБЩИНЫ

3.1. Частная собственность на землю: вопросы происхождения, источники формирования, дефиниции. Анализ различных категорий земель, находившихся во владении определенных сословий, был дан в ряде работ (Магомедов, 1957: 91-104, 124-130; Хашаев, 1961: 126-134; Шихсаидов, 1979: 159-160; Алиев, 1980: 27-60). Хашаев привел суммарные сведения о повсеместном господстве в Аварии в XIX в. частной собственности на пахотную землю, часть сенокосов и пастбищ. По статистическим данным, из всей земли трех аварских округов (672 980 десятин) 68 501 десятина пахотных, покосных и садовых земель находилась в частной собственности горцев, в общинном владении находились остальные земли: пастбища и леса (Хашаев, 1961: 155). Благодаря тому, что после ликвидации Аварского ханства бывшие ханские земли были переданы казне, мы располагаем данными о ханских земельных владениях, которые составляли в целом около 3 тыс. десятин, из них пахотные – 412 десятин, сенокосы – 400, сады – 2, горные пастбища – более 2 тыс. (Хашаев, 1961: 148). Хань являлись самыми крупными феодалами Аварии. Земельный фонд мелких феодалов был значительно меньше и не составлял сколько-нибудь существенной доли. Ведущей была частная собственность и общественная (кооперированная) собственность на землю узденства – основного населения Горного Дагестана.

Аграрные отношения хотя и были сложными (многоукладными из-за разнообразия природно-географических условий, особенностей социально-экономической истории), но с точки зрения права собственности предельно ясными. Пахотная земля в виде мультка по неоспоримому праву частной собственности принадлежала, как уже говорилось, подавляющему большинству горского населения – узденству, а в XIX в., после их освобождения, и бывшему рабскому и крепостному сословиям. В частной собственности находились также сенокосы, частично летние и зимние пастбища (пригревы), но в большей своей части пастбища, сенокосы

сы и пустоши принадлежали общинам; значительная доля земель, особенно горных пастбищ, находилась во владении феодалов. Детальная разработка этой общей картины – задача, выходящая за рамки нашей темы. Мы рассмотрим лишь нормативные установления, касавшиеся аграрных отношений, и дуальную сбалансированность частной и общественной (общинной) форм собственности в пределах джамаатов и их союзов. При этом в центре внимания будет находиться деятельность общины по сбалансированию этих альтернативных форм.

Если представить себе это дуальное сочетание общественного и частного в аграрных отношениях, так сказать, в материальном воплощении, то мы увидим как бы мозаику, состоящую из четко очерченных территорий множества сельских общин. Именно территория, физически и юридически бывшая неотъемлемой частью и собственностью конкретного общества – джамаата, являлась пространственным объединением частных и общественных земель; она граничила с соседними, где повторялась та же ситуация, а те, в свою очередь, со следующими и т. д., образуя ассоциацию одинаковых единиц, каждая из которых содержала объекты частной и общественной собственности.

Частную собственность непосредственных производителей на пахотную землю часто называют мульковой. А.Р. Шихсаидов предлагал различать две категории мулька: мульки феодальные и частнособственнические земли (мульки) крестьянского типа (Шихсаидов, 1979: 159-160). Это различие оправданно, на наш взгляд, лишь частично в феодальных владениях и только по отношению к землям зависимого населения (мульк крестьянского типа), зависимость которого обуславливалась неполной собственностью земледельца на обрабатываемую им землю вследствие того, что крестьянин был посажен на землю или его права на владение землей были узурпированы феодалом. Земли же свободных узденей не могут быть подведены под категорию мульков крестьянского типа вследствие эксплуатации и распоряжения этими землями их владельцами свободно от феодалов.

Частную собственность на землю в горных районах Кавказа, особенно в горах Дагестана, исследователи называют еще трудовой. По данной концепции, в XVIII–XIX вв. у горцев Кавказа существовало два типа собственности: частная (господствующая) и общинная. Частная собственность была представлена двумя подтипами: феодальной собственностью и трудовой собственностью рядовых общинников (Тогошвили, 1980: 16). В районах господства

феодалной формы землевладения существование «трудовой собственности рядовых общинников», на наш взгляд, было более характерно для горных районов Центрального и Западного Кавказа. В Горном Дагестане источниками частной собственности населения на землю были прежде всего наследование, выдел сыновьям при браке или дочерям в виде приданого, купля-продажа, дарение, долговое возмещение и иные формы благоприобретения, включая захваты (последние, разумеется, не были юридически канонизированы в адатах). Еще известный дагестанский правовед Мухаммед ибн Муса Кудуки в конце XVII в. оставил фетву (толкование шариатских канонов) о праве земельных владений в Горном Дагестане. Он писал: «Задан вопрос в Машидул Хариме (мечеть в Мекке. – М.А.) Ахмаду ал-Бушбуш из Египта о наших землях, находящихся во владении отдельных людей с правом получения доходов или с правом косить. Так мы нашли эти земли в известное нам время. Что эти земли захвачены с харима (общественные земли. – М.А.) людьми, у нас нет доказательств, и мы не знаем, как человек положил руку на землю. *Известно лишь, что эту землю он получил в наследство от отцов или покупкой* (курсив мой. – М.А.)» (Агларов, 1964: 187). Данный вопрос является по сути самым ранним из известных нам описанием поземельных отношений в горах Дагестана. Ибн Муса Кудуки свидетельствует, что ему неведомы иные источники того, как земля оказалась во владении людей, кроме как через наследование и покупку.

«Трудовой» принцип становления частной собственности на землю к рассматриваемому времени потерял свое значение, но в теории происхождения частной собственности на землю в Горном Дагестане, в районах полного господства террасной системы земледелия, признано, что частная собственность на землю здесь сформировалась как трудовая еще в древности, в эпоху складывания террасных систем (Агларов, 1964: 193; Агларов, 1974: 64; Гаджиев, 1980; Дзагурова, 1974: 85; Амирханов, 1983: 56-57). В XVII – начале XIX в. источниками частной собственности являлись прежде всего имущественные отношения, типичные для общества, основанного на частной собственности. Если случалось, что горцы осваивали под индивидуальную пахоту общинную землю, т.е., скажем, строили террасу на общинной земле, то они могли это сделать только на том месте, которое община отводила им в собственность, т.е. собственность на эту землю юридически предreshалась до того, как они прилагали руку к земле. Тем самым «трудовое право» предвосхищалось правом благоприобретения.

О недопустимости произвольного освоения земли, т.е. использования своего «трудового права», писал еще М.М. Ковалевский: «У горцев Дагестана, как и лезгин Закатальского округа, совместное владение пастбищами и лесами встречается бок о бок с подворной собственностью в применении к пахоте и лугам. Никто не в праве делать заимки в общинной пустоши и в лесу, не получив на это предварительного согласия всей общины» (Ковалевский, 1890: 62). «Предварительное согласие всей общины» само по себе уже означало вступление индивидуума во владельческие права, т.е. благоприобретение, что и являлось актом формирования собственности на земельный надел. Если горец осваивал земли на «ничейных» бедлендах, то и тут вступало в силу не столько «трудовое право», сколько право перевозимки. Основой формирования собственности на земли в высокогорных дидойских районах считают именно право перевозимки (Магомедов, 1974: 171), но каждый раз санкционированное общиной. Таким образом, понятие «трудовая собственность рядовых общинников» невозможно применить к Горному Дагестану в историческое время.

Если случалась заимка свободных земель, какого бы характера и размера она ни была, это не давало достаточного основания, чтобы вступить во владельческие права. Требовалось так называемое «оживление» земли («ракъ ч'аго г'яби»), т.е. обработка земли. Али Каяев в своем сочинении о земельном праве указывал на то, что феодалы Дагестана владеют землями не вследствие «оживления» последней трудом, а вследствие военных захватов, что, по мнению автора, не дает нравственного и юридического основания для безусловного владения на правах мультка (Каяев, 1917). Относительно «трудового права» на владение имеется еще высказывание Симона (1874 г.), члена Южнодагестанской сословно-поземельной комиссии. Он писал: «Пользование землею русское правительство застало в стране в следующем виде: каждый отдельный поселянин имеет для посевов отдельные участки земли, добытые трудом и борьбой с природой, называемые мультками. Мультки эти расчищены из-под леса, колючек или на плоскости, местами из-под камыша. Мультки есть и покосные, и с рощами леса, поросшего впоследствии вновь. Всех этих гладов мультки каждый хозяин искони привык считать своей неприкосновенной собственностью. Мультки наследуют в роде, продают кому хотят, завещают, в том числе в пользу мечети, и дают в удовлетворение, как плату по кровомщению. Повсюду такой порядок пользования мультками, как в селениях узденских, свободных обществ, в бывших подвластных ханам,

так равно и в раятских, подвластных бекам. Только в последних, т. е. в бекских, селениях при русском правлении и русскими властями сделаны ограничения в правах продажи мулька поселянином» (Феодальные отношения в Дагестане в XIX – начале XX в., 1969: 149-150). Впрочем, сословно-поземельные комиссии по всем округам единодушно утверждали, что земли пахотные, садовые и огородные, состоящие из отдельных участков, находятся в пользовании отдельных хозяев, как и отдельные небольшие рощи, т. е. составляют наследственную собственность каждого хозяина, и наследуются «в роде вообще по шариату. Этими участками, мюльками своими, как свободные поселяне, так и зависимые от беков всегда свободно располагали по своему усмотрению и продавали кому хотели без ограничения и не спрашивали ни у кого на то разрешения» (Феодальные отношения в Дагестане в XIX – начале XX в., 1969:133).

«Трудовое» происхождение частной собственности, как уже говорилось, возможно признать лишь теоретически, если мы хотим взглянуть на самые начальные этапы происхождения собственности: этот этап уходит в глубокую древность, где он, вероятно, занимал лишь определенный сектор, так как возникновение частной собственности было связано не только с переходом к интенсивной эксплуатации земли, но и с формами организации труда, в частности с дроблением коллективов, что неизбежно диктовалось самой технологией террасирования (Агларов, 1964: 136). Таким образом, частная собственность на землю не может быть квалифицирована как «трудовая»; она совершенно однотипна как по источникам происхождения, так и по функциям и статусу с частной земельной собственностью вторичной общественно-экономической формации, являясь одновременно и причиной (прежде всего) и следствием разложения первичной (архаической) формации.

3.2. Общественные земли. Как частная, так и общинная собственность на землю составляли в Дагестане две основные и нерасторжимые формы. М.М. Ковалевский данную ситуацию обозначил как собственности, существующие в Дагестане «бок о бок» друг с другом (Ковалевский, 1890: 62). Обе формы, альтернативные по существу, дополняли друг друга и одновременно служили источниками для частичных взаимопревращений.

Общинные земли являлись частью территории джамаата и как таковые являлись достоянием всего сельского общества. Сельская община отдельно или несколько общин совместно владели вы-

гонами, пастбищными землями и частично сенокосами. Эти земли находились под специальной защитой, и все операции, связанные с ними, производились с согласия народного собрания. Важнейшими из операций были взаимные аренды общинами пастбищных земель. Систематическая аренда для выпаса скота излишков пастбищ, вызванная недостатком таковых у иных обществ, являлась одной из распространенных форм. Плата за аренду обычно производилась скотом, а позднее, в XIX в., деньгами. Каждый член общины имел долю в этой части территории, будучи ее совладельцем, но реализовать права на свою долю пастбищ могли лишь скотовладельцы. Деревенская беднота, лишенная скота, естественно, не могла требовать от общества, чтобы оно разрешило им сдавать в аренду ту часть общинной земли, которая приходилась на их долю (Хашаев, 1961: 154).

В некоторых селениях на общих землях (пастбищах) содержались общинные овечьи стада, сформированные из вакуфного состояния⁸. Эти стада («джамаатальул ги») содержались со стадами богатых скотовладельцев или специально нанятыми чабанами за плату из общинной казны.

В сел. Аракани было место под названием Гьоркьльарахь («У Нижней реки»), куда ежегодно в августе пригоняли вакуфных овец для убоя. Мясо раздавали всем хозяйствам на каждого отдельного человека. Это стадо сохранилось до коллективизации и стало «ядром» при обобществлении скота (Информатор Гитинов Магомед, сел. Аракани.).

По данным посемейной переписи 1886 г., во всех трех аварских округах числилось более 670 тыс. десятин земли, из них в частном владении под пашнями, сенокосами и садами находилось более 68 тыс. десятин, а в общинном пользовании – более 600 тыс. десятин, т.е. большая часть земель в виде пастбищ и выгонов находилась во владении общин (Хашаев, 1961: 155).

Источники происхождения этой собственности различны. Важнейшими источниками являлись генерализация территорий при объединении мелких населенных пунктов в крупные, а также превращение в общинные тухумных (если таковые были) и феодальных частных угодий. Это, конечно, не значит, что «инертная»

⁸ Вакуфу, по некоторым предписаниям, полагалось недвижимое имущество. В действительности вакуфу завещали и скот, соответственно оставался и его приплод. В некоторых обществах скот считался и использовался как имущество вакуфа, в других, в частности Аракани, его формально отделяли от мечети как общинный, хотя нужды мечети удовлетворялись, прежде всего, из этих стад.

форма (пережиток ранней земледельческой общины) не имела места, вероятно, это было ядром, вокруг которого складывалась общинная собственность. Важным источником были военные захваты. Историческая хроника о происхождении Чиркея полна сюжетами о борьбе Чиркея за расширение своей общей территории с окрестными малыми селами (Бекюрт и др.), население которых попросту было изгнано с насиженных мест (Казиев, Ахмедниязугдинов, 1976: 15).

Но не одними только военными захватами общества расширяли свою альменду. Так, согласно купчей между эндереевским князем Темиром и Чиркеевским обществом, составленной в 1617 г., князь Темир продал обширную территорию (границы указаны) Чиркею, эта сделка обошлась Чиркею в «двадцать туманов русским серебром, две тысячи овец и сто десять быков» (Из истории, 1968: 233). По другому документу, в 1863 г. в том же обществе комиссия, состоящая из представителей Чиркея во главе с начальником участка Шейх Мухаммедом, «вышла из селения и поднялась на гору для передачи обществу (во владение. – М.А.) и распределения (для пользования. – М.А.) между нуждающимися 24 пахотных участков, принадлежавших чиркеевским жителям» (Рук. ф. Д. 987). Большое количество феодальных частных пастбищных земель было передано джамаатам в период мюридизма. Беки сел. Киди просили власти в 1872 г. о возвращении им земель, конфискованных во время мюридизма (Феодальные отношения, 1969: 278). О том же просили фамилия Ахбавузаби (Азнаурзаби) из сел. Гоцо, житель сел. Куани, общество сел. Ахальчи (Феодальные отношения, 1969: 278, 280, 282). «У нас, тилитлинцев, были отобраны Шамилем родовые земли, а у ругуджинцев – Гамзатбеком, под русским начальством, по покорении Дагестана нам, тилитлинцам, ругуджинцам и уринцам, возвратили одну треть, а две трети остались в руках сельского общества», – писали землевладельцы, земли которых были переданы в собственность обществ (Феодальные отношения, 1969: 293). Таким образом, общинная земля являлась не только фондом, который «еще не стал частной собственностью отдельных граждан» или феодалов, она часто пополнялась за счет бывших частных земель. Этот фонд пополняется и за счет свободных дарений, которые также происходили часто. Сын эндереевского бека Гамзат Алиш в 1735 г. подарил пастбищную гору под названием Чардиргигаш Исмаилу и Сурхаю, сыновьям Исмаила из Чиркея, «по случаю мира между ними и ради их покойного отца

Исмаила» (Рук. ф. Док. 989). Со временем эта гора перешла в руки общества Чиркей.

Таким образом, отторжения, покупка, изъятие как плата за кровь, конфискация («проданная чужаку земля становится собственностью Андалальского общества» (Памятники, 1965: 62)), в том числе вследствие антифеодальных движений и классовой борьбы, что видно на примерах эпохи Шамиля, свободное дарение, завещание – все эти источники периодически пополняли фонд общественных земель. Земли были разграничены, и каждое суверенное сельское общество ими владело на основе суверенных прав. Общества некоторых союзов общин, составлявшие в этническом и политическом отношении единое целое, в плане территориальных владений, включая летние пастбища, были разграничены между собой. Так, Андийское «вольное общество» состояло из ряда селений, среди которых лишь так называемые верхнеандийцы имели общие пастбищные горы среди основных массивов летних пастбищ. Ко второй половине XIX в. они были целиком разграничены. Но не все «вольные общества» были устроены таким образом. У Гидатлинского общества в совместном владении находились земли и территория, еще не поделенная между аулом и, вероятно, не подлежащая разделу.

Так, согласно соглашению, гидатлинцы в XVIII в. дали ратлубцам земли в Битлину (горный хребет) в границах со стороны Цумугъжих, Башараб и Росдал ЛъарагI (Гидатлинские адаты, 1957: 33). Ясно, что такое дарение было возможно лишь за счет общих земель всего Гидатлинского союза обществ. Но удивительным явилось условие, касавшееся этой земли, передача которой ратлубцам отторгала их от Ахваха и превращала в союзников Гидатля («Действительно жители сел. Ратлуб и жители шести селений Гидатлинского общества заключили настоящее соглашение, чтобы объединиться как бы в один джамаат и действовать едино во всех делах, а также распространить действие некоторых Гидатлинских адатов на Ратлубское общество» (Гидатлинские адаты, 1957: 33)); согласно документу, ратлубцам запрещено было возводить на дареной земле какие-либо строения и, если ратлубцы изменят гидатлинцам, весь хребет переходил в руки гидатлинцев (Гидатлинские адаты, 1957: 33). Таким образом, эта гора как бы объединяла два разных «вольных общества». Своеобразной «международной» землей были горы Арахъ-меэр и Тамаш-меэр в центре Аварии. В кодексе общества Хунз имеется пункт: «Если один аул нападет на другой, то с напавшего аула взыскивается 30 овец:

если один или два человека напали, то взыскивается по 5 овец с каждого или они лишаются доли горных пастбищ под названием Арахь-меэр и Тамаш-меэр» (Памятники, 1965: 269). Таким образом, политические объединения были «соединены» между собой общими, своего рода «международными», землями, а внутри союзов обществ – иногда не поделенной территорией.

Реализация общинной собственности происходила как пастбищная доля. На практике ее имели лишь те, кто владел скотом и прямо пропорционально его количеству. Но на сенокосные доли право имели все полноправные члены общины, и те, у кого не было скота, продавали, меняли свои доли нуждающимся в сене. Общественные сенокосы делили между членами по жребию. Но нашим записям, сделанным в сел. Карата, сенокосы разбивались на четыре части соответственно количеству тухумов в селении. Это тухумы ГакГилал, Авдалал, ХЕкьялал, Буралал. При этом тухумы, составлявшие низшее сословие, Дудулал и Оолал, исключались. В тухумах условно уравнивали людей, превращая их перед жеребьевкой в искусственные группировки с равным количеством лиц в каждой. В каждом тухуме покосной землей наделялись все мужчины, от новорожденного до глубокого старца, в равном количестве (женщины не участвовали). Покос сначала делили на четыре равные части, затем эти части снова разбивались на равные доли, число которых соответствовало числу мужчин в каждом тухуме. Затем эти доли распределялись путем жеребьевки. Жеребьевку производили так: записывали на клочках бумаги имена всех пайщиков, сворачивали в трубку, бросали в папаху, потом показывали участок и на этот участок один из членов назначенной комиссии вытаскивал бумажку, которую разворачивали и громко читали имя пайщика. Бумага была роскошью, поэтому практиковали и иные предметы для жеребьевки, в андийских джамаатах, например, деревянные шарики с залитым вовнутрь свинцом.

3.3. *Вакуфы*. Земель, переданных вакуфу в Аварском округе в 1890 г. составляли 572,75 десятины, Гунибском – 2152 десятины, в Андийском – 500 десятин. По всему Дагестану вакуфные земли составляли 13 тыс. десятин (Мечетей было 1702)⁹ (Обзор Дагестанской области за 1909 г., 1910).

⁹ Разумеется, значение этих фактов для рассматриваемого нами периода относительно. Надо думать, что ранее доля вакуфа была значительно меньше, ибо этот вид собственности имел тенденцию к росту.

Остановимся на взаимодействии общины и вакуфа. Вакуф в Дагестане, как и закат, поступал в пользу всей общины с меньшими вычетами, чем на Востоке, и регулировался общиной, включался в общинную систему. Без учета этого наши представления об этой категории земель и имуществ были бы неполны.

Сохранились списки вакуфного имущества, которым распоряжались согратлинская мечеть, чохская квартальная мечеть и араканская Джума мечеть. Приведем данные о вакуфе (араканская Джума мечеть) по конспекту с рукописи М. Нурмагомедова, переписанной им, как сказано в рукописи, «с почерка Пахрудина». В Аракань в 1904 г. было 360 дворов, 926 мужчин и 1226 женщин, 6 мечетей, из них 4 имели вакуфное имущество. Всего вакуфных пашен («пашня» здесь в значении одного террасного участка), с которых давали мечети пшеницу, было 228, доходы с 66 пашен отдавались жиром для светильников в мечети и медресе. Общий доход с этих пашен составлял 10 568 кг зерна и 65,859 кг жира. Кроме того, доход мечети давала вакуфная мельница. Затем в рукописи следует список из 33 лиц, которые должны были выдавать хлеб в месяц рамазан для раздачи молящимся в Джума мечети, и список из 41 жителя селения, которые должны были давать жир для освещения. Вакуфные поля, судя по размеру обязательных выплат, были распределены между ними примерно равномерно. Выделяется держатель Рамазан, сын Эльдара. Половина урожая с его пашни в Магъалиб изымалась как вакуфная. По обычной раскладке это много. Так, по списку, держатель вакуфной земли Асхабдибир должен был платить с поля в Чанбаб «большую мерку» (32 кг), с фруктового сада в местности Жваламах – «большую мерку», с пашни в местности Асса мегъ – две «большие мерки», с поля в местности Сала-ГохI – две «большие мерки», с поля в местности ЧВаркъи-Али – две «большие мерки», с поля в местности Гъочол-Къед – две «большие мерки». В общей сложности Асхабдибир должен был платить 320 кг зерна. Доходами с вакфа распоряжалась мечеть в пользу студентов – мутаалимов и нуждающихся. Категорически запрещалось присвоение дохода от вакуфа духовенством или иными лицам, по статусу вакуфное имущество, как благотворительное, не продавалось, не покупалось или в целях указанных вакуфодателем. В моем распоряжении имеется запись из книги вакуфа сел. Аракань о завещании для вакуфа своих земель Хаджи Мухаммой, сыном КъурахIама (середина XIX в.), свидетельствующая, что описанные выше порядки сложились давно. Он завещал использовать «доход с его земель для ремонта водопрово-

да с. Аракани, для нужд мечети Джума и других благих целей по усмотрению кадия села. Поля эти: пашня в местности Квешал ругИрал, около границы пашни Гугъара, дочери Курамагомы. На этом участке имеется ореховое дерево. Пашня (“хур”) в местности Шаришиб, около пашни Патимат, дочери Мухаммеда. Третья пашня в местности Чул-берекь, около пашни Хаджи-Магомы, сына Шалбазарилав, и там дерево тута. Половина всех доходов с этих земель – обрабатывающему, другая половина – для общественных нужд. Все инструменты из его плотницкой мастерской после смерти передать обществу для употребления при нужде. Также он передает вакуфу поля (“доли в пашне”) в местности Капихул для пастьбы сельского скота» (Архив М. Нурмагомедова).

По спискам вакуфного имущества, мечеть квартала Кванхи (одна из шести мечетей Чоха) в виде вакуфа получала доход с 40 пашен и 260 жителей аула были обложены определенным видом приношений. Из этих 40 пашен по одной пашне имели: муэдзин, «воду поливающий», «сторожащий крышу мечети», «зажигающий в мечети светильник». Состав продуктов, которые приносили, – пшеница, мука из предварительно прожаренного зерна, испеченные готовые хлеба (одних их в эту квартальную мечеть приносили 117 штук) и мясо. Были пашни, которые эта мечеть давала в аренду за овец: одна – в местности Галла, вторая – около хутора Дамада («Дамадил колода аскЮб»), третья – рядом с полем «Байрамир МурсаГали» (Архив М. Нурмагомедова).

Как видим, доходы непосредственных служителей были определены, вакуф выступал как общественное имущество, которое подлежало раздаче населению. Вакуф перекрыл фонды общественного имущества, а возможно, и ранние храмовые земли и имущество, существовавшие, безусловно, до принятия ислама.

3.4. Феодальная и общинная формы земельной собственности: динамика взаимопревращений, тенденции. Нет надобности приводить специальные доказательства того, что политическая власть, экономическое могущество и реальный вес феодальных институтов определялись прежде всего формами и характером собственности в базисной структуре. Ничто не дает такой силы власти, ее монополии, как собственность носителя этой власти на важнейшие средства производства.

Феодальная частная земельная собственность в Дагестане, как известно, складывалась из пахотных и пастбищных земель, где доля пастбищ была гораздо выше доли пашен (Хашаев, 1961: 148). Феодалы претендовали, и не всегда безуспешно, и на так называе-

мые «международные», вернее, общенародные земли, т.е. пастбищные горы. Между тем не только конкретные общины, но и целые союзы обществ, которые, в свою очередь, призывали на помощь соседние союзы, давали им дружный отпор и отстаивали как свою территориальную целостность, так и «международные» земли. С конца XVIII до второй половины XIX в. шел спор между хунзахскими ханами и Андийским «вольным обществом» за Право владения и пользования горой Бехинлам (Халатаб-меэр); андийцы не уступили гору, не давали и плату, которую, как полагали хунзахские ханы, должны были им выплачивать держатели горы (Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980: 206). Напротив, сами андийцы получали плату за аренду этой горы от чеберлойцев. Во второй половине XIX в. спорная гора отошла в казну.

Очевидно, что развитие феодальной собственности в сторону поглощения преимущественно пастбищ, находившихся в коллективной собственности джамаатов или на «ничейных», межобщинных землях, а не пашен, садов, сенокосов находит себе объяснение в том, что пахотные и другие так называемые «оживленные» земли перешли в частную собственность землевладельцев задолго до феодализации общества, что создало огромное препятствие образованию феодальных латифундий за счет мультков (Агларов, 1964: 193). Это касалось не только дагестанских ханов, но и всей так называемой «феодализирующей верхушки» Горного Дагестана. Впрочем, Горный Дагестан не исключение. В странах господства классического феодализма мы сталкиваемся с аналогичным в принципе процессом образования феодального землевладения. Известно, что в Западной Европе массовое феодальное присвоение земель происходило под лозунгом «Что принадлежит народу, то принадлежит его представителю». При этом аллоды свободных крестьян во Франции были вне сферы господства феодального землевладения (Дембо, 1954: 86). Любопытен один выразительнейший пример первоочередного присвоения общинного достояния феодалами: в немецкой марке пахотная земля принадлежала на правах частной собственности крестьянам, но оставалось право общины на сокровища, залегающие глубже, чем достигает сошник; «все эти права впоследствии были узурпированы феодалами и князьями и обращены ими в свою пользу» (Маркс, Энгельс, год: 334). Феодализация марки началась с узурпации общинных, а не частных прав. В Норвегии в VIII–X вв. с возникновением государства король распространил на общие земли свое верховенство, тогда

как одали находились в подворном владении (Гуревич, 1962: 159-160).

В Аварии, как и по всему Горному Дагестану, в условиях господства террасных систем в земледелии раннее становление частной собственности на террасные поля привело к формированию общин «атомизированных» мелких частных собственников, собственность которых защищалась всеми институтами вторичной общественно-экономической формации. Добычей феодалов становились общинные земли и то слабых и плохо организованных общин, которые феодалы сдавали в аренду тем же обществам, получая за это определенную плату. Могущественные общины и «вольные общества» включали в свою систему не только отдельные феодальные фамилии, но порой и целые феодальные образования; Чарская республика, например, включала Илисуйское султанство (Петрушевский, 1934: 9).

Если общинные земли были основой для складывания феодальных форм землевладения, то те, в свою очередь, становились источником пополнения общинных земель, когда шёл процесс «дефеодализации» общества, т.е. при потере феодалами своих экономических и политических позиций; феодальная собственность возвращалась в исходное состояние, становясь общинной. В этом контексте уместно привести любопытный документ середины XVIII в., отражающий динамику этих взаимных превращений: «Алимы, старшины и старики джамаата с. Аракани, собравшись, посоветовались и решили послать к Мехти-Шамхалу 10 человек из их райсов с просьбой об отдаче джамаату гор Уркат и Акай-Тау, принадлежащих Мехти-Шамхалу. Эти десять представителей привезли с собою подарки на 10 ослах для шамхала (виноград, вино, виноградный уксус и яблоки). Просьбу их шамхал удовлетворил с условием, что араканцы будут его войском, его сыновьями, его людьми, будут усердно служить ему так, как это было раньше, при предках, делить с ним радость и горе. На этом согласились, были составлены письма об отдаче указанных гор араканцам. Со временем араканцы не сдержали слова, нарушили свой договор с Мехти-Шамхалом, перестали служить и содействовать шамхалу, прервали с ним связь, более того, они воевали с ним и угоняли овец и другой скот его подданных...». Далее, согласно тексту, араканцы послали к шамхалу мирную делегацию из шести человек (они в документе названы по именам), те были арестованы, разоружены при свидетелях (имена свидетелей также названы), после чего «горы находились в руках Мехти-Шамхала и он распорядился ими»

(Рук. ф. Д. 7.). В том же документе говорится, что за использование пастбищных гор жители сел. Ирганай уплачивали шамхалу ежегодно по одной овце. Затем эти подати шамхал подарил своему кунаку и доверенному дибиру из сел. Ирганай Магомеду. Тот добровольно отказался от податей в пользу своего джамаата, считая это богоугодным делом, за что джамаат подарил ему пять плодородных деревьев грецкого ореха.

Встает вопрос: почему феодальная собственность, даже в своем одностороннем, «пастбищном» выражении, не доминировала (во всяком случае, в XVII – начале XIX в.) в системе земельных отношений? В качестве ответа в исторической литературе указывается на господство в Горном Дагестане общественно-политических отношений, характерных для ранней фазы феодальных отношений. Это верно в логической конструкции, как верно и обратное утверждение: в Горном Дагестане господствовали «раннефеодальные» отношения, потому что феодальное землевладение, как и феодальное управление в системе общественных отношений, было не повсеместным. Но здесь понятийной дефиницией (ранний, поздний этап феодализма) подменяется конкретная причина рассматриваемого явления; «слабо выраженные» феодальные формы могли иметь место в любой фазе формации – и в ранней, и в поздней. В действительности же общины, которые в виде их «объединения», «вольных обществ», сами уже являлись политической силой классового общества, способны были самостоятельно интегрировать, трансформировать феодальные формы в общинные. Так оно и случилось по всему региону вокруг Черного моря, включая Малую Азию, Восточный Кавказ и Восточное Средиземноморье. Для этого региона, где господствовал тип общины с частной собственностью ее членов на возделываемую землю и совладельческими правами на территорию, малую или большую, но исторически сложившуюся, феодальная форма земельной собственности являлась мало характерной, периферийной, как и развитие собственно феодализма в классическом понимании. Развитие и фазы вторичной общественно-экономической формации, получившей название феодальной, совершенно не равнозначны состоянию классически понимаемых феодальных форм и отношений. Говоря словами Ф. Энгельса, «разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию?» (Маркс, Энгельс: 356).

3.5. Ограничение прав распоряжения частной собственностью на землю. Земля, находящаяся в частной собственности, могла свободно продаваться, завещаться любому лицу, обществу,

завещена в вакф, сдаваться в аренду, выделена как приданое, закладываться и т.д., т.е. на нее распространялись все операции свободно отчуждаемой собственности. Однако любая из этих операций применительно к другому обществу, а в отдельных случаях союзу обществ пресекалась специальными постановлениями общины. Наиболее характерно постановление Цекобского общества: «Если кто продаст свою пахотную или покосную землю человеку из другого селения, то с него за каждый день нахождения этой земли в собственности покупателя взыскивается по одному быку» (Памятники, 1965: 96). Ни один другой пункт права аварских феодальных владений или союзов обществ не знает такого завышения композиций. (Более того, нам не известны прямые аналогии подобному строю композиций и в других правовых системах.) За убийство (наиболее тяжело наказуемое преступление) в том же обществе наказывали дачей в пользу наследников убитого имущества, равного стоимости 30 коров, из них стоимость 15 коров взыскивалась пахотными участками, а стоимость остальных – другим имуществом, сверх этого взымали 2 быков, 10 голов овец, 1 медный котел весом в 3 ратла, 1 козла и 1 штрафного быка в пользу джамаата (Памятники, 1965: 96). Но такая плата за кровь не идет ни в какое сравнение со штрафом за продажу собственной земли чужаку. В Келебском обществе также изымался ежедневно один бык до возвращения проданной земли (Памятники, 1965: 75). В Гидатле этот адат сохранялся до начала XX в. В сел. Тидиб было постановлено: «Если кто-либо продаст свой участок земли человеку из другого села, то он будет облагаться штрафом каждый день в размере 4-х рублей (стоимость быка. – М.А.) до тех пор, пока он не вернет проданное» (Рук. ф. Д. 1662). В Андалальском союзе обществ это право было не менее решительно: «Если один человек из наших продаст одному человеку из чужих пахотные земли или дом, то с него взыскивается 300 баранов, а проданное переходит в собственность нашего общества» (Памятники, 1948: 62).

Запреты, налагаемые па продажу земли лицам, не принадлежавшим к данному обществу, – одна из самых примечательных и характерных черт имущественного права горцев Дагестана.

Земля, которой свободно распоряжались, давалась в качестве приданого выходящей замуж девушке, как она выделялась со стороны отца и для молодого. Но если землю в качестве приданого давали девушке, выходящей замуж за представителя другого аула, то применялось указанное выше наказание.

В этом контексте необходимо познакомиться с одним пунктом келебского свода адатов, принятого по правам наследования и связанного с правом предпочтительной покупки. «Если право собственности на дом или земли из одного селения по наследству перешло в другое селение, где живут наследники умершего, и один из них, получив свою долю наследства, продаст или обменяет ее, а покупатель, являющийся посторонним человеком, не имеющий права на долю наследства, купит эту землю или обменяет без согласия остальных наследников, кто купил или обменял и со свидетелей, участвовавших в этой сделке, взыскивается ежедневно по одному быку, который оценивается в 10 голов овец» (Памятники, 1948: 75). Этот пункт имеет в виду казус, когда наследник (наследники) живет в другом обществе. Наследуемое недвижимое имущество, прежде всего земля, по праву наследования переходило в чужое общество. Если наследник (живущий в чужом ауле) продаст свою долю вне круга своих родичей (а по адатам он мог продать ее лишь членам джамаата, где живет), общество (на территории которого сосредоточено недвижимое имущество наследника) уже навсегда лишается шансов вернуть в свою среду землю. Но при продаже наследником земли своим родичам, имеющим право предпочтительной покупки, земля все еще остается в сфере, из которой она потенциально может быть возвращена в прежнее общество, тем более если часть родственников с правом предпочтительной покупки живет в джамаате, выступающем как истец. Если они, пользуясь своим правом, купят землю, то джамаат-истец получает полное удовлетворение своих требований – владельцами земли снова становятся «граждане» общества-истца.

Хотя община и добивается возвращения земли, она не субъект собственности на землю, земля частная. Но община заинтересована в ее возвращении и придает праву предпочтительной покупки в этом случае такую силу, подобной которой это право, вероятно, никогда не обладало, имея в виду его применение внутри самой общины. Сравним с правом предпочтительной покупки, применявшимся внутри Келебского союза обществ, когда оно предстает в своем «обычном измерении»: «Если кто-нибудь предложит своему близкому родственнику купить у него пахотный участок и сад, а тот не захочет купить, участок будет продан постороннему человеку (внутри общины. – М.А.), и, если после всего этого тот родственник заявит, что не знал о продаже участка, он должен подтвердить свое заявление присягой вместе с 7 соприсягателями. Если он подтвердит, то пахотный участок и сад продаются ему за ту

цену, за которую они были проданы постороннему человеку» (Памятники, 1965: 76). Этот пространный пункт, относящийся уже к внутритухумным и шире – внутриобщинным отношениям, мы здесь приводим, чтобы наглядно показать огромную разницу в применении права предпочтительной покупки внутри общины и вне ее.

Итак, продажа земли лицу, находящемуся под юрисдикцией другой политической единицы, являлась большим проступком перед обществом, наказуемым более строго, чем любое другое, даже тяжчайшее уголовное преступление. Ежедневно по одному быку – это непосильная плата, лишавшая всякого смысла сделку на землю. Следовательно, такая композиция может рассматриваться как направленная на немедленное расторжение сделки или как запрет, охранительная мера. Эти запреты, наложенные на продажу земли отдельными лицами за пределы общин и их союзов, – явление, в условиях Восточного Кавказа еще не в достаточной мере исследованное. Тем не менее, вряд ли будет преувеличением сказать, что для полноты исследования аграрных и имущественных отношений уяснение картины социальной структуры, вызвавшей столь жесткие постановления, является едва ли не одной из важнейших проблем изучения аграрного строя (после форм собственности, включая и феодальную). Во всяком случае, это одна из рельефных черт земельного права, сложившегося внутри общин.

В дагестанской исторической литературе адатная норма, разрешающая земельные сделки только внутри обществ и их союзов, была истолкована как показатель того, что не личность, а община была субъектом собственности на землю и, следовательно, являла собой архаический тип общины, которая охраняла пахотные участки в качестве неотчуждаемой и общей собственности всей общины (Алиев, Ахмедов, Умаханов, 1970: 29). Согласиться с этим невозможно прежде всего потому, что земля все же находилась в частной собственности отдельных лиц, составлявших общину или союз обществ, и свободно отчуждалась, сдавалась в аренду и т. д. Арендовались даже, так сказать, определенные «свойства земли» (право пастьбы на данной земле, в определенный сезон и др.).

Община вместе с тем устанавливала «пространственные пределы» этих операций, что не меняло их сути. Каковы были эти пределы? Повторим здесь пункт, поставленный Андалальским обществом: «Если один человек из наших продаст одному человеку из чужих пахотные земли или дом, то с него взыскивается 300 ба-

ранов, а проданное переходит в собственность нашего общества». Но что значит «наши» и «чужие» в тексте этого решения? Андалальское общество состояло из таких крупных селений, как Чох, Согратль, Ругуджа, обладавших большими территориями и хуторским хозяйством. Сюда также входили селения Гамсутль, НакІкалалух, Салта, Хоточ, Гуниб, Кегер, Меgeb и др. Андалальское общество — это известное «вольное общество» с самостоятельным статусом (не подвластное как своим, так и соседним феодалам). Практически это была целая провинция или область, составившая во второй половине XIX в. ядро Гунибского округа Дагестанской области, т. е. географические границы ее относительно обширны и соответствуют, естественно, политическим границам. Однако не географические (пространственные) границы отчуждения здесь важны, а само отчуждение, в каких бы пределах оно ни происходило. Ясно, что в приведенном решении речь идет о мерах, предпринимавшихся Андалальским «вольным обществом» по искоренению существовавшей практики торговли недвижимым имуществом и в специальных общественно-политических целях, о чем еще пойдет речь. Таким образом, этот пункт адата является не рудиментом, идущим от земледельческой общины архаической формации, а самым злободневным постановлением, жизненно необходимым для поддержания статус-кво, достигнутого вследствие борьбы общины за свое суверенное место в политической ассоциации себе подобных.

В моем распоряжении имеется постановление общества сел Асал, откуда явствует, что в постановлениях о назначении высоких штрафов мы имеем дело не с наследием архаической формации, но сталкиваемся с непосредственной деятельностью суверенной общины, обеспокоенной за целостность де-юре ее территории. В адатах джамаата Асал говорится: «Жители селения согласились прекратить продажу пахотных земель и взимать быка стоимостью в пятнадцать овец...» (Рук. ф. Д. 1662) (далее текст не удалось разобрать). Здесь речь идет о запрете на межобщинную торговлю (характерная композиция — один бык), но даже если этот пункт относится к внутриобщинной торговле, то и тогда он свидетельствует, что запреты на торговлю недвижимостью не наследие тех времен и того строя, когда отчуждение и торговля недвижимостью были неизвестны вследствие того, что недвижимость не находилась в отчуждаемом частном владении, а является постановлением, вызванным к жизни стремлением отстоять территориальные владения. Община, ставя преграды продаже земли чужакам, не являв-

шимся «гражданами» данного общества, ограждала свою территорию от отторжения ее частей.

Следствием этого являлось и то, что чужак не мог стать членом общины, купив здесь участок, он должен был сначала добиться членства и только потом купить землю. Вспомним определение К. Маркса: «Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине...» (Маркс, Энгельс, год: 446). Не будучи верховным собственником всей земли, так как пахотная земля, сады, сенокосы и т.д. находились в собственности членов джамаата, община осуществляла верховную власть над своими членами, наказывая последних за попытки передать ее членам других джамаатов.

Ограничивалась не только торговля, но и любые другие сделки, связанные с землей, если партнером выступал не полноправный член общества. По поводу аренды имеется пункт постановлений Келебского общества: «Если кто постороннему человеку из другого селения сдает в аренду землю для снятия урожая зерновых или пастбы овец, то с него взыскивается штраф в размере одной овцы» (Памятники, 1965: 75). Как видим, с уплатой штрафа в одну овцу можно было арендовать землю любому человеку «из другого селения»: аренда еще не есть отторжение.

Правовые ограничения распоряжения собственностью в Дагестане далеко не специфичны. Обычно ограничение права распоряжения собственностью, известное древнему миру, касалось пределов полиса, нарушение которых было немыслимым. Таковым оно сложилось в Спарте, Коринфе, Фивах, у локрийцев (Аристотель, 1266а), при этом по проекту законов Фидона Коринфского (IX в. до н.э.) полагалось, чтобы число семей и клеров-собственностей в Коринфе оставалось неизменным. То же относилось и к Фивам (Аристотель, 1265в). Любое нарушение запретов на торговлю землей вызывало суровую реакцию общины – лицо, продавшее землю, лишалось прав гражданина (Аристотель, VI, 2).

Древние законодатели оберегали недвижимую собственность от семейного отчуждения, защищая, по мнению исследователя прошлого, непрерывное, агнатное владение собственностью, освященное семейным культом предков (Кулаж, 1895: 57). Однако причины заинтересованности полиса в сохранении земли в пределах общины имеют другую подоснову.

Исследователи будущей частью считают появление частной собственности «началом конца общины, даже если этот конец еще не близок» (Маретина, 1980: 88). Прекрасно сказано и абсолютно

верно, но только для общин первичной формации: Частная собственность – это действительно конец архаической общины, которая сама целиком, в виде собственности феодала, принимает редуцированную форму (1.9), без военно-политических, гражданских и управленческих функций, переходящих в руки централизованной власти собственника или собственников. Община превращается в крестьянскую, в разной степени закрепощенную. Однако это один из равнозначных путей. Появление частной собственности непосредственных общинников на землю при наличии их верховной собственности на всю занимаемую территорию порождает новую общину – вот другой путь, являющийся следующим формационным этапом. Такая община, т. е. община не столько земледельцев, что уже не существенно, а землевладельцев, не слыханной ранее прочности, представляющая основу городов-государств, слагается на частноземлевладельческой основе. На этом новом этапе община уже сама как общественно-политическая организация, а не как низовая ячейка другой надобщинной общественно-политической метаструктуры экспансивна в смысле приобретения соседних земель, включая ее насельников, и, наоборот, консервативна в смысле отчуждения собственных земель в любой форме.

Как приобретение, так и потеря земель – единиц собственности – в такой общине органически связаны с гражданством.

К. Маркс вскрыл эту связь: «Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине, но, как член общины, каждый отдельный человек является частным собственником. Относясь к своей собственности как к земле, он в то же время относится к этой частной собственности как к своему членству в общине, и сохранение его как члена общины есть точно так же и сохранение существования общины, и наоборот и т.д.» (Маркс, Энгельс: 466). Сохранение в обществе (общине) гражданства всецело было связано с сохранением его земельной собственности. Без земельной собственности нет граждан; их число и обеспеченность землей есть условия существования самой общины. И.М. Дьяконов относительно независимых общин на Древнем Востоке подчеркивал: «Община может являться гражданским коллективом, обеспечивающим права на участие в управлении общиной, на взаимопомощь и на владение землей. Быть может, именно этот аспект общины является самым важным» (Дьяконов, 1963: 21). Владение землей, как парцеллярное, так и совладение в общественных фондах, было первейшим условием членства, гражданства в общине. Эти принципы сохранились в районах распростра-

нения античной формы собственности, в Малой Азии, как это убедительно показала Е.С. Голубцева. Здесь в независимой общине землей распоряжалось народное собрание, и она не могла продаваться за пределы общины (Голубцева, 1961: 39).

Сознательно или скорее опосредованно, через иные ориентации, соблюдался принцип сохранения общиной достаточного количества индивидуумов, или минимальной популяции, чтобы избежать патологий инбридинга – ведь «эндогамия» в Дагестане прежде всего касалась того же круга, той же микрополитической единицы, в пределах которой находилась собственно отчуждаемая недвижимая собственность, которая замыкалась суверенными владениями территории. В интересах общины было наличие большого количества вариантов брачного выбора, что также было связано с количественной стороной «гражданской популяции» в общине.

Свод решений, обязательных для Андалальского общества, где, судя по кодексу, запреты на торговлю землей с угрозой конфискации проданной земли были установлением для пределов всей андалальской территории, дает возможность думать, что торговля землей между селами, входившими в это общество, не преследовалась. Во всяком случае, там имеется отсутствующий в других сводах пункт, по которому поощряются браки между представителями различных селений Андалальского союза сельских обществ. «В наших селениях учащаются взаимные браки. Если одно из наших селений запретит оформить брак женщине с жителем другого нашего же селения, то с жителей запрещающего селения взыскивается штраф в 100 баранов. Если же окажется, что это селение взыскало этот штраф с того, кто женился на их женщине, то штраф отбирается» (Памятники, 1965: 65). Данный пункт примечателен во многих отношениях. Мы знаем, что брак влек за собой отчуждение в пользу брачующихся земельных участков с обеих сторон, а иногда и из фондов общины. Поэтому аульная «эндогамия» и запреты торговли землей между обществами проистекали из общего источника – борьбы общины за целостность де-юре всей территории (включающая и частные земли). Но эти ограничения в какой-то мере подрывали внутреннюю консолидацию более широких политических образований, приводили к исключительной общественной и социальной изоляции мелких групп населения в пределах их расселения, т.е. джамаатов и их союзов.

3.6. Территориальное деление и территориальные отношения: общине замечания. По мере углубления исследований по истории социальных и общественных структур политических образо-

ваний позднесредневекового Дагестана становится ясно, что территориальная организация этих политических единиц была куда более сложной, чем это представлялось ранее, и куда более действенным фактором в формировании социально-политических и этнических структур. Фактор этот действовал не только в экологическом его значении (протяженная климатическая и хозяйственная среда), но и в смысле юридического сознания обладателей этой территории. В таком новом качестве территория приобрела особое значение, она не только охватила собой все вопросы пространственного регулирования, концептуального осмысления (и соответственного утверждения) права на владение (включая механизмы его защиты), но и сама стала предметом понятийной абстракции в юридическом смысле. Понятие территории было введено в различные уложения и правовые нормы как сфера, в пределах которой имели или теряли силу те или иные пункты правовых норм. Общества (джамааты), союзы обществ («бо») или феодальные образования Горного Дагестана, обладавшие своими территориями, дают любопытный и разнообразный материал, благоприятный для анализа вследствие исключительной мозаичности карты политических единиц и соответственно большого разнообразия взаимодействий этих единиц по вопросам территории.

3.7. *Способы обозначения границ.* Граница («Горхъи») территории обозначалась специальными опознавательными знаками («Глуж»), изредка строили невысокие каменные «столбы» или устанавливали каменные стелы. В хронике сел. Анди про укрепление села и обозначение границ говорится: «...они (андийцы. — М.А.) высекли название селения на камне, высекли также на этом камне изображение орла и меча и поставили на краю села ту стелу, высоко подняв на постаменте... По обеим сторонам этой стелы андийцы построили две высокие башни. В лесу они построили укрепление с одними воротами, охраняемое дозорным... Люди этого села поставили такие же каменные стелы с изображением орла на всех границах своих владений» (Рук. ф. Д. 192). Перед нами нарративный источник, частью основанный на переосмысленных сведениях известного сочинения Мухаммеда-Рафи, частью — на традиции исторических преданий, достоверность которых не всегда является безупречной. Здесь для нас важны как сама концепция, так и принцип обозначения границ стелами, на которых были высечены «геральдические знаки». У андийцев известен другой способ обозначения границ. На границе через определенные, но не обязательно равные интервалы рыли ямы глубиной до 50–60 см,

куда клали древесный уголь и железный предмет. Символического значения этого «реквизита» жители не помнят, говорят, что уголь «не гниет в земле», потому его можно открыть и посмотреть. Но думается, что уголь (огонь) и железо – грозные символы разорения и несчастий, которым подвергнутся нарушители границ.

Курахская стела

Наиболее раннее письменное обозначение границы, как полагают исследователи, призванное играть роль юридического документа (Лавров, 1966: 196), обнаружено перед входом в бывшую мечеть сел. Курах (Надпись обнаружена, переведена, опубликована и прокомментирована с составлением карты Курахского владения в XIV в. Л. И. Лавровым). Надпись составлена в XIV в. (24 декабря 1356 г.) и гласит: «Это горы Кураха: от мельницы Хибитара

до загона для скота (принадлежащего) Ругуну, и до Хаджиева камня, и до вершины Кун-Кула, и до горы Архита. и до Харадджского моста, и до Друшдульского тока, и до вершины, не занятой Хбуком. А это горный хребет со стороны Юга: от озера Кулик-вир до (горы) Т-р-к-р-кил выше Кимихура, и до речки под Титалем, и до М-гункура (где) кончается конюшня и начинается Зилинки». Граница здесь обозначена достаточно точно, называются урочища, речки и хозяйственные объекты.

Курахская стела привлекает внимание еще рисунками, которыми сопровождается надпись. Рисунки изображают когтистого зверя, на спине которого написано «лев», какое-то фантастическое чудовище, в пасти которого написано «большая змея», и всадника на соколиной охоте. Исходя из того, что изображенное чудовище ничего общего не имеет со змеей, а скорее напоминает скорпиона, Л.И. Лавров полагал, что слово «са'бан» использовано в значении, близком к «дракон» (Лавров, 1973: 35).

Лев и скорпион, как бы печатью закрепляющие надпись о границах, вероятнее всего, имели символическое значение оберега территории и нерушимости и неприкосновенности границ, обозначенных в тексте. Помимо этого, охранная функция изображений основана на прямой табуации границы, табуаций, самым непосредственным образом вытекающей из широко распространенных древних религиозных (магических) суеверий. И наконец, изображения «охраняли» и сам текст надписи. Все сказанное подтверждается тем, что на талисмане с арабскими письменами, изданном в Темир-Хан-Шуре в начале XX в. и распространявшемся среди населения как оберег от болезней и несчастий, имеется аналогичный рисунок. В данном контексте определенную смысловую нагрузку, связанную с территорией, носит и фигура охотника, весьма распространенная в охотничьем цикле дагестанской петрографии (Башкиров, 1930: 131). Вероятнее всего, всадник на соколиной охоте – это сюжет мифа о перевозимке родины бродячими охотниками, широко распространенный в преданиях горцев Дагестана (3.8). В целом здесь переплелись несколько линий непосредственных реакций (символическая аллегория), идеологических представлений (фольклорно-религиозные представления) и прямая магия, охранительная сила которой представлялась самой непосредственной и реальной.

Курахская стела, как видим, примечательна во многих отношениях. Она наводит на мысль о том, что данные андийской хроники о пограничных стелах не могут быть отнесены лишь за счет

фантазии хрониста. Сохранившаяся Курахская стела является, вероятно всего, свидетельством относительно частой практики подобного рода.

Имеются еще несколько свидетельств письменной традиции обозначения границ, игравших роль юридических документов, закреплявших территориальные владения. Речь пойдет о границах Хунзанского ханства, закрепленных в известном завещании Андуник-нуцала, датированном 1485 г., своему племяннику Болачнуцалу: «Затем обрати внимание на границы земель, которыми владели твои предки, и управляй так, как они управляли. Первая граница со стороны Запада – это Миясу гьатГан (буквально «часовня Ми»), вторая – со стороны Востока из середины аула Гоцатль, третья – со стороны Юга от Хучада до Голотлинского моста, четвертая – со стороны Севера от Салагоры до Таргу»¹⁰ (Хашаев, 1961: 135). Западная граница считается неясной, ибо неизвестно, где на западе от Хунзаха располагался христианский храм «Миясу». Х.-М. О. Хашаев писал, что «часовня “Миясу” – недалеко от Ботлиха, в сторону от Агвали». Х.-М. О. Хашаев имел в виду селение Миарсу, однако в источнике речь идет о храме. В другой части документа названы независимые владения, на которые «особенно претендовали аварские правители» (История Дагестана, 1967: 92): «О мой племянник, возьми ключи Авар в свои руки: первые ключи – алигиличинцев, вторые – дженгутаевских владетелей, третьи – гумбетовских владетелей, четвертые – владетелей Анди, пятые – каратинцев, шестые – бактулинцев, седьмые – хучадинцев и Семиземелья». (Завещатель разумел не овладение, указанными областями, как пишут историки, а военно-политический союз с семью политическими образованиями, который усилил бы ханство настолько, что дало бы возможность военной экспансии на восток к морю и на юг, откуда и будут поступать блага «все, в чем нуждается человек»). Здесь речь идет о призыве создания военно-политического союз с перечисленными пограничными владениями, что усилил бы ханство настолько, что имело бы «все в чем нуждается человек» (Агларов, 1989:12)

В письменных источниках наблюдаем два способа обозначения границ. Первый способ – это указания на границы по странам света и на границы соседних владений. Завещание Андуника составлено по этому признаку. Так же составлена купчая в 1617 г.

¹⁰ Здесь приводится список завещания, найдено Х.-М. О. Хашаевым в сел. Андых и переведенный с арабского Гамзатом Цадасой.

относительно границ владений, проданных эндереевским князем Темиром Чиркеевскому обществу. В купчей говорится, что проданное владение граничит с юга «с землей джамаата Чиркѣатла, с востока – рекой Койсу, с севера – Аксу, с запада – владением Амир Чупана» (Рук. ф. Док. 1179). Традиция эта имеет достаточно много аналогий как на Кавказе, так и за его пределами (Бромлей, 1964: 111). Второй способ – более тщательный и подробный, с описанием самой границы без указаний на стороны света. Надпись на Курахской стеле составлена вторым способом. Письменное обозначение границ владений Гидатлинского «вольного общества», относящееся к XVI–XVII вв., как и текст на Курахской стеле, содержит подробное перечисление топонимических объектов на границе владений. В трактате «Сведения о тех, кто первым обосновался на Гидатлинской земле, о том, как они ее распределили между собой и установили границы» (Гидатлинские адаты, 1957: 7-13) говорится: «Со стороны голотлинцев границей служит Хирулраал (граница пашни), со стороны телетлинцев – хутор Талакуриб с пахотной землей Чакудаараал Урисезул кIалтIу (Ворота урибцев) и далее по дороге, идущей с северной стороны селения Зиуриб до хутора Хьини-цIороб, и оттуда, включая крепость зиуринцев в сторону гидатлинцев до хутора Канаркаби. Со стороны хунзахцев границей служит: ГьатIанрукъ (часовня)¹¹, БорхьикIкал (змеиное ущелье) до соленой воды, которая находится против селения Могьохъ, далее ЧегIеркьуро (черная скала), БерцингохI (красивая сопка), ГIеркьикьнохьо (пещера Эркиль), Махалубнохо, Чолкьили (седло коня), Хьиридулкьуру (песчаная скала), Щалгьиниб и далее до речки ассабцев»¹² (Гидатлинские адаты, 1957: 9). Пограничная линия Гидатлинского «вольного общества», таким образом, была четко определена. Граница, как это видно из текста, обозначена по топонимическим названиям малых объектов (пещера, сопка, скала, соленый источник и др.), по бесспорному географическому ориентиру, каким является берег реки¹³ (Микаилов, 1976: 191), по хозяйственным объектам, оборонительным и культовым сооружениям, т.е. объектам, известным всему окрестному населению.

¹¹ Около селения Датуна в ущелье, носящем название ГьатIан кIкал, сохранился указанный в источнике христианский храм, построенный в X–XI вв.

¹² Все эти названия, как отмечают Х.-М. О. Хашаев и М.С. Саидов, сохранились до сих пор.

¹³ К. Ш. Микаилов пишет: «Общеварское ГIурхьи – “граница” находится в несомненной этимологической связи с гIор – “река”».

Более распространенной была устная традиция обозначения границ. В большинстве случаев границы между владениями сельских обществ, обозначенные с чрезвычайной тщательностью с помощью объектов и микротопонимики, не фиксировались в письменных документах, а хранились в преданиях старших поколений, в коллективной памяти. Беседы о пограничных линиях на годеканах, в мечети и специально среди старейшин происходили чуть ли не ежедневно в связи с хозяйственной эксплуатацией территории. Зимний и летний выпас скота требовал строжайшего соблюдения принципа территориальных владений. Частые нарушения, произвольные и непроизвольные, приводили к столь же частым конфликтам, во время которых стороны также обсуждали границы владений между обществами вплоть до последнего камня. Выразительный рельеф, разработанную «густую» микротопонику, активную осведомленность о своих землях всех «от мала до велика» нужно считать причинами того, что письменному закреплению и искусственному обозначению границ, особенно сельских, первостепенного значения не придавалось. Надо принимать во внимание и то обстоятельство, что письменная традиция зачастую была консервативна и тенденциозна. Реальное положение лучше отражалось в более динамической устной традиции.

Знание границ, слежение за ними и запоминание перемен на них не были делом одних представителей публичной власти – пределы и границы своей территории должны были знать все. (В то же время члены общества знали все свои обязательства, вытекавшие из обладания территориями, что составляло важную, если не важнейшую часть их гражданского мировосприятия.) В спорных ситуациях для освидетельствования границ привлекались не все, а лишь отдельные лица, известные не только знанием границ, но обладавшие безукоризненной репутацией справедливых и достойных доверия людей. К примеру, по случаю потравы скотом, принадлежавшим хуторянам сел. Урада, пастбищ в пограничной местности Гъину, которую жители сел. Мачада считали своей, последовало распоряжение, в котором, в частности, говорилось, чтобы в связи с потравой и конфликтом «оба джамаата послали по два человека для опознания границ» (Рук. ф. Док. 522.).

3.8. Обоснование права на владение территорией. В коллективном сознании право на территорию было полностью идентично праву частной собственности отдельных членов общества на землю; оба вида собственности складывались из источников, схожих между собой во всех звеньях. Право обладания территорией об-

щина прежде всего осознавала как право исконного (векового) владения (земля предков).

Происхождение права собственности общества на территорию в осмыслении и переосмыслении его истоков сводилось к нескольким концепциям, среди которых наиболее широко бытовал «охотничий» цикл, в котором основные персонажи облюбовывают понравившиеся им места и занимают их (первозаимка). В хронике о происхождении сел. Анди говорится: «Охотники прибыли на места поселения Анди и добычей были два оленя и медведь. Двое из охотников по имени Ануш и его же родич Уллуби-харчи решили обосноваться здесь, так как им понравились местность, климат, лес и дичь» (Рук. ф. Д. 365.). О занятии территории охотниками, прибывшими из Чечни, и об основании ими селения говорится в хронике сел. Аргвани (Шихсаидов, 1979: 159-161). В предании об основании сел. Ичичали указывается, что на место будущего селения прибыл охотник по имени Ичи, ему понравилась местность и он обосновал селение, с ним были товарищи Кила и Мела, которым понравились соседние территории, они обосновали селения Мелъелта и Кила (Рук. ф. Д. 192.).

Эти предания (их много, чуть ли не по каждому аулу) далеки от действительности, они плод осмысления названий селений и права на территорию посредством мифологизации или сочинения правдоподобных легенд. Но предания эти любопытны концептуально – как версии, дававшие общинам права на владение территорией, и как основа преданий о происхождении.

Право первозаимки предками и наследование от них территорий, так сказать, основная фундаментальная линия в представлениях и коллективном сознании членов общины или союзов обществ в обосновании права на занимаемую территорию. В уже цитированном в связи с границами Гидатля источнике (3.7) говорится, что впервые на этой земле обосновались Шамхал и Кабтар. Шамхал имел шесть сыновей, а Кабтар – только одного. Шамхал сказал Кабтару: «Пришло время, когда нужно установить границы наших земель, выбери себе любую половину, Кабтар взял землю Мучдул, Льягъал и земли, расположенные по Ратлубской речке. Остальные земли он оставил Шамхалу» (Гидатлинские адаты, 1957: 7). Затем следует повествование о разделе земли между шестью сыновьями Шамхала. Из шести сыновей у троих мать была жива, у троих умерла. Шамхал разделил землю между сыновьями путем жеребьевки. Сыновья, у которых мать была жива, благодаря ее хитрости получили лучшие земли, а именно земли Урада доста-

лись ее первому сыну, земли Тидиба – второму и земли Гента – третьему. На худшие земли жребий выпал тем сыновьям, мать которых умерла. Первый сын получил землю Хотода, второй – землю Гоор и третий – земли Кахиба. Нет сомнения, что мы имеем дело не с историческими фактами, а с историческим преданием, «объясняющим», откуда достались Гидатлинским селениям их земли и почему одна их группа получила лучшие, а другая – худшие земли. Эта легенда так же далека от действительности, как миф об основании Рима Ромулом, но в отличие от него легенда о Гидатле оперирует реалиями быта, имущественных отношений и нравов горцев (раздел земли, жеребьевка, негласное преимущество детей, у которых была жива мать, патриархальное правление отца и т. д.).

Читаемое и оглашаемое во всех селениях во время конфликтных ситуаций предание о праве собственности Гидатлинских селений на окрестную территорию и совместное владение всеми Гидатлинскими аулами дальними землями («бодул ракъ» – «войсковая (или народная) земля») служило неоспоримой основой права гитадлинцев на их территорию.

В этом же предании отразилось право на владение при дарении: «Шамхал женил своего сына, проживавшего в Урада на дочери Кабтара, и у них родился сын. После рождения сына прошло 7 лет. Тогда Кабтар приехал на муле, чтобы увидеть своего внука, но Шамхал успел предупредить своего сына (зятя Кабтара), чтобы внук его не принимал мула, а просил бы населенную землю Тлагада (Тлях), жители которого являются раятами Кабтара. Сперва Кабтар не соглашался, но, когда просьба повторилась, Кабтар подарил внуку эти земли, потому тляхцы стали раятами урадинцев» (Гидатлинские адаты, 1957: 7). Нужно еще проверить текст по Гидатлинским адатам!

Дарение территориальных земель обществом обществу стало явлением крайне редким и не всегда безусловным. Сохранился акт дарения Гидатлинским союзом части своей территории ратлубцам, принадлежавшим в этническом и политическом отношении Ахвахскому обществу. Земля дарится на условиях отторжения Ратлуба от Ахваха и вхождения его в Гидатлинское общество (3.2). Гидатлинцы дали ратлубцам земли в Битлину (горный хребет). Условием в соглашении ставилось то, что «адаты Гидатлинского общества, связанные с охраной и разрешением пастьбы на лугах, распространяются и на этот горный хребет». По этому акту запрещалось также возведение на дареной земле каких-либо построек, пока сохраняется единство ратлубцев и гидатлинцев. Нарушение

условий дарения влекло за собой возвращение этих земель Гидатлинскому обществу: «Если ратлубцы изменят Гидатлинскому обществу, то весь хребет будет принадлежать гидатлинцам» (Гидатлинские адаты, 1957: 7). Тем не менее, дарение территорий одним обществом другому – явление редкое, большей частью она от общества к обществу или феодалу отходила поневоле, затем тем же обществом арендовалась на известных условиях.

Право условного владения территорией было достаточно распространено, оно хорошо изучено на дагестанских материалах (Магомедов, год: 91-104; Хашаев, 1961: 126-154; Гаджиева, 1961: 118-124; Алиев, 1976; Шихсаидов, 1975; Алиев, Ахмедов, Умаханов, 1970: 7-24). Здесь ограничимся несколькими примерами. В хронике сел. Аргвани говорится о предоставлении аргванинцами жителям сел. Гадари (Гьадари) в условное владение узкой полосы земли, называемой Козий берег (Шихсаидов, 1979: 161). В обширной хронике «Памятка на завтрашний день о том, как был основан аул Чиркей и другие села Салатавин», указывается, что основатели селения братья из Гента Муса и Хизри «начали поиски владельцев местности Чиркей тала, чтобы они разрешили им (братьям) поселиться здесь. Чиркей тала оказалась принадлежащей княгине («бика члужу») Зазай-бике из селения Нуцал, они попросили у нее разрешения поселиться в местности Чиркей тала, на что Зазай-бике дала согласие» (Магомедов, 1979: 21). Владение дареной территорией часто превращалось в условное владение и имело последствия, о которых красноречиво повествует та же хроника сел. Аргвани: «Когда количество домов в ауле достигло тридцати, мы определили на жителей его в пользу джамаата Аргуна топливо на 30 ослах для их мечети, 30 ратлов жиру для светильников мечети. Нет у них доли в горе» (Шихсаидов, 1979: 161). Подобный же сюжет лежит в основе преданий об основании сел. Гочатль (Усманов, 1978).

Право владения территорией вследствие покупки считалось незыблемым и неоспоримым, очень часто составлялись купчие на приобретение территории, но без крайней необходимости общиной операции по продаже не поощрялись, а в иных обществах старейшин наказывали за продажу земель (Памятники, 1965: 96). Право владения захваченной или завоеванной территорией нигде как таковое не было декларировано, но подобные прецеденты встречаются в документах и хрониках. В этом отношении весьма примечательны предания о завоевании территорий, вошедшие в упомянутую памятку Чиркеевского общества. Вначале повествуется о том, что на будущей территории сел. Чиркей было расположено

десять селений (они названы в хронике), которым и принадлежала вся округа. «По мере увеличения людей в Чиркее» большинство из этих селений «испугались», и их население, оставив насиженные места и горы чиркеевцам, ушло на плоскость. Сильно укрепленное селение Беркут (Бекюрт) было неприступно. «Земли, которые именуются Нохъо-гашу, были пашнями беркутовцев. Мали-таву были их пастбищные горы до самой реки». Чиркеевцы просили беркутовцев продать эти земли за любую назначенную цену и переселиться в Чиркею. Беркутовцы не согласились. Началась война. Хорошо укрепленный Беркут никак не удавалось взять штурмом, хотя защитников там было не более ста человек. Затем следует распространенный сюжет выманивания защитников из крепости хитростью: «Переоделись воины Чиркея в медвежьи и волчьи шкуры, и напали на скот в окрестности, и стали топтать их посеы. Защитники оставили крепость для охоты за дикими зверьми». Другая часть воинов Чиркея вошла в крепость и взяла в плен женщин и детей Беркута: «Старейшины обеих сторон заключили мир: беркутовцам уйти со своих земель куда пожелают, а чиркеевцам возместить стоимость земель» (Рук. ф. Д. 469). Разумеется, утверждение о выплате стоимости отобранной земли – поздняя морализация, призванная утвердить собственность «благоприобретением». Очевидно, что речь идет о вооруженной борьбе за захват территории с изгнанием или ассимиляцией исконных владельцев территории. Так же, вероятно, обстояло дело с «испугавшимися» местными жителями, которые уступили свою территорию мощному Чиркеевскому обществу.

Среди исторических преданий о борьбе между обществами за землю зафиксировано и такое, согласно которому общество отдало часть территории другому за поддержку в борьбе с третьим, сильным и с большими территориальными притязаниями. Так обстояло дело с ирганайцами, у которых усиливавшееся Араканское общество захватывало территориальные владения. Ирганайцы обратились за помощью к унцукульцам, которым обещали свою землю в местности Къварильухъ, если они помогут им в борьбе с Араками, те согласились. В битве араканцы потерпели поражение, все убитые араканцы были похоронены на границе. С тех пор могильник, который там имеется, получил название Араканское кладбище¹⁴. Унцукульцы получили обещанную территорию.

¹⁴ Погребение павших на границе и вообще погребения как граница – древняя и любопытная традиция древних этрусков и кельтов, отголосок которой у

Драматическая борьба за землю соседних обществ отразилась и в притче о гидатлинцах, которые должны были уступить хунзахцам или какую-то гору, или скот. Гидатлинцы выбрали землю, «заявив, что скот – дело наживное, а земля остается навечно» (Халидова, 1974: 47). Мной эта притча записана с противоположной коллизией – гидатлинский мудрец (старый человек) посоветовал выбрать скот. А земля, по предсказанию мудреца, будет отвоевана: «Отсюда земля никуда не уйдет, а скот уйдет». Со временем скот и земля остались у гидатлинцев.

При защите и приобретении территорий поощрялись или не осуждались методы коварные и жестокие, отвергаемые как аморальные в обычных условиях. В историческом предании об образовании Игалинского джамаата говорится, что сел. Зазил-Росо было сильным и игалинцы опасались нападения с его стороны. Для наблюдения за противником игалинцы построили за селом сторожевую башню (остатки ее сохранились до сих пор). Поводом для завосвания сел. Зазил-Росо послужил несчастный случай: несколько мужчин из этого селения попали под обвал и погибли. По обычаю, в селение стали стекаться жители соседних аулов, чтобы выразить соболезнования по поводу случившегося. Игалинцы, решив использовать этот случай в своих целях, не торопились с соболезнованиями, ссылаясь на то, что отношения между селениями были натянутыми. Повременив немного, игалинцы послали своего человека в Зазил-Росо с тем, чтобы он предупредил о том, что игалинцы хотят всем селом выразить соболезнования семьям погибших. По обычаю, все мужчины селения становились в одну линию, чтобы приветствовать приехавших на соболезнование людей. Это дало возможность игалинскому разведчику незаметно пересчитать всех мужчин Зазил-Росо. Зазилросинцы согласились на посещение их села игалинами. Игалинцы надели длинные шубы и отправились в Зазил-Росо. Там они прошли вдоль всей шеренги зазилросинцев, и, когда первый из игалинцев подал руку последнему в шеренге зазилросинцу, все игалинцы, держа правой рукой каждого напротив стоящего зазилросинца, левой выхватили кинжалы и нанесли смертельные удары. На месте были убиты 68 зазилросинцев. Из мужчин осталось всего пять человек, которые случайно оказались далеко от места побоища. В селении остались только женщины и дети. Потом оставшиеся за-

европейских народов сохранился в виде выражения угрозы: «I will make border with you!..» (Takacs, 1979: 145).

зилросинцы перебрались на место теперешнего сел. Читль. Подобными и другими методами игалинцы расширили свои владения до Чирката и Нижнего Инхо, Аргвани и Хунзаха. С каждым годом Игали становился все более сильным и многолюдным аулом¹⁵.

Территориальные споры решались не только военными средствами. По свидетельству источников начала XIX в., харачоевцы вели земельный спор с зилоевцами (андийское село), который был разрешен состязанием на скачках (Попов, 1870: 7). «После решения спора с зилоевцами Бики (житель Харачоя. – М.А.) написал на камне время скачки и объяснил место, разграничивающее пастьбу, – озеро Чархиам; камень тот он положил в одну из стен своей башни над дверями, где он хранился... но андийцы вынули камень из стены и разбили его вдребезги» (Зубарев, 1830). Л.И. Лавров, который приводит эти сведения, допускал возможность соприкосновения территорий сел. Зило и Харачоя еще в XVIII в. (Лавров, 1968: 83, 154). Находясь в составе Андийского «вольного общества», зилоевцы имели общие со всеми селами верхнеандийцев пастбища, в связи с чем, видимо, зилоевцы фигурируют в документах на харачоевской границе. Позднее в результате военных столкновений зилоевцев с андийцами, с одной стороны, и андийцев с харачоевцами – с другой, андийцы лишили указанные села их пастбищ на пограничной территории, присоединив эти пастбища и посеы к своим владениям. Возможно, на этой реалии привился один из бродячих сюжетов об овладении территорией: андиец, набив сапоги землей, взятой с андийской территории, поклялся на земле чеченцев: «Земля, на которой я стою, наша», в результате чеченские пастбища отошли к андийцам.

Могущественные общества забирали территорию соседних, более слабых джамаатов в качестве компенсации за кровь убитых во время столкновений между ними. Такая территориальная компенсация не была узаконена и предусмотрена ни в одном пункте адатов об убийствах в отличие от шариата, но навязывалась сильными обществами угрозой войны и получала узаконение в виде соглашений.

Х.-М. О. Хашаев опубликовал интереснейшее соглашение, составленное между Хунзахским обществом и пограничным с ним Голотлинским: «В 1217 г. хиджры (1803 г.) в месяце мухаррам между хунзахцами и голотлинцами произошла большая драка. В

¹⁵ Предания о происхождении сел. Игали. Полевой материал 1968 г. Хранится у автора.

этой драке со стороны хунзахцев были убиты Мирза Гитинов Магомед, сын Гаджиява, сын Шейхова, сын Патина-Хатун, сын Курбана. После этого хунзахцы поднялись по тревоге. Они намеревались воевать с голотлинцами, заняли местность над сел. Голотль под названием Сариси бижулѣб гохI, ущелье, находящиеся рядом с ним, и все окружающие возвышенности, таким образом, чтобы голотлинцы не могли оказать сопротивление. В это время для установления между ними мира прибыли следующие лица: из сел. Телетль – Чупан, Али-Султана, Магомед Нистагов, Кади Мулла Магомед, сын Дибера из сел. Гаджияв и люди из Гоор-Кеха. Они уговорили кончить дело маслаатом (миром) на следующих условиях: голотлинцы уступают хунзахцам свою землю, начиная от моста до речки Тобот, мост остается хунзахцам, земля, деревья, кустарники, трава – все принадлежит хунзахцам. На этих условиях маслаата согласились хунзахцы, голотлинцы и куядинцы. Свидетелями были перечисленные выше лица и, кроме того, из сел. Куяда – Исалов и Горо-Хаджи, из сел. Гоцатль – Дибир, из сел. Урода – Хаджи, из сел. Тануси – Лабазанилав и др.»¹⁶ (Хашаев, 1961: 231-232).

В истории Дагестана мы не знаем прецедента, чтобы в качестве компенсации за кровь община давала часть своей территории, если потерпевшее общество было слабее и малочисленнее. А крупные общества сплошь и рядом навязывали именно такие мирные решения.

На почве перехода голотлинской территории к хунзахцам согласно приведенному решению, возможно, возник пресловутый рассказ о клятве с землей в сапоге, аналогичный приводившемуся выше: хунзахский хан насыпал землю, взятую со своей территории, в свои сапоги, приехал в Голотль и поклялся, что земля, на которой он стоит принадлежит хунзахским ханам, поэтому голотлинцы вынуждены были уступить право владения на территорию хунзахским ханам (Записано автором в Голотле в 1972 г. Информатор Магомед Саидов). Любопытно, что тот же самый сюжет о клятве с землей в сапоге, вследствие которой земля шуланинцев отошла к согратлинцам, рассказывают и в Андалальском обществе (Халидова, 1974: 48).

¹⁶ Хашаев замечает в примечании: «Запись эта по-арабски сделана жителем с. Хунзах Магомедом, сыном Дайда, с копии маслаата. С арабского на аварский перевод по нашей просьбе сделал народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса».

Знаменательно, что эта бродячая легенда закономерно прививалась там, где имело место действительное присвоение территорий реальными и более действенными, чем «земля в сапоге», средствами: налицо прагматическое восприятие истины «цель оправдывает средства», если это касалось территории. В правосознании народа лжесвидетельство представлялось не очень предосудительным, если была территориальная выгода, и наоборот. В своде постановлений, обязательных для Келебского союза сельских обществ, содержался беспрецедентный по своей недвусмысленности пункт: «Если в результате свидетельского показания жителя нашего селения земля наша будет признана собственностью другого селения, что должно быть установлено 2 справедливыми людьми, то с него взыскивается стоимость этой земли, штраф в размере 20 голов овец и медный котел весом 4 ратала». Как вытекает из этого пункта, гражданский долг члена Келебского союза заключался в свидетельстве в пользу своего общества, а не против, независимо от того, истинно было свидетельство или ложно. (Здесь уместно вспомнить высеченную на камне клятву херсонесцев: «Из территории, которой херсонцы владеют, ничего никому не передам, ни эллину, ни варвару» (Жебелев, 1935: 913)) В сводах решений других обществ мы такого пункта не встречаем, но можно думать, что во всех обществах царил атмосфера неодобрения показаний против общества в делах, касавшихся территории. Но, за исключением Келебского установления, законность владения территорией или ее видимость («клятва с землей в сапогах» или «оплата» чиркеевцами побежденным бекюртовцам стоимости отобранных земель) обеспечивалась соответствующей легендой или историческим преданием, подтверждающим право на территорию и исходящим из неоспоримых источников.

Борьба за территорию выливалась порой в длительные тяжбы. Документы свидетельствуют, что при мотивации прав владения и собственности на территорию, помимо концепции «росдал ракъ» («земля аула» в плане векового, «наследственного» владения), использовались все формальные акты признания этих прав. Из прошения жителей сел. Ригьикь на имя генерал-губернатора Дагестанской области по поводу притязаний на часть их земли Ахвахского союза сельских обществ мы узнаем, что в начале XIX в. на их земли претендовали и хучадинцы Гидатлинского общества. В прошении дословно приводится письмо Шамиля, решившего этот спор в пользу сел. Ригьикь. Письмо любопытно указанием границ земель,

а также свидетельством посредников в пользу жителей сел. Ригьикь: «Моему любимому брату наibu Нурмухамеду привет. Затем тебе приказываю, отвори жителей селения Хучада от их притязаний к жителям аулов Къятикь и Ригьикь по поводу владения землей со стороны ущелья, обращенного в сторону Ригьибга до Цуриба, оттуда до места стоянки Нуцала, оттуда до Гъаргъаритла, а оттуда до ущелья Гъардохъ и оттуда до Къитлахъ. Благодаря свидетельству алима Мухамада из Ахваха, алима Омара из Цекоба, алима из Урада Батыра стало явно, что вся эта названная территория является их собственностью. Мне стало известно, что гидатлинцы в тяжбе с ними по причине раздела гидатлинцев с ними. И я тебя упрекаю в том, что ты позволил себе усомниться в их (ригьиклинцев. – М.А.) праве собственности на территорию, как это было известно находившейся во владении этих сел (Ригьикь и Къятикь). Ты останови тяжбу, как я тебе велел и ранее. Мир, 1266 г. хиджры, 11 месяц мухаррам, среда» (Рук. ф. Док. 510).

Как видно из письма, в пользу общества Ригьикь наряду с лицами из других обществ против Гидатля свидетельствует гидатлинец, урадинский ученый Батыр. В Гидатле, вероятно, его осуждали, а по келебским законам он за такое, пусть вполне справедливое, свидетельство был бы наказан.

На эти же земли, отторженные от Гидатля, вероятно в связи с образованием Гидатлинского наибства, как явствует из жалобы жителей, впоследствии заявили свои претензии ахвахцы. Ригьитлинцы указывают на неоспоримость их прав на территорию ссылками на право векового владения: «Ахвахский джамаат оспаривает наши земли, расположенные ниже реки Сетлохъ и ущелья Гъардохъ. Эта территория была нашей собственностью, унаследованной от отцов со времен, когда дети Адама нашли себе родину». Затем они ссылаются на документацию, подтверждающую их право собственности, имевшую, вероятно, большую силу убедительности для чиновников (формальные основания): «Во время нашей тяжбы с гидатлинцами Шамиль признал наше право на территорию, как и последующие правители русского падишаха...». Далее изложена приведенная выше копия письма Шамиля, «оригинал которого они хранят и могут предъявлять» (Рук. ф. Док. 510).

Право приобретения через покупку оформлялось соответствующими документами и обязательно со свидетелями «из почетных и справедливых людей». Можно сослаться на купчую, составленную по поводу приобретения Чиркеевским обществом земельной территории в 1617 г. Эта покупка стоила немало: 2 тыс.

овец, 110 быков и «двести туманов русским серебром». Купчая точно указывает границы территории. Свидетелями акта продажи-купли были «лучшие люди из Эндери: Хаджи-Умалат, сын Хан-Киши. Герей, сын Эльдара, Хаси-хан, сын Киши, Гъайбулат-хаджи из селения Буртунай» (Восточные источники по истории Дагестана, 1980: 92). О расширении своей территории через покупку сохранились исторические предания и самих чиркеевцев. Вероятно, такого рода крупные сделки имелись в виду, когда, как гласит предание, все драгоценности вплоть до серебряных украшений женщин отбирались в джамаатскую казну.

3.9. *Экстерриториальность*. На определенном уровне развитых систем отношений собственности правовой статус территории общины был тождествен статусу частной собственности, в связи с чем на нее распространялись все нормативные и адатно-правовые положения, касавшиеся частной собственности. В этом контексте нас будет интересовать одно из наиболее замечательных свойств, вытекающее из полноты собственности на территорию, иммунитет чужаков и их имущества и нераспространение на них норм адатов данного общества, т.е. то, что принято называть экстерриториальностью. Если человек, находящийся в доме, даже кровник или, что хуже, отверженный¹⁷ (Анчабадзе, 1979: 137), пользовался полной неприкосновенностью, то эта неприкосновенность распространялась и на чужаков, вступивших на территорию любого общества. Словом, территориальные владения общины становились как бы домом, убежищем (Штернберг, 1902: 414-416), что обычно на Кавказе не только в отношении чужака.

Весьма четко право экстерриториальности проявлялось во время взимания ишкила (насильственного взимания долга). В «Своде решений, обязательных для жителей Андалальского округа» экстерриториальность при ишкиле обеспечивалась двумя пунктами: «Если берется ишкил с гостя и тот, у кого он остановился, находится на своей территории, то с того, кто берет ишкил, взыскивается один бык». Затем следует уточнение, согласно которому взимание ишкила вне территории Андалальского общества имело полную законную силу и принимавший гостя не мог этому воспротивиться: «Если гость и тот, у кого он остановился, нахо-

¹⁷ «Изгнанник мог стать гостем в любом встретившемся по дороге доме. Здесь ему неизменно предоставляли ночлег и пищу. Его не сажали за общий стол, где обедала семья, а отводили в самый темный угол дома; остатки его еды тут же выбрасывались на съедение псам с характерным возгласом: "От собаки собаке"..."»

дятся вне пределов своей территории и гость откажется от дачи ишкила, то с него взыскивается один бык» (Памятники, 1965: 63). Оба пункта отчетливо показывают действие и прекращение действия постановления, четко указывая именно территорию, а не общество или дом хозяина, чьим гостем являлся должник. Не во всех сводах и уложениях имеются пункты, регулирующие дела по ишкилу, но переписка по делам ишкила показывает, что нарушение экстерриториальности являлось наиболее частым предметом обсуждения между обществами.

Взимание ишкила с соблюдением экстерриториальности было серьезной заботой обществ. На случай одностороннего нарушения правил в «Своде решений» имелся особый пункт: «Мы решили руководствоваться порядком взятия ишкила, установленным адатами других округов. Если они возьмут ишкил у своих ворот, то мы возьмем у своих ворот. Если они возьмут за пределами их земель, то мы то же самое сделаем» (Памятники, 1965: 64). Договоры, заключенные между обществами по вопросам экстерриториальности, нарушались настолько часто, что этот пункт предписывает сохранять иммунитет по делам ишкила лишь по взаимности.

Согласно келебскому постановлению, «если женщины пойдут к суфию или пойдут к мутаалиму, а за ними следом пойдут молодые люди села и побьют суфия, мутаалима и хозяина дома, где они живут, то все они освобождаются от штрафа, исключая хозяина дома, в котором они живут: он подвергается штрафу в размере одной мерки зерна» (Памятники, 1965: 72). И суфий, и мутаалимы (учащиеся медресе) как проживающие у «хозяина дома», упоминаемого в постановлении, являлись чужаками, избиение которых в иных случаях наказывалось штрафом. Но в целом келебский адат не характерен для большинства крупных обществ. Экстерриториальность не соблюдалась, если пришельцы причиняли материальный или моральный ущерб общине. Обычно в подобных случаях пришелец должен был покинуть пределы территории, а о поступке данного лица извещались власти общества преступника, которые судили его по своим законам. «Ни добро, ни зло нашего джамаата не распространяются на пришельца», – гласит адат Урадинского общества (Рук. ф. Д. 57.).

Путники, послы (вакилы), торговцы-чужестранцы – все пользовались иммунитетом¹⁸ (Памятники, 1965: 72). Во многих обще-

¹⁸ Келебцы постановили: «Если пришел в селение человек из другого общества с целью поухаживать за женщинами или для другого (дурного) дела, то мо-

ствах экстерриториальность соблюдалась не только на территории одного аула, но на всей территории того или иного политического образования. К примеру, гидатлинцы и андийцы считали предосудительным совершить месть по отношению кровников-чужаков на своей территории. Чужак, если он совершал преступление по отношению к Гидатлю, уверяют информаторы, мог быть наказан только за гидатлинским мостом.

Экстерриториальность частных владений или территории общества получила отражение в сводах постановлений отдельных союзов: «Если хварцинец убьет в своем обществе человека другого общества, то убийца покупает и передает наследникам убитого саван в три обертка и быка стоимостью 10 рублей и, кроме того, делается кровником на общем основании» (Памятники, 1965: 126). Наложения сверх обычных композиций могут быть истолкованы только как наказание за нарушение экстерриториальности. В Каратинском союзе сельских обществ за нарушение экстерриториальности в пределах владений каждого отдельного селения, входившего в союз, сверх обычных композиций за убийства дополнительно полагалось «десять рублей хозяину гостя, а родственникам убитого 250 рублей» (Памятники, 1965: 144). Таким образом, постановления ограждали гостя не только в пределах конкретного общества, но и в пределах союза обществ или политических образований в целом. В последнем случае суперкомпозиции были чуть мягче, чем когда преступление по отношению к чужаку совершалось на территории союза обществ (Памятники, 1965: 144).

Охрана жизни, имущества и чести лиц, вступивших на чужую территорию, которая осуществлялась обладателями этой территории, не только была возведена в ранг обязательного правового установления, в этом случае даже усиленного (суперкомпозиции), но являлась незыблемым моральным принципом, более надежным для защиты чужака, чем декларируемая в кодексах уголовная ответственность.

У историков науки вызывало удивление, как на Кавказе среди воинственных народов, находясь годами в самых различных, иногда очень глухих точках, чужестранцам, в частности членам Петербургской Академии наук, удалось в течение XVIII в. собрать огромный по объему материал, относящийся к географии, ботани-

лодежь селения может избить его, за это с них штраф не взимается». Отсюда ясно, что если бы был избит человек из другого общества, прибывший без дурных намерений, то нарушители бы штрафовались.

ке, минералогии, бальнеологии, археологии, этнографии и т.д. Это, по словам Л.И. Лаврова, был настоящий подвиг, которому остается только удивляться (Лавров, 1976). Правда и то, что в плену у кайтагского уцмья умер академик С.Г. Гмелин, что И.-А. Гюльденштедт семь лет находился в плену у черкесов, что, не выдержав трудностей, застрелился И.П. Фальк. И все же действительно высокий подвиг исследователей был возможен прежде всего благодаря установлениям, принятым в качестве охранных мер для всех вступивших на территорию политических образований вплоть до малых общин.

Если путешественник объявлялся чьим-то гостем, он автоматически становился гостем всего общества и в пределах владений этого общества ему обеспечивалась не только безопасность, но и, если возможно, исполнение того, ради чего он прибыл сюда, не говоря об элементарном жизнеобеспечении (пища, жилище и т. д.). Предавшие своего гостя подвергались проклятию, а общество, где это происходило, покрывалось позором.

Существует замечательная по художественным достоинствам и редкая по эмоциональному подъему баллада XVII в. на сюжет предательства по отношению к гостю и необеспечения ему законной неприкосновенности. Эта известная баллада о Хочбаре (Антология дагестанской поэзии, 1980: 9-13). Согласно балладе, Хочбар из Гидатля принял приглашение нуцала (хана) приехать к нему в гости в Хунзах, где было много смертельных врагов героя. Хочбар едет, не колеблясь: если он откажется, «не решит ли нуцал, что я побежден?». Хочбара сжигают в Хунзахе на большой площади, но страшное возмездие настигает нуцала: Хочбар увлекает в костер двух малолетних сыновей хана.

М.О. Чудакова в своем содержательном разборе этой баллады о гибели Хочбара вместе с сыновьями-наследниками нуцала, вернее, сочувствие народа герою, мстящему нуцалу так жестоко, объясняет суровым складом характера горца (Чудакова, 1970: 158). С этим нельзя согласиться, хотя именно М.О. Чудаковой делается верная попытка найти объяснение драме не в самих поступках героев, а в отношении народа к ним. В правовом и нравственном сознании горцев Хочбар, приехавший в Хунзах по вызову, был лицом неприкосновенным, а за нарушение этой неприкосновенности нуцал карается в балладе высшей карой, которая только мыслима. Нуцал расплачивается за отступничество, он преступил закон неприкосновенности личности, находящейся под защитой принципа экстерриториальности, которую в первую очередь должен был

обеспечить сам нуцал, ибо герой явился по его зову. Полагают, что баллада сложилась на основе мотивов антифеодальной борьбы «вольных обществ» за свою «вольность». Это безусловно верно, но не в прямой сюжетной коллизии, а в косвенной иллюстрации того, что не кто-нибудь, а именно феодал является нарушителем «святая святых» – гостеприимной безопасности чужака, что вызывало чувство отвращения у народа и повлекло страшную месть Хочбара. В балладе как совершение зла, так и возмездие за него доведены до крайнего своего выражения и высокого драматизма. Недаром эту балладу Л.Н. Толстой назвал удивительной.

3.10. Территориальный строй и его отражение в политическом и административном устройстве. Территориальное деление племен, народов, политических образований проходит через тысячелетия истории человечества, но в различные исторические эпохи и в различных человеческих обществах оно было неодинаковым. Роль территории от простого, но жестокого размежевания среды обитания для охоты и собирательства (Липс, 1954: 305) с развитием общества менялась, усложнялась и возрастала. Изложенный материал по Горному Дагестану дает возможность увидеть эту возросшую и качественно новую роль территории.

Территориальное деление имело, помимо прочего, свою иерархическую структуру, отвечавшую федерации джамаатов, т. е. «вольному обществу» или союзу «вольных обществ». Группа территорий джамаатов образовывала общую территорию «вольного общества», но без верховной собственности последнего, так как каждое общество могло выйти из союза и присоединиться к другому пограничному вместе со своей территорией. Таковы были отделение Ратлуба от Ахваха и присоединение к Гидатлю (3.2). Во многих случаях у союза обществ была «не поделенная» территория – она как бы олицетворяла структуру союза, эта земля называлась «бодул ракъ» (земля войска, народа), доходами от нее пользовалось все «вольное общество». Территориальный строй отражал и следующий уровень федерации – союз «вольных обществ» – не только механическим объединением входивших сюда территорий, но и общей землей, имевшей не столько экономическое, сколько символическое значение. Наиболее интересно наличие общеварской территории Арахь-меэр, которую называли «бодул ракъ» и на которой право пастьбы имели все соприкасающиеся «вольные общества»: Койсубу, Хебдалал, наряду с Хунзахским обществом («бо»).

Едва ли наряду с формами земельной собственности внутри джамаата мы найдем другую столь яркую, выразительную область, как строй и отношения на основании территориального деления. Как категория юридического сознания территория и ее строй имели воздействие на всю общественную структуру малых и больших политических образований (единиц), сложившихся в Дагестане. На Северном Кавказе, да, пожалуй, и на Кавказе вообще, территориальному строю в Дагестане, как и самим «вольным обществам» с их федерациями и конфедерациями, нет прямых аналогов, что отразилось еще в ранней русской историографии. Нам предстоит еще убедиться, что территориальный строй целиком соответствовал не только принципам политической организации общества, но его правовому строю и этнографическому состоянию.

3.11. Устойчивость территориального строя в исторической перспективе.

Соблюдение границ и владение территориями в Горном Дагестане оставалось и неизменным и не реформированным при всех самых радикальных социально-экономических политических переменах принципом. В имамате территориальные владения обществ были защищены и Шамиль создавал государственные земли «байтулмал», не из территорий обществ, а исключительно из конфискованных у феодалов и полученных по «назру» (дарение) от обществ земель. Российские власти оставили положение вещей неизменным, хотя не признавали (умалчивали) право этих общин на территории, как и право частной собственности на землю де-юре. Советы также отказались от попыток перераспределения земель и изменения территориальных границ по экономической целесообразности и социальной справедливости, так как любые попытки изменить границы вызывали протесты сельчан вплоть до восстаний. Современное углубление реформ по муниципальному праву на территории можно прогнозировать как сохранение статус-кво на границы бывших территориальных владений как оно произошло при колхозах. В заключение этого блока нужно подчеркнуть несостоятельность теории об «этнических границах», во всяком случае в отношении к Дагестану.

3.11.а. Семья. Исследование семьи как таковой с описанием внутрисемейных отношений остается вне нашей задачи; тематически она достаточно полно изучена в монографии С.Ш. Гаджиевой (Гаджиева, 1985). В этом параграфе предполагается рассмотреть семью как ячейку общины с точки зрения ее правового и имущественного положения в джамаате. Но сначала следует остановить-

ся на форме семьи в Нагорном Дагестане, вопросе, имеющем свою историографию.

Большие семьи или семейные общины у населения Нагорного и части Предгорного (Левашинское плато) Дагестана не зафиксированы никакими источниками. Напротив, как посемейные списки 1886 г., так и полевой опрос не дают оснований для утверждения, что горцы указанных частей Дагестана знали, во всяком случае в XIX в., иные формы семейного строя, кроме малосемейного. В этом случае аварцы (за исключением аварцев Казбековского района), андийские народности, даргинцы горной части (Далгат, 1968: 77-144) и лакцы (Булатова, 1971:136-138) стоят особняком среди народов Северного Кавказа и Закавказья, у которых большесемейная организация функционировала в XVIII–XIX вв. и позднее (Гаджиева, 1961; Ихтилов, 1967: 170-175; Агаширинова, 1978: 121-159; Харадзе, 1961; Калоев, 1971).

Несмотря на то, что большая семья или семейная община в Нагорном Дагестане никогда и никем не были описаны (и не могли быть описаны по причине отсутствия таковой), в историографии утверждалось представление об их повсеместном распространении в горах Дагестана в прошлом. В кавказоведческой литературе по этому вопросу сложилась своеобразная ситуация: чисто этнографическое или публицистическое бытописание горцев в прошлом, даже в специальных работах, посвященных семье (Львов, 1870: 1-25), не содержит никаких материалов о большой семье, в то время как в научной, своего рода этнологической традиции декларируется противоположная точка зрения (Мовчан, 1972: 120-123), исходящая из теории универсальности этой формы. (В этой связи следует отметить, что М.М. Ковалевский, которому Ф. Энгельс поставил в особую заслугу открытие большой семьи у народов Кавказа (Маркс, Энгельс, год: 63), в своем обширном труде «Закон и обычай на Кавказе» ни словом не упоминает о ней в Дагестане. Это и понятно – исследование М.М. Ковалевского прежде всего базировалось на репрезентативном правовом материале, который не содержит никаких указаний на большую семью у народов Горного Дагестана.) Можно было бы пренебречь этой традицией как не имеющей фактической основы даже для XVIII в. (периода, хорошо освещенного документально), но прочно утвердилось положение, что большая семья была в горах в позднем средневековье и лишь потом исчезла или разложилась.

Пожалуй, единственным логическим аргументом в пользу положения о бытовании большой семьи в XVI–XVII вв. у горцев Да-

гестана является наличие в старой архитектуре аварцев зальных домов, поражавших, прежде всего своей величиной (до 100 кв. м и более при высоте часто более 4 м). Г.Я. Мовчан писал по этому поводу: «Ни у кого не вызывало сомнений, что такие помещения служили обиталищем большой неразделенной патриархальной семьи, как это имело место и у других народов Кавказа. На этом можно было бы не останавливаться, если бы за последние годы среди дагестанских историков не появилось стремление отрицать существование большой семьи в Дагестане, начиная с древности»¹⁹ (Мовчан, 1972: 120). Действительно, точка зрения, отрицающая наличие большой семьи, зародилась в работах дагестанских этнографов. Наша попытка найти большую семью или ее неоспоримые следы среди андийских народов была безуспешной (Рук. ф. Д. 64.), не увенчались успехом также полевые исследования на эту тему А.И. Исламмагомедова, проведенные у аварцев (Исламмагомедов, 1967: 158). Следствием явилось то, что на сессии Института этнографии АН СССР в апреле 1964 г. мной был сделан доклад, где, в частности, говорилось, что «специфическим путем развития форм собственности на землю, сложившихся на базе террасного земледелия, объясняется то, что в горах не сохранились большесемейные общины» (Архив Ин-та этнографии АН СССР. Оп. 10. Д. 318.), т.е. было дано объяснение своеобразному положению Нагорного Дагестана.

Точка зрения Г.Я. Мовчана, согласно которой зальные жилища Аварии являлись вместилищем большой семьи, не подкреплена ничем, кроме априорной посылки, что жилище большесемейного коллектива должно было иметь такую вместительную конструкцию (Мовчан, 1972: 120). Сейчас уже не является секретом назначение зальных домов Гидатля: они действительно имели общественные, представительные функции, были своего рода семейными гнездами. Здесь справлялись свадьбы и иные общественные и семейно-родовые празднества и ритуалы.

Причины малосемейного уклада в Горном Дагестане, в отличие от других регионов Кавказа, связано с особенностями гражданской общины – джамаата, членство в которой молодому мужчине можно было получить только отделившись от семьи юриди-

¹⁹ Г.Я. Мовчан продолжает: «К таким выводам приходят М. Агларов., С. Асиятилов. Эти же взгляды разделяет М.З. Османов. В результате подобных совместных усилий в последней капитальной монографии "История Дагестана" сказано, например, что "основу общественной структуры в Дагестане в V–X вв. составляла малая семья"».

чески, то есть «учредив» отдельно свою семью в том числе. Это было правом и в интересах субъекта и общины одновременно.

3.12. *Создание новой семьи* начиналось с создания материальной базы для ее существования и функционирования в обществе и политической жизни как гражданской единицы. Отец, прежде чем женить своего сына, вначале старшего, строил ему дом, если, разумеется, для этого у него были средства, а главное – площадь в черте аула. Если такой возможности не было, он выделял комнату в своем доме или сооружалась пристройка. Во всех случаях вопрос заключался не столько в средствах для постройки дома (при бедности или отсутствии рабочей силы помогали строить одготухумцы, а то и все общество), сколько в земле для возведения постройки. Во многих случаях, согласно заявлению отца, за плату или бесплатно, но только по обязательному решению джамаата и только с его разрешения выделялась земля из общественных фондов. В первую очередь она выделялась в новых поселках, возводившихся на границе общества.

Уже обращалось внимание на то, что одно из понятий в аварском, как и в андийских языках, означающее вступление в брак, передается словами «ригын гьабизе», т.е. «создание дома» (Исламмагомедов, 1967: 158). Гамзат Цадаса в очерке о семье и браке пишет, что «после женитьбы спустя немного времени молодоженов отделяли для самостоятельной жизни. Им давали все, что необходимо для ведения самостоятельного хозяйства. Если же родители нетрудоспособны – по старости или по болезни, то раздел хозяйства не производили» (Памятники, 1965: 59). Поговорка: «вас гьавуни рукь гьабула, яс гьяюни рукь биххула» (если родится сын – выстроится дом, если дочь – разрушится дом) имеет своим содержанием указание не только на продолжение и угасание рода, но и прямо на обычай строить дом совершеннолетнему сыну.

Помимо строительства дома, отец отчуждал в пользу женившегося сына на правах полной собственности долю пахотной земли, покоса, хуторских строений, леса и скота. То же самое выделялось дочери, выходящей замуж, в качестве приданого, за исключением жилых и хуторских помещений. Обеспечение новой семьи всем необходимым обеими сторонами контролировалось общественным мнением. Разумеется, бедная часть населения не могла обеспечить вступающих в брак всем перечисленным, но принцип был таков: «От всего, чем располагает родительский дом». После выдела старшие сыновья как заранее получившие свою долю имущества не претендовали на наследство родителей, с которыми

оставался младший сын, наследуя их имущество. Вследствие особого положения в доме младшего сына, наследовавшего имение родителей, вероятно, возникали драматические сюжеты баллад (Антология дагестанской поэзии. Т. 1: 35).

Община через четкие установления следила за процедурой разводов. Джамаат под влиянием шариата добивался того, чтобы инициатива развода принадлежала только мужчине: «Только муж имеет право развести жену, т. е. дать ей развод, о чем он должен предварительно объявить суду» (Памятники, 1965: 141). Развод по инициативе женщины шариатом запрещался, но в доисламском семейном быте, надо полагать, осуществлялся свободно. Джамааты отдельных обществ разрешали подобные ситуации в пользу шариатского положения – наказанием для ушедшей женщины было то, что муж, не дав ей развода, мог жениться на другой. «Если, – говорится в келебских постановлениях, – после ухода жены муж пошлет за ней двух почетных людей с просьбой, чтобы она вернулась к нему, и если она откажется вернуться и не помирится с мужем, то он имеет право жениться на другой» (Памятники, 1965: 72). И тем не менее женщина всегда могла уйти от мужа и потребовать развод.

Любопытно положение детей: «Если замужняя женщина, поссорившись с мужем, уйдет от него и в связи с этим возникнет спор о содержании ребенка, то мать должна оставить его у себя, пока он не достигнет брачного возраста. Отец обязан дать ребенку 8 мерок пшеницы и 6 фунтов внутреннего жира. Если мать откажется оставить у себя ребенка, то с нее каждую неделю взыскивается бык, оцененный в 8 голов овец» (Памятники, 1965: 72). Таково было постановление Келебского общества, где мы видим признание в адате факта разрыва брака по инициативе женщины. Дети оставались при отце, но если отец отказывался оставлять у себя детей, то должен был давать и содержание.

При разводе приданое – земля, скот и т.д. – возвращалось назад, что также было санкционировано: «Приданое в случае развода может быть отобрано обратно» (Памятники, 1965: 141). Все эти моменты, являвшиеся заботой общины об имущественном положении женщины при разводе, были следствием ее имущественного положения в семье.

3.13. Шариат, можно сказать, полностью вытеснил местное право наследования. Недаром в сводах адатов нет ни одного пункта или указания по делам наследования. Родители не ограничивали число наследников, и соответственно имущество наследовалось

всеми лицами первого круга наследования, определенного шариатом, если таковых не было – второго, при отсутствии их – лицами третьего круга (Керимов, 1978: 15). Но характерно, что при наличии тухума и его более узких подразделений, таких, как «рукъ» у аварцев, «суцлер» у богулал, «гъакъульаол адам» или «гъакъу» у андийцев, в группы указанных шариатом наследников властно вторгались местные институты.

Твердо соблюдалось правило, которое заключалось в том, что если наследуемое имущество распределялось в первом круге, то оно сосредоточивалось здесь и не переходило во второй круг при наличии хотя бы одного наследника мужского или женского пола первого круга. Точно так же из второго круга имущество не переходило в третий. Эти правила соблюдались относительно родственников, тухумных и иных социальных группировок. Последнее лицо, на котором завершалось право наследования, у андийцев называлось «вахидоб». В случае отсутствия такового имущество переходило в казну общины или попадало под категорию вакуфного имущества.

Женщина как наследница получала треть доли мужчины. Если умирала жена, оставив после себя детей, половина ее имущества переходила к ее мужу. И.П. Петрушевский замечал: «В отличие от европейского феодального и позднее буржуазного законодательства, по которому имуществом жены распоряжается муж, мусульманское право строго проводит принципы раздельности имущества супругов. Муж не имеет права распоряжаться имуществом жены» (Петрушевский, 1966: 175). Земельные отношения, сложившиеся в джамаатах Горного Дагестана, еще более усугубили это положение. В практике наследования после смерти жены бездетного мужа участок земли, полученный как приданое, возвращался к ее сородичам. Если же умирал муж или происходил развод, имущество жены, и особенно земля, сохранялось за ней.

Приведем одно из многих характерных завещаний (В завещании многие виды недвижимости обозначены как принадлежащие женщинам, имена которых выделены нами.): «Могомед Къади, сын Кудясул Гаджи, делает это завещание (“назру”) после исполнения дарения (“васият”). Что останется после дарения из моего имения, все переходит моим двум дочерям Гугъарше и Патимат в равных долях. И говорю так: если я заболею болезнью смерти, за день до этой моей болезни я делаю назру следующего имущества обеим дочерям. Один дом в квартале Карш состоит из двух комнат, трех хлевов, одного сеновала (“гъор”), веранды (“рагъи”) и

двора (“азбар”), по соседству с домом Сарат, дочери Могомы и дочери Къади Гугъарша (Это, вероятно, дочь завещателя, она живет не с отцом, будучи, видимо, замужем; она одна из наследниц). Поле в местности КІазиниб площадью для посева одного саха (Мера сыпучих тел, около 3,5 кг.), на востоке – Патимат, дочь Нурмагомеда, на западе – Чакар, дочь Магомы (т.е. на восточной границе завещаемого поля – поле Патимат, на западной – поле Чакар). Впереди – Сарат, дочь Исмаила Ханансуласул. Сзади – Хусейн, сын Хамзата. Другое поле в местности НаштІаб, площадь посева один сах кукурузы. На востоке – Парида, дочь Гъази, на западе – Пашат, дочь Мирзы Гусмана. Другое поле у родника (“индохъ”) с площадью посева два муда. На востоке – Пашат, дочь Магомедали, на западе – Давудил Магома, впереди – Пашат, дочь Могомы. Еще сад на холме Салал, площадь посева пол саха. На востоке – сын ХІажимухІаммы Мужагъид, на западе – Курохманил МухІамад. Впереди и сзади дорога. Здесь одна яблоня, здесь же ток и место для скирд (“ГІарубакІ”). На всех четырех сторонах общественная земля (“харим”). Другое поле на Шишлике размером для посева трех крупных мерок (“къали”). На востоке – Ичуласул ХІасан, на западе – Нурмагомедов Магомед, впереди – МухІамил МолламухІама, сзади – Залму, дочь Хаджи Дауда. Еще поле на Шишилике, площадь посева – одна мерка, на востоке – ХІамидада, сын Муртазали, на западе – Муса, сын МухІама, впереди – Нурмагомед, сын Могома, сзади – МухІамил ГІабдурашид. Другое поле на Шипираге, площадь посева – одна мерка, на востоке – Муса, сын МухІама, на западе – Хаджи-дада, впереди – Муса, сзади – Абдул. Здесь имею также хутор Мерхью-Кули. Сенокос в местности Расабаль. На востоке – поле Патимат, впереди – МухІукІи, сзади – ХІажи-дадал Гитин МахІама. Еще сенокос под Майданом, с этого сенокоса скашивается сено на двадцать ослиных вьюков, на востоке – ГІандияв МухІама, на западе – общественная земля, впереди – Гугъарща, дочь Могомы, сзади Къокъав, сын Али. Поле имеется около коша Хамзы. На востоке – ХІажимухІама, сзади – Рабадан, сын Умара. Еще сенокос имеется в местности Хъондоб. На востоке – Молла МухІама, на западе – Раджабил Зугъра, впереди – ХІажи, сын МухІамы, сзади – ГІали, сын Асильдера. Еще сенокос на Шишилике около пещеры. Там скашивается около 10 ослиных вьюков. На востоке – ГІаша, дочь МухІамы. На западе – ГІузу, дочь МухІамы, сзади – Исмаил, сын Ахмеда, впереди – ХІалисулов, сын Курамагомы. Еще поле в местности ЧІаХІиял Хурзоби площадью посева две мерки. На востоке – Сайпула, сын

Хѐажи, на западе – Гѐашат, дочь Молламуќлачи. Впереди – Рамазан, сын Хѐажимуќумы, сзади – Хѐажи дада. Имеется “чѐабар” (земля. – М.А.) в местности Хѐандилбаќи, на четырех границах харим. Еще пещеру имею на Хѐварате, на четырех границах харим. Еще сенокос в местности Кѐориб, сено дает на 10 ослиных вѐюков. На востоке – Будун, сын Мусы, на западе – Али Ахвай, впереди – Харим, сзади – Ибраќим, сын Кѐурамуќѐамада. Овец тоже имею 100 голов. Все они стоят 65 туманов. В пятничный день в Джума все названия этих муљков были объявлены, а также уточнено количество семян, засеваемое в этих муљках, были уточнены границы, но не обнаружился никто из собравшихся, кто оспаривал бы это. Шаќѐбан 1310 г. хиджры» (Архив М. Нурмаќомедова).

В этом завещании много любопытной информации. Но самое интересное – это обилие женских имен среди владельцев участков земли. Женщины также фигурируют как владельцы сенокосных участков. Это не вдовы – единственно оставшиеся наследницы, как можно бы думать, исходя из римской или европейской юриспруденции. В данном случае это женщины, сохранявшие свое право на владение, будучи замужем, в разводе и т.п. Соответственно назывались земли по имени владелицы. Подобные названия никогда не оставались за полями, если менялся хозяин, со сменой владельца менялось и название поля. За заброшенными или перешедшими в разряд общественных землями оставалось название последнего владельца.

3.14. Еще при жизни родители были обязаны снабдить взрослых детей имуществом, его разделы после смерти родителей были явлением редким и не типичным. В только что приведенном документе характерны слова: «И говорю так: если я заболѐю болезнью смерти, за день до этой моей болезни я делаю назру следующего имущества обеим дочерям». К этому документу не вполне применимо понятие «завещание», потому что он оформлен как дарственная, хотя по сути это завещание. Характерно также, что воля завещателя еще при жизни должна была быть обнародована, что в нашем случае произошло при стечении народа в пятничный день в Джума мечети.

О выделении родителями вступающим в брак детям имущества говорилось выше (3.12). Добавим следующее.

Б. Далгат, чье описание семейного и имущественного строя Дагестана можно считать лучшим, писал: «Родительский дом, все, что осталось, наследовал младший сын, который с ними и проживал. И ему вместе с непосредственными заботами о стареющих

родителях перепадало из имущества больше» (Далгат, 1968: 114). Союз двух старших братьев против младшего, заточение ими младшего брата в пещере и раздел между собой его имущества – сюжет драматической баллады горцев «Кьюруль хутларав Гали» («Али, оставленный в ущелье» Антология дагестанской поэзии. Т. 1.: 32-35). Два старших брата заманивают младшего на ловлю птенцов сокола в пещере недоступной скалы, опускают его на канатах к гнезду и, бросив канаты, оставляют его там. Младший брат взывает: «Братья родные, дай счастья вам бог! Мои пятьсот овец – наследство отца – по пять отсчитаю и вам раздам. Поле у аула – наследство матери – веревкой вам отмерю – не оставляйте здесь!». Но старшие братья неумолимы: «Отцово наследство – пятьсот твоих овец – сами отсчитаем, но оставим тебя. Перед аулом поле – материн надел – мы сами разделим, не поднимем тебя».

Здесь в крайне драматизированном виде подан сюжет, где именно младший брат, подчеркнем это, становится жертвой преступного замысла двух других братьев. А.А. Ахлаков, один из глубоких исследователей этой темы, писал: «И в песне мы видим, что веками хранимое установление нарушено, погран принцип доверия друг к другу, причиной чего является все усиливающаяся идеология, основанная на частной собственности» (Ахлаков, 1981: 76). Показательно также, что младший брат говорит о поле, полученном от матери, т.е. здесь отразилось имущественно-правовое положение женщины в семье.

Прижизненное удовлетворение имущественных прав наследников, характерное для общества, основанного на свободно отчуждаемой частной собственности, отразилось в сюжете повествования о первопоселенцах и разделе Гидатлинских земель между ними, записанного, видимо, в XVII в. и служившего обоснованием права на владение гидатлинцами их территорией. Шамхал разделил между сыновьями землю путем жеребьевки: «Сыновья, у которых мать была жива, благодаря хитрости их матери получили лучшие земли, а именно земли Урада достались ее первому сыну, земли Тидиба – второму и земли Гента – третьему» (Гидатлинские адаты, 1957: 7).

Таким образом, в Нагорном Дагестане мусульманское право наследования сочлось с исторически сложившимися местными правовыми нормами. Прижизненное обеспечение было основной формой реализации наследственно-имущественных прав женщин – и к этим формам шариат вряд ли что добавил, за исключением урезания прав женщин на долю наследства. Имущественное положение

ние горской женщины в семье, несколько отличное и более прочное, чем обычно на патриархальном Востоке, было прежде всего связано с исключительно большой ролью женщины в сельскохозяйственном производстве. Женщину М.М. Ковалевский назвал «преимущественной рабочей силой» в горском обществе. Достаточно сказать, что все работы, за исключением пахоты в полеводстве, ложились на ее плечи, не говоря о домашнем уходе за скотом, переработке молочных продуктов, заготовке всех видов пищевой продукции, ежедневном приготовлении пищи и т.д. Вместе с тем женщина была лишена права участвовать в управлении и не имела права голоса на народных собраниях, куда она попросту не допускалась.

В том случае, если новообразовавшаяся семья не могла быть обеспечена землей из земельной собственности родителей, джамаат приходил на помощь: из особых фондов молодым дарилась земля (Полевые материалы разных лет, собранные автором в сел. Муни, Ботлих, Игали, Алмак и др.). Андийцы молодому женатому человеку как воину выделяли лошадь из табуна (если он не получил ее от отца), который общество содержало специально как общественный фонд для подобных целей (Информатор Алмурза из сел. Анди (90 лет), запись 1960 г.).

Община резко вторгалась и регулировала семейные дела. Практически во всех обществах специальными пунктами адаты запрещали убийство жены за супружескую неверность, если любовники не были застигнуты на месте. В своде решений Цекобского сельского общества говорится: «Если муж застанет жену и убьет их обоих, то кровь их пропадает, дият за них не взыскивается... Если же любовник остался живым, то он считается кровным врагом до убийства или до примирения с ним. А если жена осталась живой после убийства любовника, то убийца является кровным врагом, изгоняется из селения до тех пор, пока не убьет жену. С него ни дият, ни штраф не взимаются, пока он не убьет или не простит ее в течение года. По истечении года с нее взимается штраф» (Памятники, 1965: 93-94). Община, допуская такую расправу со стороны мужа, строго требовала, чтобы эта мера в равной мере применялась по отношению к обоим лицам. Адат оставляет без последствий убийство прелюбодеев, но по самым высшим мерам требует наказания при нарушении двух условий: вина должна быть доказанной самоочевидностью, а не следственно; наказаны могут быть только обе стороны (второе вытекает из первого). Прощая кровь убийце лишь при соблюдении этих условий, община властно

вторгалась в дела, ранее, быть может, находившиеся в компетенции семьи и тухума.

Осуждение общественным мнением (а по адату и преследование) расправы по доносу и подозрению послужило сюжетом баллады «МугГрул ГПали» («Горец Али»), популярной среди аварцев, даргинцев и лакцев. Оклеветана молодая жена Али, который находится в горах со скотом. Али доносят, что его жена раздарила своим любовникам украшения, подаренные им новобрачной. Прибыв в дом и не обнаружив украшений на жене, Али убивает ее, но узнает от умирающей, что украшения его спрятаны: «Жемчуг и яхонт, что на моей голове, не посмела носить, где нет тебя, и, чтоб не поблекли, положила в сундук». В отчаянии, кляня себя, Али ударами кинжала кончает и с собой. Баллада (она была переведена на русский язык и издана еще Шифнером под названием «Али и Айша» (Schiefner, 1873) со столь трагической развязкой была очень популярна среди населения.

Семья в общине считалась также единицей при распределении из общинных фондов любых доходов, включая арендные доходы с пастбищ или вакуфного имущества, благотворительные пожертвования. В последних двух случаях учитывались все семьи без исключения, тогда как семьи из зависимых сословий лишались доходов от общественных земель. В отдельных случаях, как это имело место в Каратинском обществе, лишь мужская часть семьи имела право на долю при жеребьевке во время ежегодного передела общественных сенокосов (записано нами). Имеются и архивные подтверждения такого порядка. В показаниях «чанков сс. Тилитль, Гонода, Ругуджа и др. об истреблении Шамилем их предков» говорится, что «в настоящее время мы (тилитлинцы, ругуджинцы и др. – М.А.) передаем имение детям по шариату, так было и в старину, только женщины не имеют доли в пастбищных землях» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века, 1959: 708). Этот документ указывает на определенную распространенность и традиционность лишения женщин доли в общественных землях в начале XVIII–XIX в. Однако наиболее распространенными были переделы не по числу лиц мужского пола в общине, а посемейные.

Семья являлась своего рода «молекулой» общины, была тесно связана со всем ее организмом. Воспроизводство общины зависело от условий функционирования семейной ячейки не только в биологическом, но и в социальном понимании функции семьи. Как первоначальному брачному выбору (сословное и клановое «пере-

издание» общины), так и как охране экономических и общественных прав и обязанностей семьи, воспитанию детей община придавала не меньшее значение, чем сама семья. Община всячески помогала и оказывала поддержку разорвавшимся и пауперизировавшимся семьям, в чем проявлялась консервирующая роль общины, обеспечивавшей таким путем «самозащиту» и свое воспроизводство.

3.15. *Тухум*. Впервые структуру джамаата как состоящего из тухумов показал в краткой и точной характеристике джаробелоканских аварцев И. О. Константинов в середине XIX в. Он писал, что джамааты разделялись на тухумы, фамилии, каждая из них заключала в себе «не только всех близких и дальних родственников, но даже и тех, которые, вышедшие из дальних мест, присоединившись к оной, приняли ее название и поселились на принадлежавшем ей участке земли» (Константинов, 1846: 8). Эта четкая и полностью отвечающая действительному положению вещей, хотя и краткая, характеристика лежит, пожалуй, в самом начале последующей, уже искаженной, историографической картины тухумов. Единственное, чего не достает данному определению тухума, – это "то, что «близкие и дальние родственники» должны были происходить только по отцовской линии". Тухум был строго патрилинейным, или агнатным, по М.М. Ковалевскому, если иметь в виду родственное ядро, по гетерогенным в целом, поскольку в число членов тухума могли входить даже те, «которые, вышедшие из дальних мест, присоединились» к нему.

Относительно социальной природы и происхождения тухума в научной литературе сформировались разноречивые мнения. М. М. Ковалевский, впервые наиболее пристально рассмотревший тухум как общественный инструмент, исходил из посылки, что дагестанский тухум – это живой род в классическом его понимании, и для наглядности сопоставлял его с ирокезским родом (Ковалевский, 1890: 140; Ковалевский, 1905: 170). Советское историческое кавказоведение преодолело эту крайнюю архаизацию тухума, отказавшись от взглядов М. М. Ковалевского (Косвен, 1951).

По мнению Р.М. Магомедова, тухум в своем первоначальном виде – большая патриархальная семья или семейная община, результаты распада которой были зафиксированы учеными в XIX в. (Магомедов, 1957: 51) Х.-М. О. Хашаев считал тухум пережитком патриархального рода (Хашаев, 1956: 42-78; Гаджиева, 1958). Характерными чертами тухума он считал отсутствие экономического и политического равенства между отдельными его членами, реше-

ние дел членов тухума не тухумной организацией, а сельским управлением, наличие в тухуме эндогамии. Наконец, нужно отметить точку зрения М.О. Косвена, который видел в тухуме патронимию (Косвен, 1961: 34). Таким образом, несмотря на разногласия, все современные исследователи пересмотрели сопоставление дагестанского тухума с родом как таковым М.М. Ковалевского.

«Тухума» (или «тохум») на санскрите, как и в иранском, означает «семья», «деревенская община», это слово («джухум») бытует у народов штата Ассам в Индии (Маретина, 1973). Термин весьма распространен в Дагестане и занесен посредством персидского (Ковалевский, 1890: 146). У аварцев наряду с иранским «тухум» был распространен собственный термин – «кьибил» (буквально «корень»). У других народов Дагестана также сохранялись местные наименования при параллельном употреблении общего термина «тухум». Так, у даргинцев тухум еще именовался «джине», у лакцев – «сака», у лезгин – «сихил», «миресар».

Как правило, оба термина «тухум» и «кьибил» («тлибил») употреблялись для обозначения всего клана, но в некоторых районах Аварии тухумом называли меньшую группировку внутри всего патрилинейного клана, употребляя для обозначения последнего термин «кьибил». Так, «в селении Кахиб джамаат состоит из 5 кьибил: Герегалал, Хюколал, Умаржалал, Царакилал и Гвешагелал. Все эти пять кьибил распадаются на более узкие родственные Группы – тухумы» (Исламмагомедов, 1964: 120; Агаширинова, 1978: 138-139). Известны и обратные примеры. В монографии понятие «тухум» мы употребляем в наиболее широком его значении, как это зафиксировано в источниках и вошло в литературу: с патрилинейным ядром и охватом лиц, принятых в тухум.

Джамаат всегда, как отметил еще И.О. Константинов, состоял из нескольких тухумов. Как правило (но необязательно), число тухумов было четным, на что обращал внимание М.О. Косвен как на реликт дуального архаического деления (Косвен, 1963: 187). Но важнее то, что тухумное деление джамаата являлось его структурным элементом и как таковое поддерживалось джамаатом при постоянном стремлении к возможному уравниванию сил, сосредоточенных в этих подразделениях.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в разных регионах Дагестана в соответствии с типом расселения и образом правления не все родственные группы в джамаате квалифицировались как тухумы, а лишь те, которые имели право на постоянное представительство в совете старейшин и из числа которых

могли бы быть выбраны правители («члухІби») (Памятники, 1965: 47). Освобожденные лаги оставались вне тухума, не имея права организации своего тухума. Бывшие же владельцы сохраняли по отношению к лагским родственным группам отношения патроната. В прошлом в так называемых аристократических «вольных обществах», Джаро-Белоканском или Антратлинском, где правители выбирались только из одних и тех же фамилий, только кланы с таким правом именовались тухумами. Остальные родственные группы, не имевшие доступа к управлению, обозначались как «агьлу».

Во внутригорном Дагестане, характеризовавшемся урбанизированным типом расселения и крупными населенными пунктами, право представительства в управлении имели все узденские кланы, все они именовались тухумами. Там, где усиливалось феодальное правление, роль тухумов резко снижалась и в большинстве случаев они тухумами не назывались. «В раятской Табасарани тухумы не имели никакого значения на общественное управление, там все зависели от бека», – писал поручик Сотников в середине XIX в. в обстоятельной справке о тухумах в Табасарани (Памятники, 1965: 47). Напротив, тухумами назывались феодальные фамилии, в то время как остальные не имели на то права, как это было в Дербенте. Тухум, таким образом, обозначал и *привилегию* на управление, и это было едва ли не самой важной его функцией и (наряду с общественно-правовой) причиной его существования.

3.16. Брачный выбор, вернее, круг, в пределах которого возможен или запрещен брак, является одной из классических тем этнографии. Границы или ареалы брачных отношений являлись выразительным отражением родо-племенных, расовых, кастовых, конфессиональных или этнополитических делений общества. И не только. Сами системы брачных запретов, формируя ареалы популяций (не только в биологическом, но и нередко в этнокультурном плане), являлись важным фактором становления человеческого общества. В литературе (ошибочно) тухум считают эндогамным. На самом деле «эндогамной» была гражданская община – джамаат, за пределы которого девушек замуж не выдавали. Такова была практика, а не установка. Законом каралась дача в качестве приданого землю за девушку, вышедшую за человека из другого общества. Отсюда и традиции не выдавать девушку замуж за чужака, как это было принято и в античном мире. Хотя и было замечено, что «аульная эндогамия» не есть механическое следствие «тухумной эндогамии», а является самостоятельным, независимым кругом брачного выбора, на этой исключительно важной особен-

ности не сосредоточивали внимание по той причине, что «сельская, аульная эндогамия» представлялась естественно вытекающей из того, что меньшие звенья сельской общины – тухумы – считались «эндогамными». Такое не адекватное приложение понятия эндогамии к тухуму заслонило собой от исследователей реальный круг брачного выбора.

Таким образом, тухум в Дагестане в отличие от подобных организаций народов Северного Кавказа (чеченский тайп, осетинский аврида) не был экзогамен. Второе отличие тухума от тайпа или аврида (фамилии второго порядка) (Калоев, 1971: 193) состоит в том, что он несравненно малочисленнее, чем северокавказские роды (фамилии), зато многочисленны сами тухумы. Это является следствием «непрерывности» экзогамной фамилии на Северном Кавказе и «прерывности» тухума в Дагестане. Чеченский и ингушский тайп или осетинский аврида (с меньшей патронимической группой «мыггаг») – это обширная организация, которая может быть дисперсно расселена по всей области обитания народа. Несколько десятков таких фамилий могут составить ядро народности на Северном Кавказе (Яковлев, 1925:41). В Дагестане даже самые обширные тухумы редко были расселены в нескольких селах, они прерывались общинной организацией. От представителя одного тухума легко мог образоваться новый тухум при его переселении в другое место.

3.17. *В преданиях о происхождении тухумов превалирует линия, обычно свойственная генеалогии фамилии.* Например: «Первоначальное место, где стоит село Анди, облюбовали себе братья Уллуби Харчи и Ануш, сыновья одного отца, откуда и есть тухум Херчилал» (Рук. ф. Д. 365). Йолук пришел в местность Гьогьульи и построил там крепость, разрушенную Арсахъ-Темирором, и с этих пор его потомки считаются *Йолукилал* (Агларов, 1967: 4); «двое сыновей Шамхала назывались Гьаджиклу и Хъачи, от них пошли тухумы *Гьаджиклулал* и *Хъачилал*» (Агларов, 1967: 4). В иных случаях предания гласят о переходе в данное селение целого тухума из других селений и мест: тухум *Мирзаханлал* из сел. Кежани пришел в сел. Анди и был там «усыновлен» другим тухумом, *Гьарчиханлал*, после длительной межродовой распри. Основателями тухумов, как и обычных фамилий, как свидетельствуют исторические факты и предания, являлись те или иные конкретные лица – родоначальники.

Имеется массовый материал, согласно которому, когда ранние «тухумные» поселения объединялись в один джамаат, они сохра-

няли в новом селении былое деление на поселения как тухумную организацию. Выразителен в этом отношении Чох, который был основан в результате слияния окрестных сел в один джамаат. Специальное место в ауле было оставлено для поселения гамсутлинцев. Те не слились, но место до сих пор пустое, там никому нельзя строиться (Исламмагомедов, 1964: 114).

Исторические хроники редко содержат подробные материалы о тухумах, как это отразилось в хронике джамаата Чиркей (Рук. ф. Д. 495.), в которой имеется раздел, посвященный описанию тухумов и их подразделений в ауле в первой половине XIX в. Это рассказ о потомках Хизри и Муса. У Хизри (основателя Чиркея, выходца из сел. Гента) было трое сыновей: МахIач, Кусав, Алдан – и дочь Ширманай. Муса же имел двух сыновей – Дадагиши и Ибрагима. Это первый очахъ (тюрк. – здесь домохозяйство), который обосновался в селении Чиркей (Чика). «Вторым в Чика прибыл родоначальник очахъа ГIурусилал – УрусIали из Пемелта. Третий – люди очахъа КIудияв Дибера – предки Таймасхана Дибера из сел. Щобокъ (Зубутль, селение по соседству с Чиркеем). Четвертые – ГештIерил тухум (Пашильта – сел. Ашильта), основанный двумя братьями: МухIамали, сыном ИскТакъа, и КIудияв ЯхIя, прибывшими из селения Ашильта. Пятый предок очахъа тухума Пирасулала Берав – выходец из города Гъумика, из авала (квартала) Урхъали (Урхъали – квартал Табахлу в Кумухе). Он беглый лаг, который сначала обосновался в сел. Шодрода, затем в Хъаргаби и, наконец, обосновался в Чика у Дабги ХIасана. Шестой предок очахъа Падарал Демилав – выходец из маленького селения Мадина-тала, что около Эrpели. В Мадина-тала он пришел из Курала (Куралал – Лезгистан). Так стало в Чика шесть тухумов. С того времени людей, которые приходили в Чика, приписывали (буквально «записывали») к этим названным выше домам (тухумам).

Это пояснение о потомках (наслу) Хизри и Муса – основателях Чиркея. Род («наслу») Раджабиловых и Батырхановых – потомки («кьинльи») МахIача, сына Хизри. Ибрагьими-лазул ГIалилал – это потомки («агьлу») Куцав. Алдама род («наслу») это Балайсутал и Маххулав. От дочери (Шамалай) нет наследства. (Затем следует обширный список всех чиркеевских фамилий с указанием мест, откуда они вышли, и сословной принадлежности, который мы опускаем.) «Люди, которые пришли к Хизри и к Муса, когда их стало много, для удобства в делах и порядка были разделены на шесть частей. Из каждой части сделали тухумы. Время это

неизвестно. Первый тухум ПарахIатилал, второй тухум Борабазул, третий тухум ДжамалIалилал, четвертый тухум Падарал, пятый тухум Гешдерил, шестой тухум ДабгъаIасанил, или Бераласул. Затем в Чика существовал адат, по которому кто бы ни приехал в Чика на место жительства, он становился членом тухума, у которого он остановился. Впоследствии, когда увеличилось село, его разделили на авалы: БугъараIал авал, KIKIалахъ авал, Чагъар авал».

Чиркеевский источник рисует структуру тухума по обычной модели: отцовские линии и принадлежность по этим линиям всех членов общества (джамаата) к тому или иному тухуму. Тухум, в свою очередь, по данному источнику, делился на очахъи и более мелкие подразделения. Источник различает категории населения, прибывшие в Чиркей из различных мест и приписавшиеся к тому или иному тухуму. Часто в источнике по отношению к последним группировкам употребляется слово «къинлъи» (буквально «родившиеся»). Редко употребляемая в языке форма «къинлъи» также имеет в виду определенный социум. В отношении отдельных «къинлъи» в источнике используется термин «чагъарал», сложившийся, вероятно, под влиянием кумыкского «чагары» (зависимые крестьяне) (Гаджиева, 1961: 113), «чагарским» назван и один из кварталов Чиркея. Ни один из тухумов или его подразделений не назван лагским, но употреблено слово «лагътархъан», что мы переводим как вольноотпущенник.

Таким образом, чиркеевские тухумы делились на очахъи. Ко всем очахъам были «приписаны» пришельцы из самых различных мест, среди них были «лагътархъаны», «чагары». Из «пришельцев» были созданы еще шесть тухумов, названия которых не совпадают с теми, которые образовались при обосновании Чиркея, за исключением двух (Гешдерил и Падарал). Учреждение новых тухумов в Чиркее объясняется тем, что это сделано для удобства управления – частая формулировка местных источников и распространенное истолкование. Схематически структуру чиркеевского тухума можно представить себе в виде грозди, где каждая горошина – подразделение тухума, очахъ. Двенадцать таких гроздей, которые отягощены большим числом приписанных к ним фамилий из различных районов Дагестана (в том числе лезгинских, лакских и даргинских), составляли Чиркеевский джамаат.

В Гагатле два известных тухума – *ГъаджикIулал* и *Хъачилал* – произошли, как гласит предание, от одного предка Шамхала. Двое сыновей Шамхала – ГъаджикIу и Хъачи стали основателями этих

тухумов. Тухумы разделились на «агылу» или «гьякью» (буквально «дом») ²⁰. Оба тухума имели своих рабов и зависимых. Другие тухумы в Гагатле, андийцы, включая самые древние из них Бичлоннал (от «мичли» + «гьоннал», что значит «малосельцы») и Елукилал, возводящий род к феодальной фамилии Елуку (Улук), не имели своих зависимых. Правда, семьи, разбогатевшие на купеческой торговле в XIX в., такие, как Хадисилал (из тухума Елукилал), имели многочисленных батраков, платных торговых агентов и др.

3.18. Характерно, что тухумы в Гагатле, как и в Чиркее и по всему Дагестану, делились на меньшие подразделения, своего рода патронимии или фамилии, тесно связанные между собой сознанием общности происхождения и объединявшиеся в единую организацию при решении общественных дел. У андийских народов, например у багулал, организация типа тухума носила название «гъей» (Агларов, 1967: 14), ее меньшее подразделение (то, что у аварцев называлось «рукъ», у андийцев – «гьякью» или «агылу») – «суцлер». Эти подразделения тухума, своего рода субкланы, соответствуют принятому патронимическому делению, за исключением того, что здесь, как и в тухуме, не было общего владения, производства, тем более потребления.

Понятием «патронимия» М.О. Косвен вычленил фактически универсальную форму, которую, согласно А. И. Робакидзе, нельзя считать подразделением рода и которая на Кавказе живо функционировала в условиях отсутствия государственной власти (Робакидзе, год патронимия: 11, 13). Социумы, являвшиеся подразделениями тухума, или тухумы, если они сами являлись подразделениями тлибила (мы отмечали, что тухум – термин скользящий, им определяют то основную, то дочерние родственные группировки), участвовали в управлении самым непосредственным образом. В крупных общинах именно эта малая организация выдвигала из своей среды постоянного представителя в совет старейшин. В городской общине Ахты было сорок тухумов, каждый из которых выдвигал в управление Ахты и всем «вольным обществом» Ахты-пара сорок аксакалов (Памятники, 1965: 26). Ясно, что сорок тухумов – это части нескольких влиятельных ахтынских родов. Такое общественно-политическое «звучание» делало рассматриваемые социумы составным и неизбежным элементом общинной организации, и теоретически мы не исключаем, что эти «субкланы», как и

²⁰ Информация получена в 1959 г. от ученого-арабиста Джамала Мамадашева, старейшего жителя сел. Гагатль.

тухумы (в широком смысле), являлись порождением самоуправляемой общины. Исследование родословных показало, что «цо рукъальул гадамал» не следствие распада больших семей (как можно бы заключить из самого названия «люди одного дома»), в их основе в Нагорном Дагестане лежат малые семьи, вокруг которых складывались социумы, происходившие из одной малой семьи, а не бывшие следствием сегментации большой семьи (последнее не имело места, поскольку в Нагорном Дагестане господствовал малосемейный строй). Происхождение от одной семьи или дома, а не сегментация, отразилось и в названии «люди одного дома», семантику которого исследователи вывели слишком фигурально. Очевидно, что «люди одного дома» – это люди, не обязательно жившие в одном доме как большая семья, но непременно имевшие общего предка, чей «дом» и подразумевался (Агларов, 1984: 19-20).

Тухум, таким образом, состоял из «ядра» – гомогенного и строго патрилинейного по родству, которое, в свою очередь, состояло из суммы более мелких делений, основанных на том же принципе. Вокруг этого ядра были сконцентрированы лица самого различного социального положения и происхождения. 1. Тухум принимал в свой состав другой тухум, происходивший из соседнего общества, они объединялись в один тухум. Происходило своего рода «коллективное усыновление». Так, андийским тухумом Гъарчиханлал был усыновлен кежанинский тухум Мирзаханлал после маслаатского решения и заключения мира между ними. Как гласит предание, произошло переселение Мирзаханлал из сел. Кежани в сел. Анди и присоединение к тухуму Гъарчиханлал. 2. Те или иные лица присоединялись к тому или иному тухуму добровольно в поисках защиты от преследований кровников. 3. В тухум включались выходцы из различных мест, прибывшие на новое местожительство (если общества были «открытыми»²¹, как Чиркей или Согратль): «В Чиркее установился адат, по которому лицо, прибывшее в Чиркей, становится членом того тухума, к которому он приехал» (Рук. ф. Д. 469). Все жители в джамаате должны были находиться или в составе, или под покровительством определенного тухума. Правда, священники, учащиеся, наемные пастухи и чабаны, постоянные и сезонные работники, беглые канлы и прочие живущие временно в ауле и не являвшиеся членами джамаата, т. е. не

²¹ Отдельные джамааты, располагая большими территориями, в целях увеличения своего людского состава разрешали вселяться чужакам.

получившие гражданства, находились под его покровительством. 4. В тухум зачислялись бывшие пленные или купленные рабы после их освобождения и уравнения в хозяйственных, имущественных и семейных правах. (Политически, а иногда и в дележе покосов и пастбищ как лишенные совладельческих прав на общественную землю и территорию лаги не допускались к управлению, кроме как на должность «гIел» (исполнитель), что, однако, не было правилом для всех общин.) Такова была оболочка основного ядра тухума.

3.19. *В разделе, посвященном аграрным отношениям, мы рассмотрели характер собственности в тухуме.* Отмечаемая иногда исследователями коллективная тухумная собственность на пастбища, хутора (изредка у высокогорных аварцев и дидойцев) (Магомедов, 1981: 32), мельницы, коры (печи для выпечки хлеба), хозяйственные постройки или молотильные токи не была ни показательной, ни что особенно важно, цементирующей тухумную организацию формой собственности²² (Исламмагомедов, 1964: 118). Как это на первый взгляд ни парадоксально, тухум в общественном и социальном отношениях строился не на общественной, а на раздельной посемейной форме собственности (так же, как и вся община), выступая как гарант этой частной собственности. В этом смысле ни ток, ни печь, ни кор, ни какое-либо тухумное пахотное поле – объекты общей тухумной собственности не цементировали тухум (экономическая роль этих объектов в тухуме была ничтожной). Частная собственность была доминирующей формой, единственной основой существования семей в тухуме. Большинство тухумов Нагорного Дагестана вообще не имело никакой общей собственности, что не мешало им быть едиными организациями и сильными кланами, выполнявшими определенные функции. Тухум являлся не только, как полагают, пережитком патриархальных отношений, унаследованных от ранней формации (это его генетическая сторона), но и активно функционировавшей социальной организацией, социально-политическим делением общины. Количество членов тухума определяло его силу на народных собраниях (голоса), во время войны, в делах кровомщения, соприяги и других гражданских и уголовных процедурах, а также величину материальной помощи во время взимания дията за убийство, размеры

²² А.И. Исламмагомедов вообще (и не без основания) отрицает тухумную собственность на отдельные участки, покосы, гумна, мельницы. Он пишет, что любой из совладельцев коллективной собственности мог продать свою долю другому сельчанину.

которого бывали не под силу не только одной семье, но даже целой их группе.

В адатах встречается право предпочтительной покупки, известное еще классическому римскому обществу. В постановлениях Келебского союза сельских общин зафиксировано: «Если кто-нибудь предложит своему близкому родственнику купить у него пахотный участок и сад, а тот не захочет купить, участок будет продан постороннему человеку, и если после всего этого тот родственник заявит, что не знал о продаже участка, он должен подтвердить свое заявление присягой вместе с 7 соприсягателями. Если он подтвердит, то пахотный участок и сад продаются ему за ту цену, за которые они были проданы постороннему человеку» (Памятники, 1965: 76). Право предпочтительной покупки существовало повсеместно, но декларация этого нрава в Келебе исходит из силы системы общинного управления в делах тухума в Келебе. Обычно право предпочтительной покупки осуществлялось свободно среди одотухумцев. Установление соприсягателей (7 человек) говорит о тяжбах по этому поводу, а продажа родичу после тяжбы участка за ту же цену, что и постороннему, свидетельствует, что родным и близким пахотные участки уступали много дешевле, чем посторонним. Этот факт немаловажен, здесь можно видеть различные тенденции, в том числе конкуренцию общины за свободное обращение внутри нее объектов отчуждения. Х.-М. О. Хашаев, комментируя это постановление, писал, что «во многих селениях существовали обычаи, обязывающие тех, кто хочет продать свой дом, пахотный участок, сад и сенокосы, обратиться сначала с предложением к своим родственникам и соседям. По нашему мнению, это объясняется тем, что еще были живучи кровнородственные связи... и сохранились пережитки родовой собственности, которые в известной мере ограничивали частную собственность на дом и земли» (Памятники, 1965: 76). На основании этого ограничения Ш.М. Ахмедов вообще отрицал частную собственность на землю, полагая, что ограничение права распоряжения – свидетельство того, что не отдельный владелец земли является субъектом собственности, а тот, кто ограничивал, т.е. в данном случае тухум, а в целом община (Ахмедов, 1974: 75-76).

Здесь смешаны понятия причинно-следственного порядка, ведь любые юридические ограничения связаны с наличной практикой. А практика была такова, что как в пределах тухума, так и в пределах общины (союзов общин) недвижимость, в том числе земельные владения, продавалась, покупалась, передавалась по

наследству, в качестве приданого отчуждалась в пользу дочери, отчуждалась женатым сыновьям, дарилась в качестве вакуфа, арендовалась, закладывалась, давалась в долг и т.д., т.е. подлежала всем известным операциям, допустимым только по отношению к частной собственности. На этом фоне вырастают тухумные и общинные ограничения на отчуждение за пределы этих организаций, но как борьба за фонды и экономическую основу существования этих организаций, а не как инерция неизжитых прав верховной собственности. Тухуму эти ограничения удавались только в виде предпочтительного права купли в своей среде, не более, а общине – до фактического запрета (завышение композиций до невыполнимого уровня) (3.5).

Но тухум прибегал и ко многим другим формам борьбы за «землю в своей среде», что означало борьбу за богатство и, что важнее, за количественный состав тухума. Могущество тухума прежде всего определялось его многолюдностью. С этой точки зрения нужно расценивать и практику предпочтения, которое отдавалось внутритухумным бракам, хотя и число таковых практически всегда было меньшим, чем межтухумных. Однако о тухуме как о круге предпочтительной покупки мы говорим лишь в качестве комментария к традиции, в приведенном постановлении о тухуме нет и речи, там говорится о ближайших родственниках, на которых право предпочтительной покупки распространяется и в современном праве.

3.20. *Тухумы переживали тяжелые периоды распрей, которые вспыхивали время от времени.* В сел. Цибилла (андийское селение), состоявшем из двух тухумов, после одной распри остались в живых только четыре человека. Р. М. Магомедов приводит подробности этой драмы. По его записям, в праздник Курбан-байрама лет полтора назад молодежь вышла для состязания: в стрельбе в цель. После нескольких выстрелов завязался спор, перешедший в драку. В драке случайно был убит один из юношей. Родственники его сейчас же бросились на убийцу. Завязалась общая свалка двух тухумов. Когда весть об этом дошла до селения, взялись за оружие старики и женщины, началось, поголовное побоище. Резня продолжалась несколько дней (Магомедов, 1969: 149).

Общины предписывали не оказывать помощи ни одному из тухумов отдельно во время драк или вооруженного столкновения. «Цекобы, – говорится в одном из постановлений, – договорились, не допускать, чтоб два тухума напали на один тухум» (Памятники,

1965: 99). Приведем еще одно установление, создающее баланс между тухумами в интересах общины: «Если из трех тухумов, имеющих в Цекобском сельском обществе, один не подчиняется порядкам и отколется, то с этого тухума взыскивается бык в пользу двух других тухумов, придерживающихся принятых порядков» (Памятники, 1965: 98). В этом параграфе отразилось обычное единодушие внутри тухума в решении вопросов и утверждается право большинства.

Иногда, но редко тухумы выступали как коллективный ответчик за поступки своих членов: «Если кто-либо из трех тухумов учинит донос на людей нашего сельского общества в пользу заинтересованных лиц другого селения, в частности сообщит о выезде кого-либо, о выезде из общества для взыскания штрафного имущества или сообщит сведения, которые могут послужить причиной убийства, то с тухума, коему принадлежит доносчик, взыскивается штраф – такие же два быка, какие взыскиваются за пролитие крови. Если подозреваемый в доносе не признается и заявит, что он выезжал не для доноса, а по своим делам, тогда ему назначается очистительная присяга с двумя соприсягателями из его тухума по выбору старейшины селения» (Памятники, 1965: 99).

3.21. Тухумы, согласно историко-фольклорным материалам, выступали как боевые единицы во время ополчений. Тухумы Дайитилал и Угузилал из Хунзаха покрыли себя славой в освободительной борьбе народа против нашествия Надир-шаха на Дагестан в 1747 г. Интересно описание сборов этого тухума на битву:

Как только узнали о беде из письма,
Хунзахские Дайитилал готовятся в путь,
Взяв ружья в чехлах из волчьих шкур,
Взяв кремневки, – и птице выбьют они глаз,
В кольчугах железных, и одеты в сукно.
Так снарядившись вышли они в путь.

В диалоге пленного казикумухского хана Сурхая и Надир-шаха, приведенном в песне, Надир-шах, видя доблесть вновь подошедшего отряда, спрашивает у Сурхая:

– Долгой тебе жизни безрукий Сурхай,
Чей сын вон тот – скачет на черном коне?
Радостной тебе жизни безрукий Сурхай,
Из чьих краев отряд, что подошел?

– Хунзахские Дайитилал – подошедший отряд –
Дымом ружей своих сожгли они весь свет –
Разве ты не слышал про лучших храбрецов?
На черном коне сын же Муртазали мой

(Героические песни, 1971:186).

Но тухум как подразделение выступал только в общевойсковых ополчениях. Обычно же набирались добровольцы, такие отряды («кьапила») разбивались на «десятки» и «сотни». Впрочем, в начале XIX в. с началом мюридизма на Кавказе тухумный принцип не соблюдался, в общественном плане войско было организовано согласно низаму (законодательству Шамиля).

3.22. *Через круговую поруку тухум имел исполнительные функции.* Исполнительная функция тухума – не исследованный, но очень важный аспект социально-общественной роли тухума в общине. Исполнение, принуждение к исполнению постановлений, вынесенных тухумом и обществом, принуждение своих членов к соблюдению освященных тысячелетиями хозяйственных, общественных и нравственных основ жизни общества являлись ведущей функцией тухума в общине. Вероятно, этим можно объяснить упрощенность внутриобщинного аппарата принуждения и наказания. Такая функция, возможно, являлась наилучшим щитом против уничтожения тухума общиной, или эта функция даже была причиной деления джамаата на тухумы.

Тех, кого тухум считал недостойным своей среды, или тех, кто совершал особо тяжкие преступления против общества и нравственности, тухум изгонял. Иногда это имело место с соблюдением определенной процедуры: акт оглашения решения тухума об изгнании его члена должен был происходить в общественном месте (Памятники, 1965: 35). Наблюдатели отмечали, что «от тухума отделяются более за распутную жизнь, чем за воровство и убийство, что не считается бесчестным» (Памятники, 1965: 35). Тут нужно пояснить: воровство или убийство не считались бесчестными, если они были совершены по отношению противников в виде кровной мести, в защиту имущества, чести, в столкновениях за оскорбление словом или действием. Но эти действия, не будучи «бесчестными», подлежали полной уголовной ответственности по адату и обычным нормативам (кровная месть), как и по шарияту.

Отец безнаказанно мог распорядиться жизнью и смертью членов своей семьи²³ Но убийство сыном отца или матери являлось неслыханным бесчестьем, преследовалось так же, как и убийство женщины, не уличенной в преступлении против нравственности, т.е. убийство женщины, особенно беременной, по любому другому мотиву. Сюда же относятся многие другие святотатственные преступления, за совершение которых на Кавказе подвергали жестокому остракизму, а у отдельных народов предавали вечному позору и проклятию, сложив карлаг²⁴ (Саидов, 1964: 126-128).

В число бесчестных и особо тяжких поступков входило нарушение неприкосновенности лиц, находившихся под защитой общины: гостей, путников, кровников («канлы»)²⁵, искавших и получивших защиту у общины, священников, суфиев, пастухов или других наемных работников, временно обосновавшихся в ауле ремесленников. Имелись даже специальные постановления по союзам обществ (а не только по одному аулу), оберегавшие кровников, нашедших защиту у общества. «Если кто-нибудь из нашего общества подстрекал на убийство канлы, то с подстрекателя взыскивается штраф в размере котла, – говорится в постановлении Гидатлинского союза. – Если же совершилось убийство благодаря даче сведений о кровнике, то с подстрекателя полагается выкуп (дият) либо к нему применяется кровная месть» (Гидатлинские адаты, 1957: 27). Последняя часть, о наказаний доносчика и подстрекателя, в результате действий которого совершилось убийство канлы, особенно примечательна. Доносчик сам приравнивается к убийце, к нему применяются адекватные меры: дият или кровомщение — настолько велика цена нарушения иммунитета лица, находящегося под кровительством общины и на ее территории (3.9).

Таким образом, любое убийство, а в некоторых случаях даже подстрекательство к убийству было уголовно наказуемо, за исключением особо оговоренных в кодексах. Защита общиной лиц

²³ Это право главы семьи на жизнь и смерть ее членов – одно из известных положений римского частного права, о котором Ф. Энгельс писал, что оно являлось «классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует частная собственность...»

²⁴ *Карлаг* – куча камней, куда каждый прохожий должен был бросить камень со словами проклятия преступнику, притом бросающий камень мог и не знать и, как правило, не знал, по какому случаю и когда сложен карлаг. В Чечено-Ингушетии и сейчас можно найти карлаги – вечные символы проклятия и остракизма.

²⁵ *Канлы* – человек, изгнанный на срок из своего селения за совершенное им или его ближайшим родичем убийство или нанесенное ранение.

ищущих ее покровительства, была неукоснительной; способность общины к такой защите рассматривалась как проявление силы общины, являлась ее гордостью. «У нас не выдавали кровника, кто бы его ни требовал» – таково обычное указание на достоинство и мощь и не только общины, дело это, как видно из приведенных гидатлинских постановлений, находилось в ведении всей федерации. Искавшие защиты нередко становились гражданами укрывшего их общества, полностью принимая все законы и обычаи этого общества. В Анди можно найти фамилии выходцев из Цудахарского и Акушинского обществ, а в Гидатле, Акуше, Цудахаре – андийские фамилии и т.д. Позднее, во второй половине XIX в., эти каналы были использованы русскими властями, которые боролись против кровной мести, как своеобразная «ссылка», учитывая прежде всего их надежность, ибо месть могла настигнуть убийцу даже в тюрьме, но трудно было ее осуществить в отношении находившегося под покровительством общины.

3.23. *Важной, если не важнейшей функцией было осуществление членами, силами и средствами тухума кровной мести – вендетты, тянувшейся в отдельных случаях столетиями и уносившей десятки, сотни жизней. Мечь как таковую община в постановлениях не декларировала, убийство требовалось оплачивать диятом, «ценой крови», но практика была такова, что убийство преследовалось прежде всего убийством. И носителями кары должны были выступать члены тухума по мужской линии, начиная с ближайших родственников: брат за брата, сын за отца, отец за сына и т.д. «Если кровник будет убит двоюродным братом убитого или наследником, хотя бы самым отдаленным, то за это ответственность никто не несет» (Гидатлинские адаты, 1957: 15). Указание на самого отдаленного наследника не что иное, как указание на родственника любого колена в пределах тухума и по отцовской линии. У аварцев сложена баллада даже о героической сестре, поехавшей в далекую Хевсуретию для осуществления кровной мести (Героические песни и баллады аварцев: 113).*

Кровная месть, согласно неписаным правилам, считалась долгом, а по писаным заменялась выкупом (диятом). В выплате дията, размеры которого были очень велики, участвовал также весь тухум. В определенных обществах существовали правила, по которым кровомщение не должно было перейти за восьмое колено прямого кровного (патрилинейного) родства (сел. Кубачи), в других не было таких правил. О роли тухумов в этой сфере красноречиво сказал один из моих информаторов в Анди: «О тухумах во»

обще люди не вспоминали, и они никакой роли не играли, все делалось по соседству и авалам (кварталам), но как только случались распри и убийства, то сразу вспоминали, кто кому кем приходится, какого тот тухума, чтобы поддержать своих людей. О тухумах вспоминали также при заключении браков».

Община делилась на тухумы, они были ее живыми клетками, она упорядочивала межтухумные отношения, выступала как арбитр, примиряла стороны в случае кровной мести, что являлось важнейшей из внутрисоциальных функций общины. Важным достижением общин и их союзов была борьба против вендетты постановлениями уголовного характера. Примирение кровников происходило с соблюдением определенных церемоний, публично, сопровождалось последующими религиозными ритуалами и обязательным рукопожатием сторон. Просящие прощения представляли с закрытым лицом. По получении прощения присутствующие требовали открытия лица и рукопожатия, на чем заканчивалась официальная часть церемонии. В заключение в некоторых обществах было обязательно кормление родственников убитого. После примирения кровники назывались «братья крови». Кровная месть канонизированная в священных писаниях (библейское «око за око»), – преодоленная государственностью во многих странах, на Кавказе, особенно на Северном, была изжита только при Советской власти. Рецидивы встречаются в наше время.

3.24. Тухумная организация как общественно-социальная единица носила определенные социальные и «коллективно-гражданские» функции, что отразилось также в соприсяжничестве. Множество постановлений по уголовным и гражданским делам требовало, чтобы в качестве соприсягателей выступали члены тухума того, кто очищал себя от обвинения, или того, кто его предъявлял. Примеров тому множество: «Если родственники убитых (прелюбодеев) заявят, что они убиты безвинно, то следует им предложить, чтобы они присягой 15 сородичей подтвердили свое заявление» (Памятники, 1965: 94). Вот образец любопытного распределения ролей соприсягателей, если речь идет об антиобщественном (а не частном) уголовном преступлении: «По делу о поджоге охраняемого общественного выгона – 15 соприсягателей (по 5 человек от каждого из трех тухумов)», но: «По делу о поджоге мулька 15 соприсягателей из рода обвиняемого» (Памятники, 1965: 95).

В уголовном и гражданском праве тухум фигурировал и как организация, не допускавшая к присяге родственников, что свидетельствует о боязни дачи родственниками ложных показаний. Но

практика юридического быта была такова, что именно родственники и одготухумцы выступали как соприсягатели.

3. 25. *Между собой тухумы различались общественным, социальным положением, делились на ранги по древности или «чистоте» происхождения, заслугам перед общиной, были тухумы, ослабившие себя тем или иным поступком члена или группы членов. Тухумы, происходившие от пришельцев, если те не были беглыми лагами, занимали место, в общем соответствовавшее рангу их рода в местах, откуда они вышли, но не выше тухумов основателей. С другой стороны, выдающиеся заслуги или слава, обретенная в боях, личными достоинствами или поведением, отвечавшим идеалам общества, возвышали «неродовитые» тухумы до уровня первых в обществе. В Анди один из чтимых тухумов, Унсурилал, считался происходящим из сел. Шубут (Чеберлой). Его члены имели репутацию неустрашимых, по родовому преданию, в их среде не мог родиться, а родившись, жить человек, а сердце которого есть «крохотное место для вмещения чувства страха величиной с муравья». Этот тухум «установил в центре аула статую быка²⁶ как символ силы и неустрашимости» (Рук. ф. Д. 365). Соответственно Унсурилал занимал почетное место среди старейших тухумов Анди. Соперничество тухумов по престижу было ориентировано на утверждение вековых, закоснелых ценностей и средневековых добродетелей, в чем прежде всего заключалась тухумная консервативность.*

Социальная градация общества одновременно была тухумной градацией. Х.-М. О. Хашаев писал: «Существовали тухумы бедные и богатые, привилегированные и бесправные» (Хашаев, 1961: 221). В качестве примера он указывал на наблюдения Г.Ф. Чурсина, который писал, что в сел. Тидиб (Гидатль) имелось четыре тухума: Чухби, Гидерилал, Хандилал, Нахадилал (Гарбанилал), что из этих «четырёх тухумов тухум Чухби был владетельным тухумом, а тухум Гидерилал составляли свободные уздени.» (Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 5. Д. 65). Подобное соотношение тухумов, замечал Хашаев, было характерно для большинства дагестанских общин (Хашаев, 1961: 222).

К проблеме тухума мы вернемся еще не раз, но не следует преувеличивать его значение в системе джамаата. Джамаат обуз-

²⁶ Тухумное название созвучно с андийским словом «унсо» – «бык», поэтому сюжет рассказа о «статuae быка» представляется плодом вольной этимологии хрониста.

дывал клановый индивидуализм и кланблизм в управлении. Как отмечал Х.-М. О. Хашаев, «публичная власть в виде сельских общин и специальные карательные органы в виде сельских судов» лишали тухумы единовластия в управлении – это уже было делом джамаата.

3.26. *Тухумы не были строго патриархальными в прямом смысле.* Здесь не существовало деспотической власти главы, главенство в тухуме было более для представительства в джамаате (общинная функция). Эти черты не укрылись от внимательных описаний начала и середины XIX и. «Главою тухума, – отмечал А. Цветков, – не всегда считался старший в роде; в большинстве случаев главенство приобреталось и приобретает богатством, умом и другими качествами. Главенство, кроме почета и уважения со стороны прочих членов тухума, не соединено ни с какими признаваемыми правами, и если в редких случаях личности с сильным характером распоряжались почти деспотически своим тухумом, то в большинстве других случаев за главою тухума признавалось только право подачи совета или наставления, исполнение которых, впрочем, не было обязательно, так что не исполнивший наказывался много-много, что общим неодобрением» (Памятники, 1965: 40). «Право главы тухума на его членов, – указывал Сотников, – более совещательное... Ежели член тухума не послушает, то глава не принимает никаких против него принудительных мер, а оставляет его на произвол. Так было прежде и продолжается до сих пор» (Памятники, 1965: 46). Здесь ничего не искажено, ибо данный вопрос тщательно изучался русской администрацией в функциональных целях.

3.27. *Тухум и его подразделения, которые с определенными оговорками можно отождествлять с патронимией (3.18), – организации, основанные на родстве, но не само родство.* Коль скоро тухум не был эндогамен (3.16) и в большинстве своем браки заключались с представителями других тухумов, то образовывалось родство по линии матери с другими тухумами. У андийцев эти родственники именовались «иларигьур» («ила» – «мать», «ригьур» – «родившиеся»). Вторая структура родственных отношений связывала тухумные организации между собой, прокладывая целую сеть каналов для взаимодействия внутри общины по привычным родственным линиям как в хозяйственных, так и иных вопросах общественного быта. Юридические и политические линии реализовались, как было сказано, по тухумному принципу.

Сама по себе неизбежность брачных связей между родами совершенно очевидна, соответственно при патрилокальном поселении образовывалась соседская, во всяком случае, не родовая, община. Отсюда следует, что родовая община всегда предшествовала соседской, «чтобы быть членом общины, надо было, прежде всего, быть членом определенного рода» (Итс, 1974: 51). Исходя из неизбежности прихода в род брачных путем новых членов, Н.А. Бутинов выделял родовое ядро, противостоящее пришедшим в род по браку (Бутинов, 1968: 71). В советской историографии по этому вопросу существуют два направления, одно из которых полагает примат рода, другое – считает общину началом социальной организаций родового общества, а род – поздним образованием для брачной регуляции. Ю.В. Бромлей синтезирует обе точки зрения, считая, что на первобытном этапе род и община в значительной мере, даже в основном, совпадали (Бромлей, 1981: 184).

Разумеется, дагестанские тухумы и община ни по этапу развития, ни по структуре не сопоставимы ни с родом, ни с первобытным обществом. Здесь, как и по всему Циркумпонтийскому региону, социальное и политическое развитие общества произошло на основе частной собственности и реципроктной формы организации власти, что подняло общину на самодовлеющий, или гражданский, уровень, когда она получила положение верховного органа социально-политического регулирования классового общества. В силу этого проблемы теоретического осмысления начальных форм становления общины и рода имеют прямое отношение к теме. Встает вопрос, как отнестись к тухуму или его меньшим патронимическим подразделениям – как к древнему «атавизму», нашедшему свое место в новом обществе и даже легшему в основу общины, или же тухумы явились порождением более высоких общественных форм, были созданы для внутри-социального регулирования? Материалы свидетельствуют в пользу последнего. Вспомним слова хрониста Чиркеевского общества: «Люди, которые пришли к Хизри и к Муса, когда их стало много, для удобства в делах и порядка были разделены на шесть частей» и из каждой части «сделали тухумы» (3.17). Подобное восприятие социального состояния полиса мы находим у древних греков. «Невозможным окажется создание полиса, – писал Аристотель, полемизируя с Сократом, – без разделения и обособления входящих в его состав элементов – либо при помощи сисситий, либо при помощи фратрий и фил» (Аристотель, 1264 а). Ряд исследователей (Д. Руссель, Ф. Буррио) оспаривают возникновение полиса на основе родовых

связей, полис, согласно их концепции, возник на основе территориальных, а не родовых связей, а сам род (филы и фратрии) представлял собой искусственное образование сравнительно позднего времени. Эта точка зрения учитывает фактическое отсутствие следов родовой организации в текстах Гомера и Гесиода, равно как и в древнейших афинских законах (ВДИ, 1983: 180). Наша аналогия не решает проблему, но существование последней совершенно очевидно, как она существует и для древнейших периодов человеческой истории.

Итак, внешнее отличие тухума от однотипных организаций на Северном Кавказе – это его не экзогамность, «прерываемость» общиной, а также большая соподчиненность тухума общинному административному управлению.

3.28. *Феодальное сословие.* Сословное деление общества (джамаата) было многочастным. Наверху сословной иерархии стояли феодалы: ханы, беки и чанки, но лишь в тех общинах, где таковые имелись. Характер ханской (феодальной) собственности в Горном Дагестане и феодальной власти, как и социальное положение основных сословий, достаточно широко и подробно исследованы, что избавляет нас от их специального освещения (Щербачев, год; Петрушевский, 1934; Тамай, 1935; Юшков, 1938; 1946; Магомедов, 1957; Фадеев, 1958; Османов, 1960; Хашаев, 1961; Удальцова, 1965; Гаджиева, 1961; Лавров, 1966; Шихсаидов, 1969; Алиев, Ахмедов, Умаханов, 1970; Шихсаидов, 1980; История Дагестана. Т. 1, 2 и др.).

Феодальное сословие (беки и чанки) в центральной Аварии окончательно потеряло свои позиции в результате его отстранения, физического истребления или секуляризации земель в пользу джамаата во времена мюридизма. Последующие апелляции их к русским властям о восстановлении в правах и привилегиях остались без последствий. Впрочем, сословно-правовое положение чанков по сравнению с узденями хорошо иллюстрируется свидетельством самих чанков: «Наши предки, чанков Тилитля, Гонода, Ругуджа, переселились из Казикумуха в наши настоящие места жительства, и мы происходили из рода казикумухских ханов. Времени переселения наших предков мы определить не можем: это было давно. Документы наши уничтожили мюриды Шамиля, убив 25 человек наших отцов и родственников... Земли, которыми мы пользуемся, большей частью получили по наследству от отцов и частью приобретены нами покупками в разное время. У нас, тилитлинцев и урибцев, были отобраны Шамилем родовые земли, а у ругуджин-

цев – Гамзат-беком. Но русским начальством по покорении Дагестана возвращены нам, тилитлинцам и ругуджинцам, и урибцам возвратили одну треть, а две третьих остались в руках сельского общества. В настоящее время мы живем в селениях наравне с прочими узденями и во всем на одинаковых правах с ними и имеем одинаковые адаты, кроме следующего: в прежнее время, до Шамиля, при столкновении чанков с узденями уздени отвечали вдвойне, с них взыскивалось вдвое больше штрафа при убийстве, поджоге имущества его и увозе его женщины... Мы, тилитлинцы, слышали от отцов, что земля, на которой построена деревня, и все сельские земли были приобретены предками нашими пустыми и населены ими. В старину, до Шамиля, если после узденя не оставалось наследников мужского пола, то из его имени 8 саб земли брали беки или чанки в свою пользу, а остальное оставляли наследникам, но если было мало земли, не брали» (Показания чанков. : 293). Здесь подчеркнем обоснование чанками своих прав на долю наследства узденей – земли вначале были приобретены пустыми их предками. Но верховными собственниками Тилитлинской земли и всей территории они не являлись, поскольку уздени свободно распоряжались своей частью земель. Эта свобода распоряжения отразилась в том же документе: «У Амир-Али-оглы также есть лес – Мага-ма-Халилиль Рохь, полученный от матери; у его брата два участка леса: один наследственный, а другой куплен у тилитлинского узденя Раджаб-Омар-оглы»; «у Алибека-Али-Булат-оглы есть две части из Каласо-Рохь; у его брата Аша-хана есть купленный участок Каласо-Роха у трех тилитлинских женщин» (Показания чанков. : 294).

В период средневековья (вероятно, в XIV в.) в пору наибольшего могущества Казикумухского шамхальства проникновение в Андалал и соседние с ним общества беков и чанков, вероятно, произошло вследствие насаждения феодального слоя.

Однако эта прослойка не сохранила права верховных владельцев и распорядителей всей земли, перешедшие в руки узденей общества. В Телетле рассказывают предание, согласно которому телетлинцы перебили всех чанков, один из которых чудом спасся и продолжил род в другом селении (Информатор МухАмад Билалов, сел. Телетль, запись 1981 г.).

Из «Показаний чанков» явствует, что в XVIII и начале XIX в. их положение в обществе было привилегированным, а в Телетле чанка даже был правителем аула: «Плату от 12 домов, следовавшую нашему предку, получали мы до появления Шамиля в Да-

гестане, он лишил нас этой платы, которая была: со двора – две сабы джабы, по сабе всяких плодов и с каждого дома приходил рабочий в Телетль на три дня. Это все делалось для старшего бека только, а не для всех; он был управителем селения» (Показания чанков...: 294). «Двенадцать домов», плативших дань и поставлявших рабочих для старшего чанки в Телетле, были голотлинцами, которые, уйдя из родного селения, оставили свою землю. Дома, пользовавшиеся землями, и платили телетлинскому бегавулу. Но в XIX в.. ситуация изменилась: «В настоящее время мы живем в селениях наравне с прочими узденями и во всем на одинаковых правах с ними и имеем одинаковые адаты... Мы вместе с узденями пользуемся наравне с ними пастьбой на джамаатских пастбищах и пользуемся с ними же, где есть, джамаатскими лесами, и общественными угодиями, и водами на одинаковых правах с узденями... Мы, телетлинские и ругуджинские чанки, имеем земель больше узденей, но остальные (чанки) наравне с ними и даже много меньше узденей» (Показания чанков ... : 293- 294)..

Таким образом, из этого ясного и составленного, возможно, с уклоном показать больше свои былые привилегии документа мы видим, что чанки от узденей отличались немногим (двойные штрафы при убийстве чанки), а в отношении собственности – практически ничем.

Более того, беки и чанки в Андалальском обществе были поставлены вне закона. Постановления эти настолько любопытны и категоричны, что истребление чанков во время мюридистского движения, кажется, происходило на вполне подготовленной почве: «Если житель Андалальских аулов во время выхода по тревоге убьет бека, то следует со всего округа («вольного общества». – М. А.) в пользу убийцы ежегодно десять овец и сто мерок зерна. Нельзя было вступать с беками в брак: «Если кто-нибудь выдаст свою родственницу замуж за бека или женится на них, то с него взимается штраф – триста баранов». Нельзя было отчуждать или продать недвижимость лицам бекского происхождения: «Если один из нас передаст беку путем продажи или другой сделки дом или иное недвижимое имущество, то с него взимается штраф – триста баранов, а имущество переходит в распоряжение общества». Нельзя было принимать от беков какую-либо плату за услуги и соответственно оказывать их бекам: «Если один из нас получит у беков лошадь или оружие за услуги, то стоимость полученного им конфискуется в общую пользу». Нельзя было оказывать поддержку бекам во время расследования убийства: «Если один из

нас убьет одного из беков и родственники убитого попросят сведения у одного из нас или у жителей нашего аула и если жители нашего аула или один из них выдаст родственникам убитого эти сведения, то с жителей аула взимается штраф – три быка, а с отдельного человека – один бык». Нельзя было давать бекам какие-либо сведения, чего бы они ни касались: «Если кто доносит бекам, взимается сто баранов». И, наконец, бекам было отказано в святая святых для горцев Кавказа – в пище: «Если один из нас даст ему пищи или одолжит ему что-либо, то с него взимается один бык». В пище не отказывали даже тем, кто был подвергнут остракизму, а чанков лишали и этого права!

Х.-М. О. Хашаев, впервые опубликовавший этот интереснейший документ, писал, что эти постановления – свидетельство ненависти узденей к бекам и чанкам (Хашаев, 1961: 152). Это справедливо, но одной ненавистью нельзя объяснить такую оппозицию. Дело тут не только в ненависти, а в фактическом отделении бекской прослойки от общины. Поставленные вне закона, они, надо полагать, не имели каких-либо гражданских прав (были лишены этих прав), хотя общественными землями, судя по всему, продолжали пользоваться наравне с узденями как земельные собственники, так как собственность считалась священной, неприкосновенной.

Подобные постановления имели место не только внутри отдельных политических образований, по этому поводу принимались своего рода «международные» соглашения. Так, Цудахарское «вольное общество» (даргинцы) заключило с Андалальским «вольным обществом» (сел. Чох) договор, один из пунктов которого гласит: «Если один из жителей обоих селений убил бека, то оба села должны выдать ему двадцать баранов» (Рук. ф. Д. 1669.).

В нашем распоряжении имеется документ о скептическом отношении узденей к праву на владение чанками их земельной собственностью. Он составлен в форме вопросов и ответов. Спрашивают жители Шотода и Цельмеса. Ответ составлен правоведом, подписи нет. Приводим его полный текст: «Вопрос: Один из так называемых чанков жителей сел. Шотода завещал 5 мерок зерна сбора, которые полагается получить в пользу чанков от жителей аула Цельмес с земли КИжилухь. Такой сбор ежегодно чанки получали от жителей селения Цельмес. Шотодинский чанка завещал свой пай (5 мерок зерна) ежегодно в пользу дибира (кадия) селения Шотода как богоугодный поступок. Спрашивают, дозволено ли такое завещание? Ответ: Шафийтские правоведы согласны с тем,

что завещаемые вещи должны принадлежать завещателю до его смерти и быть в его распоряжении. Известное дело, что угнетатели — отпрыски правителя, захватывали силой народные угодья, луга, насильственно занимали собственность людей, захватывали землю, установленную для общего пользования джамаатом. Когда власть имама Шамиля была свергнута, эти так называемые правители выступили и захватили эти земли, которые принадлежали всему обществу. Поэтому известно, что эти незаконно захваченные земли, в том числе земли КИжилухъ, не являются их собственностью, а являются незаконно силой захваченными землями. Следовательно, они (чанки) не имеют право взимать, взыскивать с населения сборы, они не являются достойными быть получателями сборов. Во время правления Шамиля эта земля была частью земли байматулмала (общественной. — М.А.).

Свидетели того, что земельные угодья КИжилухъ были в распоряжении государства Шамиля: 1) наиб Мухаммедамин, он же назначен Шамилем для управления и урегулирования доходов и приходов этой территории; 2) его же жена Фатма; 3) ученый Курамухама, дибир; 4) ученый богоугодник Дибир-дада; 5) Мухаммед б. Газияв; 6) Хаджи Дибир — участник всех походов имама до его сдачи» (Рук. ф. Д. 495.).

Бекское сословие являлось скорее прослойкой с большими правами и привилегиями, чем рядовые уздени, и то только в тех случаях и тех обществах (Телетль), где беки обосновывали свое право собственности на территорию. Считая себя потомками «священных» арабских родов, бекская прослойка претендовала на управление обществом, в этом ее поддерживали шамхалы и ханы, с которыми беки связывали свою родословную. При наличии сильной узденской верхушки и тухумов бекам не удалось выйти из общины и образовать надобщинную управленческую структуру, редкие из них выбирались в правители общин. При освобождении от протектората казикумухского шамхальского дома «вольных обществ», куда это сословие проникало в период централизации государственной власти в Дагестане в лице казикумухских шамхалов и аварского ханского дома, бекская прослойка была поставлена вне закона, в Аварии и у даргинцев она преследовалась, тем более не допускалась к власти.

Своеобразное состояние дагестанской независимой общины выражалось еще в том, что она включала в свою систему и подчинение феодальных фамилий. Такое положение, разумеется, не было повсеместным. В некоторых районах Южного Дагестана бек-

ское сословие управляло и общинами, лишив последние каких-либо прав административной власти. В «райатской Табасарани тухумы не имели никакого значения, там все зависели от бека», — писал Сотников (Памятники, 1965: 47). Но такое сильное «вольное общество», как Ахты-пара, лишало беков каких-либо прав на правление, становилось в оппозицию распространявшемуся из Центрального Дагестана, особенно из Казикумуха, феодальному влиянию. То же относится к Докуз-пара. В Рутуле управление было бекским, но цахуры образовали независимую административную территорию «Горный магал», истребивший своих беков еще в XV в. В Аварии, которую мы здесь рассматривали, бекское сословие было малочисленным и перестало существовать как пословная прослойка во время мюридизма, после поражения которого русские власти оставили без внимания его претензии на сословные привилегии даже в тех немногочисленных аулах, где оно еще сохранилось.

3.29. *Уздени*. Основное население Горного Дагестана было представлено сословием узденей, которое являлось костяком сельской общины. Будучи частными собственниками земли и совладельцами общественных земель, они являлись носителями всех прав и обязанностей по отношению к своему джамаату или союзу джамаатов. По заниженным данным посемейной переписи 1886 г., во всех трех Аварских округах пахотные земли находились в частной собственности, в общинной собственности находилась большая часть земли, но это были пастбища. Х.-М. О. Хашаев писал, что частная собственность на землю не являлась придатком общинной собственности. В частной собственности находились все пахотные, сенокосные и садовые земли, доходы с которых служили источником существования большей части населения, пастбища же служили главным образом для разведения овец (Хашаев, 1961: 155).

Узденское сословие делилось на богатых, средних и бедных; родовую знать и менее родовитых; коренных и пришлых и т.д. Подобное деление было не четким, так как перекрещивалось с тухумным делением, принадлежность к тухуму давала основные права и преимущества в самоуправлении, брачном выборе и т.д. И тем не менее богатые всегда были первыми, а бедные последними: их мнение котирировалось несравненно ниже; «от бедного человека пахнет», гласила пословица. И хотя де-юре все уздени были совладельцами общинных земель, де-факто реализация прав узденя на общие пастбища была совершенно неодинаковой, как неодинаково

было количество скота, которым владели бедные и богатые уздени.

Все уздени обладали равным правом участия и голоса в народном собрании, могли быть избраны в качестве «члухлби» (правителей), по достижению 40–50 лет, если поведение, нравственная и интеллектуальная репутация не вызывали нареканий, могли выдвигаться в состав старейшин. Уздени должны были быть вооружены и в качестве воинов выступать в поход на дальние земли или в защиту своих земель по решению народного собрания. Предводителями ополчений в районах, находившихся в подданстве ханов, выступали ханы (пожалуй, это была одна из важнейших общественно-политических функций феодала, потому что юрисдикция осуществлялась старейшинами или кадиями).

Уздени были не только землевладельцами, но и земледельцами, они участвовали в земледельческих работах (пахота, веяние), в некоторых обществах на дальних сенокосах выкашивали сено, там, где были сады, целиком вели садоводство. Богатые или бедные, родовитые или «худородные» – никто не считал земледельческую, как впрочем, и скотоводческую работу зазорной, если она не «женская», т.е. если соответствовала половозрастному разделению труда. Здесь, как можно думать, отразилось отличие дагестанской общины от восточной, типологическое в последней занятие земледелием считалось непочетным, специализированным, крестьянским. Тип общины, сложившийся в Циркумпонтийском регионе, включая Малую Азию и античный мир, не знал такого предубеждения против занятия земледелием, напротив, оно считалось почетным.

«В древности (античная древность. – М.А.) городское ремесло и торговля считались зазорными занятиями, земледелие же было в большом почете; в средние века наоборот... Древние единодушно почитали земледелие *единственно делом, подобающим для свободного человека*», – писал Нибур, которого цитирует К. Маркс в качестве иллюстрации особого места земледельческих занятий в обществе землевладельцев при античной форме собственности (Маркс, Энгельс, год: 468). И действительно, это одно из существенных отличий «гражданской» общины от развивавшейся по редистрибутным линиям собственности и власти восточной. Можно вспомнить Луция Квинция Цинцинната, которого отечество призвало от плуга на высшую государственную должность и который, выполнив свой долг, спасши родину, возвратился к своему клочку земли (Ливий. 3, 26, 6-12). Этот хрестоматийный римлянин

старого закала был создан, как пишет И.Ш. Кораблев, не на пустом месте (Кораблев, 1981: 21). Маний Курий Дентат, победитель одного из талантливейших полководцев эллинистической Греции, эпирского царя Пирра, после победы, которая навсегда отдала Италию в руки Рима, продолжал хозяйничать на своем крохотном поле, собственными руками пахал его, засеивал и снимал урожай; посетители заставляли его в скромном доме, сидящим перед очагом и варящим кушанье из репы, довольствующимся грубой глиняной посудой (Цицерон. Государство, 13, 40; Цицерон. Кателина, 55, 19, 87). Приводимые аналогии нельзя понимать буквально или как прямые сопоставления. Они красноречиво характеризуют отношение землевладельцев к земле в античной общине.

3.30. *Райяты*. Этот арабский термин применялся по отношению к определенной категории населения, находившейся на земле феодалов. «На положении крепостных, – говорится в «Истории Дагестана», – находились райяты, сидевшие на частновладельческих землях или же на землях, пожалованных в условное владение беками и служилым узденством» (История Дагестана. Т. 1: 240). Это определение более отражает положение вещей в предгорной, низменной и южной частях Дагестана. Однако в Нагорном Дагестане на землях ханов также находились райятские поселения, но их число было ничтожно по сравнению с числом свободных общин, а повинности и обязательства по отношению к ханскому дому были строго определены (История Дагестана. Т. 1: 240).

Показательно письмо аварского хана Султан-Ахмеда даргинскому (Акуша-Дарго) союзу «вольных обществ», датированное 1802 г.: «Привет вам, дорогие братья старейшины, дибирь и алимы, всему даргинскому джамаату от Султан-Ахмеда... Некоторые райяты, кажется, хотят освободиться от податей, приводя необоснованные доводы, они хотят *подняться от райятского состояния до узденства* (курсив мой. – М. А.). С них полагается дань: с гор, воды, сенокосных угодий, садов и посевов. Мы это получаем по наследству от предков. Ни полной меры, ни даже полмеры не берется с них несправедливо. Теперь они хотят освободиться от всех этих сборов, насильно захватить наше имущество и присвоить его. Но это им не удастся, хотя, поверив всяким разбойникам, у них возникла надежда удержать принадлежащее нам; мы хотим направить против них войска, чтобы проучить их. Если вы поможете нам в этом деле, то и мы поможем вам, когда вы будете в этом нуждаться. Мы знаем, что вы отличаетесь дисциплиной и благородством...» (Хашаев, 1961: 145).

Это письмо точно определяет сословное положение райтатов и узденей и их отношение к наиболее крупному феодальному дому Аварии, хунзахским ханам. Андийская хроника, посвященная событиям XVII в., райятскими называет ряд сел на границе Андийского «вольного общества», за дань которых аварские феодалы вступали в борьбу с Андийским «вольным обществом» (Общественный строй, 1981: 124-125). Сами райятские поселения по своей общинной организации были сгруппированы по обычной модели, но лишены двух существенных признаков свободной общины. Они не являлись субъектом права на территорию, т. е. сидели на частных землях феодалов или обществ. Слова в цитированном письме – «с них полагается дань: с гор, воды, сенокосных угодий, садов и посевов» – имеют в виду посаженный характер райятского поселения. Соответственно райятские поселения были под юрисдикцией, следовательно, в подданстве феодалов или обществ, на чьей территории они находились.

Оброчная подать с держателей земли являлась объектом торговли или отчуждений. Таков документ, датированный 1656 г. и названный переводчиком «Актом о продаже хараджа княгиней Шамай, дочерью Амир-Хамза-Нуцала, жене Абдурахмана». По этой купчей Шамай продает харадж из селения Биккилдачиб размером два казикумухских кали зерном (около 27 кг), наложенный на землю (Айтберов, 1980: 99).

3.31. *Лаги* – зависимая категория крестьян, обычно отождествляемая с рабским сословием. «Слово “лаг” – “человек”, “крестьянин”, “раб” представляется нам исконно кавказским», – пишет по поводу этого термина В. И. Абаев и поясняет, что «от понятия человек до названия сословия – дистанция небольшая» (Абаев, 1949). Эта точка зрения является принятой (Абдуллаев, Михайлов, 1971) и этимологически правдоподобной. Независимо от этой этимологии можно предположить, что термин «лагъ» вполне выводим (через чеченское «лай» – название той же зависимой категории населения) от «лаой» – термина, обозначавшего зависимое крестьянское население Малой Азии (II–III вв.) (Голубцева, 1972: 52-55) и Закавказья (Новосельцев, 1980: 192). Понятия, как видим, близкие и по звучанию, и семантически, и, наконец, по положению, которое эта категория населения занимала в Дагестане и Малой Азии. Этимологию В. И. Абаева, вероятно, можно распространить и на малоазийский термин «лаой», считая его источником чеченского «лай» и дагестанского «лагъ».

Источниками формирования лагского сословия в Дагестане были военные походы и работорговля на невольничьих рынках. В высокогорной части (в Дидо, у тляратинских аварцев, целиком у лезгин) это сословие отсутствовало. Зато в центральной, предгорной Аварии, в Лакии, у даргинцев и кумыков лагское сословие занимало видное место и играло большую роль вначале в хозяйственной, а затем, в XVIII–XIX вв., и в общественно-политической и духовной жизни дагестанского общества. Высокие цены на рабов в XVII–XVIII вв. свидетельствуют и о большой роли подневольного труда в хозяйстве.

В XVIII и особенно в начале XIX в. в Дагестане усилилась классовая борьба, общество за тот период значительно интегрировалось.

Антифеодальная борьба и одновременно национально-освободительная война против иранской агрессии в середине XVIII в., последующая борьба горцев за свое национальное и социальное освобождение значительно демократизировали дагестанское общество, привели к его социальной интеграции. Царские власти в последующем закрепили результаты этой интеграции; процесс классовобразования при них, как и в поздний период имамата, шел по линии выделения военнотрудовой части и администрации, которую власти набирали из всех сословий без специальных ограничений. Как остракизм бекского сословия (3.28), так и освобождение лагского сословия являлись основными социальными завоеваниями данного периода.

В XVII–XVIII вв. лаги не являлись полноправными членами общины в юридическом смысле. Нормы гидатлинских постановлений, касавшиеся правового положения лагов, освобождали их от уголовной или любой другой ответственности, которую нес лишь хозяин. «За убийство свободного человека рабом хозяин платил родственникам убитого выкуп, а за убийство раба свободным человеком была установлена выплата стоимости раба его хозяину. Если хозяин раба оспаривал убийство его рабом свободного человека, то он в доказательство невиновности раба приносил присягу с тремя соприсяжателями. Таким образом, в делах кровомщения раб не являлся субъектом права, а рассматривался как объект собственности» (История Дагестана. Т. 1: 264). Между тем, несмотря на закон, не все уздени прощали убийство их лага. Ущерб считался не только материальным, но и моральным.

Лаги были освобождены от дачи клятв (Памятники, 1965: 268), что означало их юридическую недееспособность, на основе свиде-

тельства лага суд не принимал никаких серьезных решений, так как это свидетельство не могло быть подтверждено клятвой. По законам общества Хунз: «если уздень убьет раба, то с него взыскивается дият узденя в пользу владельца раба» (Памятники, 1965: 268). В этом пункте отразилось не только юридическое обезличивание, но и отсутствие прав лага на имущество и, возможно, на семью. Разумеется, здесь речь идет о не отпущенных еще лагах, положение которых идентично положению раба. «Если раб убьет узденя, то с владельца раба взыскивается дият и раб изгоняется на 3 года в канлы», гласит следующий пункт постановлений этого же кодекса (Памятники, 1965: 268). Данное положение проясняет первое – лаг, будучи объектом собственности, не был субъектом права.

Юридическое неполноправие бывших лагов в хозяйственной жизни отразилось в постановлениях общества Гента, где для данного сословия оговаривались дискриминационные условия участия в жизни общины, но это уже положение, много улучшенное, положение крепостных. В сел. Гента (один из джамаатов Гидатлинского «вольного общества») одно сословие именовались «нахъателал» (буквально «стоящие в последних рядах»). Это было сословие зависимых крестьян. Сохранился документ о повинностях «нахъателал» шамхалу гидатлинскому²⁷ (Феодальные отношения: 30): «Шамхалы и податные – “нахъателал” из четырех селений согласились доставить подати шамхалу на место под названием Цинил в осеннее равноденствие в день рузмана (в пятницу). Кто не знает этого дня, тот должен установить его по календарю Кудугли. К шамхалу с податями можно ехать верхом или идти пешком. Кто согласно своей очереди не доставит подати, того корова, по обычаю предков, будет зарезана. Свидетелями соглашения явились: составитель текста Нурмагомед, Шахванил Магомед – оба из Караха, Магомед Дибир из с. Гинта и Магомед Амин из с. Мачада, а также молодые люди из Караха и Келеба» (Феодальные отношения, 1962: 30).

²⁷ «Гидатлинский шамхал», вероятно выходец из казкумухского шамхальского дома, имел резиденцию на территории сел. Урада у источников в местности Циниб, «где еще, по словам Х.-М. О. Хашаева, сохраняются остатки его дворца». «За период движения горцев под руководством Шамиля, – писал Хашаев, – бекские права гидатлинских шамхалов были полностью ликвидированы, а сам шамхал еще раньше был убит в междоусобной войне с аварским ханом. В XVIII в. в соседнем обществе Гоор-Ках шамхалы были уничтожены восставшими крестьянами. В сел. Кахиб до сих пор сохранилась подземная тюрьма шам-хала, место убийства шамхала носит название “ущелье истребления шамхалов”».

Последующее изменение социального положения лагов шло повсеместно и различными путями. Во многих обществах их труд, как и труд зависимых крестьян, эксплуатировался на дальних хуторах, которые иногда превращались в самостоятельные поселки лагского (или уже райятского) типа (Асиятилов, 1967: 95), но еще без полноты права обладания окрестной территорией на правах собственности.

В отдельных обществах (Карата и др.) лагов лишали права участия в доле на дальних покосах, откуда следует, что они не рассматривались как совладельцы общественных земель, хотя никто их не лишал права пастбы своего скота на общественных пастбищах. От информаторов нами получены сведения, что в Гидатлинском обществе не допускалась (осуждалась) продажа земли лицам лагского происхождения. Надо полагать, что эта мера была направлена против экономического подъема этого сословия.

Освобожденные лаги («тархъан») сажались на землю, которую они могли иметь в полной собственности при соблюдении условий благоприобретения, они имели семью, выступали в походы наравне с узденями, становились во всех отношениях полноправными членами общины, хотя, как уже говорилось, в отдельных обществах их лишали права совладательства территорией. У нас также нет сведений относительно допуска бывших лагов как выборных лиц к браздам правления, тогда как исполнители преимущественно назначались из сословия лагов. Но есть немало примеров того, как наиболее предприимчивые из сословия лагов своим богатством в силу особых заслуг перед общиной, доблести или религиозности становились влиятельной силой в общине. Вольноотпущенные («лагъ-тархъан») иногда сами превращались во владельцев рабов, и эта последняя категория была наиболее приниженной, но тоже в конечном счете получившей освобождение.

Сословная сегрегация из имущественно-правовой сферы перемещалась в чисто психологическую. Характерно, что, несмотря на освобождение и уравнивание в правах, четко удержались предрас судки, делившие сословие лагов на дополнительные разряды. Рабы, ранее принадлежавшие феодальным или знатным узденским фамилиям, выделяли себя в своей среде, что учитывалось при брачной регуляции. Более того, особо выделяли разряд рабов, принадлежавших бывшим рабам, в Аварии они именовались не «лагъ», а «хъусхъул», что значит «раб раба» (от словосложения «куласул» + «кул»). Но, подчеркиваем, эти категории практически

различались лишь при брачном выборе, в экономической и правовой жизни они были уравниены.

Пример психологической сегрегации отразился в сюжете одного предания. Известный своими добродетелями и богатством житель лагского происхождения созвал почетных людей общества, зарезал быка, устроил пир и попросил, чтобы его освободили от его сословного звания лага, т. е. чтобы его с потомками никто отныне не называл лагом. Все согласились, отслужили по этому поводу молебен, и, когда расходились, на улице один другому посетовал: «Все-таки у этого лага бульон был малосольным». Рассказ этот можно было услышать и в разных частях Дагестана как случай, происшедший непременно в селе рассказчика (бродячий сюжет).

Положение лагского сословия в общине в XVIII и особенно XIX в. резко изменилось. Это интересная и малоисследованная сторона социальной истории Нагорного Дагестана, отмеченная социальной интеграцией. В конце XVIII и в течение XIX в. лаги были уравниены в правах. Недаром появилось постановление: «Если кто-нибудь из жителей нашего селения скажет: “Я раб или нуцалчи”, то с него взыскивается 100 овец» (Хашаев, 1961: 154). В исторической хронике Чиркея лаги не называются как таковые, а обозначены термином «лагътархъан», что значит «вольнотпущенник».

* * *

Община, таким образом, в крупном плане делилась на две части – узденей и лагов, которые не обязательно населяли отдельные кварталы, как это было в таких селениях, как Гагатль, Корода и др. Это деление отразилось в оппозиции «благородный» – «неблагородный» («раццладал» – «хъубал») в стиле стереотипных сословных предрассудков на Кавказе (Бгажноков, 1980: 62).

Разбогатевшие отдельные родовитые семьи и тухумы в обществах были влиятельными и верховодили. Бедные, маломощные узденские фамилии находились на положении обычных низов общины. Отдельные общины представляли «все соцветие сословий». Так, например, в Гоцатле жили нуцалчи (бек и его родственники), чанки и уздени, райяты и лаги (Магомедов, 1978: 90). Но ведущей характеристикой общин Горного Дагестана было двучастное сословное деление, что отразил составитель «Памятки на завтрашний день о Чиркее и других селах Салатавии», датируемой первой половиной XIX в.

Глава четвертая

САМОУПРАВЛЕНИЕ: ПРАВО, ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ, ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

И. Гербер, оставивший известное сочинение «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря», высоко оцениваемое кавказоведами (Косвен, 1962: 259; Гаджиев, 1979), в своих кратких записях относительно одного из общества (Джарского) в параграфе «Владельцы» отметил: «Имеют между собой своих старшин и кады, которые ссоры между ими судят, и далее им послушны не бывают, *ибо всяк сам собой господином*, однако во время нужды между собой *все за едино стоят...* (курсив мой. — М.А.). Податей не платят и впредь никому платить не будут» (Гербер: 110). Все русские источники XVIII — начала XIX в. настойчиво подчеркивают именно эту черту: «управляются, но не подчинены» — таково восприятие общины, цементированной не общей, а частной собственностью, т.е. общества, организованного в интересах парцеллярного хозяйства.) «Всяк сам собой господином» и «все за едино стоят» — эти замечания скупого на характеристики офицера, далекого от романтики и идеализации, в обобщенном виде наиболее адекватно характеризуют внутреннее состояние общины. Соответственно каждый член общины, равно как и союза общин, обладал четко выраженными правами и обязанностями, вытекавшими из социальной структуры, политической и правовой организации общины (союза общин).

4.1. Права и обязанности членов общины. В сфере экономической каждый член общины обладал правом на недвижимую частную собственность и на совладение территорией общины. И наоборот, не член общины по рождению (в «закрытых» обществах) не имел права на недвижимую собственность. Не будучи собственником недвижимости и совладельцем территории, никто не мог претендовать на членство. Поэтому любая новая семья, если она по бедности родителей не могла получить в собственность недвижимость (дом, пахотную землю), должна была получить землю из общественных фондов земель. Если у джамаатов эти ресурсы

были исчерпаны или ограничены, население убывало, искусственно ограничивалась рождаемость, община «закрывалась» для притока населения с правами членства со стороны. В Нагорном Дагестане было немало джамаатов, общин, число семей в которых не переходило за сто из-за ограниченности территориальных владений и отсутствия источников и средств их расширения.

Известны примеры, когда то или иное общество, согласно Постановлениям, «закрывалось», если даже тот, кто домогался членства, согласно адату, резал быка и кормил общество в качестве взноса за членство (Рук. ф. Д. 57). В «закрытом» Келебском обществе наказывался штрафом в размере трех овец каждый, кто ходатайствовал, чтобы постороннего приняли в число «своих людей» (Памятники, 1965: 76). Отсюда следует, что вступающий в общину «чужак» до принятия этого постановления должен был иметь своих ходатаев и ручателей. В этом же обществе женщине, вышедшей замуж за человека из другого селения, запрещалось приводить его в свое селение (Памятники, 1965: 76).

Источники XVII–XVIII вв. рисуют джамааты и «открытые» и «закрытые» для нового членства со стороны. В чиркеевский джамаат вливались не только кровники, беглецы и т. д., но и прибывшие сюда на местожительство в надежде стать полноправными членами общества и получить земельную собственность в этом богатом джамаате. Вся история этого сравнительно «молодого» общества, насчитывающая около 400–500 лет. была насыщена военной и экономической борьбой за расширение владений. При этом общество оставалось «открытым» для переселенцев, ибо это увеличивало его людскую мощь. Со временем Чиркей превратился в средневековый город с обширной территорией на плоскости и в горах и стал во главе Салатавского «вольного» общества. «Все жители Салатавии были вполне подчинены влиянию Чиркея, богатого, многолюдного и цветущего, который не без основания считали вратами и столицей Северного Дагестана и одним из главных городов Аварии», – писал в начале XIX в. П. Зубов (Зубов, 1835: 206). «Открытым» был и джамаат Согратль, делавший ставку на увеличение своих сравнительно небольших владений путем привлечения лиц из других мест. Из общинных фондов выделялась земля для новоприбывших, которых определяли в один из трех тухумов Согратля. Он получал также сенокос, место для строительства дома и всевозможную другую помощь от джамаата, в том числе такую льготу, как заниженные размеры штрафов в случае

различных нарушений (Информатор Омаргаджи Аграчиев, 1903 г. рождения, сел. Согратль).

Община почти повсеместно добилась правового ограничения распоряжения земельной собственностью ее владельцами в пользу членов других обществ, а в «закрытых» джамаатах – даже в пользу проживавших в данном джамаате, но происходивших из других мест лиц. Джамаат в случае измены его члена прибегал к конфискации собственности, что красноречиво отразилось в гидатлинском своде адатов: «Если житель Гидатлинского общества во вред своему селению или всему обществу переселится в другое общество, то все его имущество переходит в собственность Гидатлинского общества» (Гидатлинские адаты. 1957: 23). «Все его имущество» здесь нужно понимать буквально, включая прежде всего земельную собственность, что подтверждается другими статьями адатов: «Если кто от нас убежит к нашим врагам, с него взыскивается 100 баранов, дом разрушают и не разрешают ему пользоваться своим мульком» (Памятники, 1965: 65). Конфискация земельной собственности, оберегаемой даже от диятных выплат, практиковалась, как свидетельствуют документы, единственно в случае измены обществу: «Кто из жителей какого-либо селения Хваршинского общества оставит свою деревню или правила управления и перейдет в другую деревню на жительство, подчиняясь ее порядку, с того в пользу общества его прежнего местожительства взыскивается лучшей пахоты поле, на котором засеивается 6 мерок» (Из истории, 1968: 19).

Общество пыталось ограждать собственность от актов ее разорения за убийство, но не везде достигало успеха. Андийские адаты санкционировали разорение имения убийцы, что являлось объявлением кровной мести, а не композицией (Из истории, 1968: 19). В Игали потерпевшие врывались в сады, расположенные в различных участках «мегъ», и вырубали деревья. Однако если лицо, убивший человека или его родичи успевали раньше потерпевших сделать зарубки на деревьях, то сады не трогали. И все же постановления обществ в подавляющем большинстве предусматривали выкуп за кровь, но показательно, что в пользу потерпевшего никогда не взималась земля, а только движимое имущество. Ни в одном из дошедших до нас постановлений обществ не имеется пункта композиций по дияту с указанием земли – самой популярной ценности. Напротив, гидатлинские постановления декларируют запрет на землю как на предмет композиционных выплат: «Для дията не берется земля» (Гидатлинские адаты. 1957: 15). Здесь мы

видим особо интересный оттенок ограждения не собственности как таковой, а «единицы» собственности, сохранение которой всегда было в интересах джамаата как потенциальной возможности привлечения нового члена, если землевладелец окажется изгнанным или убитым.

Любой член общины имел доступ на общественные земли, где он мог пасти свой скот индивидуально или в составе кооперированных стад. Он также мог рубить в лесу дрова в установленном общиной размере и в установленное время, если лес находился под «лесным надзором» («рохьил Гадлу»), т.е. охранялся. Член джамаата без ограничений пользовался лесоматериалами в лесистых районах, хотя в любой «глуши» в присельской округе были свои правила порубок. Член джамаата в четко оговоренном порядке мог пользоваться всеми общественными службами: мельницами, печами, водой, бассейнами, молельнями, дорогами и др., а также доходами от общественной земли и рек.

Участие в доле доходов от аренды общественной земли было привилегией каждого члена независимо от его состояния и рода занятий; для многих обществ, обладателей обширных пастбищ, этот вид доходов являлся значительным джамаатским фондом. Араканский джамаат располагал значительными массивами альпийских пастбищ, часть которых сдавалась за плату в аренду соседним обществам. Доходы делились поровну между членами общества. Как правило, в качестве платы ежегодно общество получало небольшие стада баранов. Их забивали на мясо, которое делилось на равные части и распределялось по домам. Келебский адат предписывал личное присутствие при дележе мяса джамаатских овец, исключение делалось лишь для тех, кто находился вне селения, выполняя общественные обязанности: «Кто уходит на сельскую очередную повинность в день боя овец, тому выделяется доля» (Памятники, 1965: 79). В Аракани около речки было специальное место для убоя джамаатских овец. Случалось, что из таких овец составлялись стада, которые содержались наряду с кооперированными. Так было в сел. Анди, джамаат которого получал плату от ичкерийских и аварских сел за пользование горами, в том числе горой Бехимла, право собственности на которую оспаривали аварские ханы (Развитие, 1980: 206) и которая впоследствии, во второй половине XIX в., отошла в казну (Феодальные отношения в Дагестане в XIX – начале XX в, 1969: 278).

Форма «коллективной сеньории», замеченной в свое время М.М. Ковалевским (Ковалевский, 1890: 162-163) и блестяще иссле-

дованной И. П. Петрушевским (Петрушевский, 1934: 42), в высокогорных обществах имела, таким образом, вид постоянных арендных выплат поголовьем овец одними обществами другим. Но доли в этих выплатах не имели все, кто не был членом джамаата, а находился здесь на службе или на учебе (мутаалимы), а также сословие лагов. Последние, однако, имели полное, а мутаалимы первоочередное право на благотворительную долю от вакуфа и садака, а также и другого рода кормлений, связанных с семейными и общественными празднествами, похоронами.

Непременное право пользования общинными службами или доходами от общественных земель, рек упорядочивалось общиной, но особенно строго были разработаны правила водопользования при ирригации в общинах с ирригационным хозяйством (2.7). Если река во время разлива приносила дрова, то присвоение было вольным, но строго учитывалось право первозаимки. Если же общество было заинтересовано в постройке или ремонте общественных сооружений, то лучшие материалы в первую очередь предоставлялись этим постройкам. Гидатлинские адаты вменяли в обязанность соблюдение следующих правил: «Если речка приносит много дров, лесоматериала, то каждый может брать столько, сколько захочет, за исключением лесоматериала, необходимого для моста. То, что годится для моста, на том никто не должен делать метку или класть камень как метку (право первозаимки. – М.А.) Не должен спорить и переносить в другое место, чтобы потом взять себе» (Гидатлинские адаты. 1957: 23).

Члены общины имели также право на долю от военной добычи за вычетом пятой части.

Любой член общества мог заключить брак с совершеннолетней девушкой или женщиной при согласии сторон. На практике тухумно-сословный принцип соблюдался строго, хотя к его нарушениям общинное законодательство относилось нейтрально (не исключено, что до утверждения шариата в этой сфере существовали ограничивающие законы). Но община лишала приданого в виде земли девушку, вышедшую замуж в другое общество, тем самым замыкая себя в четкий круг брачного изолята. Политические (гражданские) права были всеобъемлющими, касались всей внутренней и внешней жизни общины. Их реализация происходила через право голоса на народном собрании и обращения (устного) к выборным органам правления. Наконец, любой член общины имел не только право голоса, но и в принципе мог быть выбран на любую из должностей общинной администрации: кадия (в случае

грамотности и знания шариата), старшины, исполнителя, а по достижении определенного возраста, если ничем не был скомпрометирован, и в состав совета старейшин.

Обеспечение прав оговаривалось вместе с получением положения члена джамаата. Есть специальное решение общества сел. Мачада о том, что «жители селения согласились включить Даршалал в состав Хандаршалал со всеми вытекающими отсюда последствиями. Жители согласились также включить Гитинова со своим племенем в племя Омарилал... Что касается правосудия и свидетельствования, они равноправны (курсив наш. – М.А.)» (Рук. ф. Д. 1658).

Наше описание прав и обязанностей членов общины имеет в виду положение вещей, так сказать, в идеале. На практике же экономические, гражданские и политические выгоды и преимущества находились в руках так называемой «феодализирующейся» общинной знати и духовных лиц. Х.-М. О. Хашаев писал, что «де-юре все члены сельских общин имели право пользоваться этой общинной собственностью (присельскими выгонами и летними пастбищами. – М.А.), но де-факто пользовались ею только те члены общины, которые имели скот... беднота, лишенная скота, естественно, не могла пользоваться своим правом выпаса скота на общинных пастбищах, вместе с тем не могла потребовать от общества ту часть общинной земли, которая приходилась на их долю» (Хашаев, 1961: 154). Во многих обществах сама общественная пастыба по ряду («эрга») была организована таким образом, что давала преимущества лицам с большим количеством скота (2.12). Крен в пользу богатых мы видели и в порядке водопользования в Игалинском джамаате (2.7). При разделах сенокосов во многих аулах, в таких крупных, как Карата и др., придерживались принципа количества лиц мужского пола в семье, лишая женщин общественной доли (3.2).

4.2. Правовое положение члена общины одновременно с правами совершенно органично предполагало и целый спектр обязанностей.

Стремление к обеспечению равенства в человеческом достоинстве и в праве, было, едва ли не основой нравственной и правовой активности граждан обществ и из союзов. Наиболее важная из них – соблюдение всех норм адата, включая и бытовые нормативы (обычное право), не фиксированные письменно, но оберегаемые коллективной памятью.

Все вопросы, будь то семейно-брачные, кровные, возможно, и религиозные, отходили на второй план перед интересами джамаата, если они касались нескольких важных пунктов, а именно: защита территории, обеспечение политической свободы общества и союза обществ, обеспечение традиционных нравственных устоев. По поводу целостности территории было обращено внимание на то, что келебские адаты официально допускали в тяжбах по поводу территорий лжесвидетельство (3.8). Популярность притчи о «клятве с землей в сапоге» как проявление отношения обществ к методам борьбы за территорию – свидетельство не меньшей убедительности, чем келебское постановление о лжесвидетельстве. Защита территории в случае внезапного нападения или угона общественных стад являлась прямой и самой почетной обязанностью всех членов. Кроме болезни и возраста (малолетство или старость), ничто не должно было остановить члена джамаата, берущегося за оружие. В неписаном виде по всему Дагестану соблюдалось следующее правило: канлы не может быть убит во время военной тревоги. Гидатлинские же адаты прямо фиксируют: «Если кто-нибудь убил своего кровника или ранил его в день, когда жители селения вышли на тревогу и до их возвращения по домам, то с убийцы взыскивается все то, что полагается взыскать за беспричинное убийство или ранение другого – устанавливается кровная месть или ее выкуп в количестве 60 коров, штраф в размере двух быков, двух котлов, он обязан также возместить все расходы, связанные со своим преступлением». Гидатлинские адаты, продолжавшие еще признавать кровную месть как правовой акт, категорически отвергали ее во время военной тревоги. Отбросив родовые распри, кровники находились рядом в походе на неприятеля. Интересы общества выше и почетнее всех частных дел – такова основа права и морали.

Андалальский союз обществ свой свод решений начал с постановлений, касавшихся военной охраны земель и суверенитета «вольного общества». Ни индивидуально, ни коллективно никто не мог уклониться от участия в тревоге: «С того, кто не примет участия в тревоге, взыскивается штраф в размере одного быка»; «если одно из Андалальских селений не примет участия в тревоге, то с жителей его взыскивается штраф 100 баранов» (Памятники, 1965: 62). Следует учитывать, что эти постановления имели в виду только случаи защиты, т. е. справедливого дела. Военные походы («чабхьен») за пределы Дагестана (если исключить изгнание завоевателей) с целью грабежей или в качестве наемной военной силы не

приравнивались к общественным предприятиям, считались делом сугубо добровольным и в целом вызывали неодобрение (аварская поговорка гласит: «Чабхъал боццли – чабхъаца уна», т. е. «добыча набега станет добычей набега»). Военная тревога («ахлуд рахъии») отличалась от набега («чабхъен») тем, что в военной тревоге интересы участников защищались всей общинной организацией. Вот характерное постановление Батлукского общества: «Принять расходы за счет общества на содержание лекаря, если односельчанин получил ранение в войне против другого общества» (Хашаев, 1956: 60). Особенно интересен пункт, согласно которому поощрялся сразивший предводителя противника: «Если житель одного из Андалальских селений убьет во время тревоги предводителя противника, то тому, кто убил, Андалальское общество ежегодно отдает 10 баранов и 100 мерок зерна» (Памятники, 1965: 62). Это пожизненная пенсия из общественных фондов и немалая, если иметь в виду, что овцы еще дают приплод. В военных столкновениях охота за предводителем противника, судя по всему, специально программировалась, так как удача часто предрешала их исход. Так было, когда князь Турулав во главе ополченцев из Салатавии и Бакълбулал в XVII в. вторгся в пределы Андийского «вольного общества» с намерением лишить его доходов с данников, а возможно, и суверенитета. Поход закончился полным поражением, но вначале заранее спрятанные стрелки из Гагатля и Гунха убили князя, вышедшего из шатра для переговоров (Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в., 1981). В Андалальском «вольном обществе» была установлена плата для семей тех, кто погиб во время военной тревоги (Памятники, 1965: 62). Мы, к сожалению, не можем судить о подобной же мере в других «вольных обществах», но, безусловно, в моральном отношении атмосфера была идентичной.

Общественные обязанности были почетным долгом каждого члена. Не освобождались от них даже семьи священнослужителей, если они являлись членами джамаата. Общественные обязанности не распространялись на пришлых, служивших в обществе за плату, кайлы, ремесленников, на гостивших, лагов (до уравнивания их в правах), но канлы, лаги часто добровольно принимали участие в исполнении общественных обязанностей в надежде получить статус члена джамаата. Некоторые нюансы этой динамики содержат постановления общества Гента: «Не посылать чужаульного к кому-либо из нашего джамаата ни в качестве свата, ни в качестве посредника в деле развода, ни в качестве примирителя, кроме как

после согласия на это старшины и кадия» (Рук. ф. Д. 59.). Это постановление преграждало дорогу участию в общественных делах не имевшим членства джамата, но любопытно, что в особо мотивированных случаях с согласия старшин («чIухIби») они допускались.

Общественные обязанности, как трудовые, так и всевозможные иные, осуществлялись в порядке установленной очереди, по ряду — черта, характерная практически для всех форм сельских общин. Ряд («эрга») осуществлялся в различных обществах и при различных видах работ по-разному. «Эрга» по ряду домов в ауле, вероятно, самый древний принцип, составление для ряда списков самый поздний и эпизодичный; «эрга» строилась также по ряду пахотных участков на пашне (водная очередь и повинность по ремонту каналов) и по жребию. В крупных аулах очередные ряды независимо друг от друга «кружились» в кварталах, особенно по такой повинности, как пастьба скота (общественные стада часто составлялись по кварталам).

4.3. *Община и отправление культа.* Проблема «община и культ» многопланова, она затрагивает не только мировоззренческие аспекты, но и ряд сторон, связанный с общественным бытом. Мы касаемся этого вопроса только в аспекте деятельности общины по организации отправления культа и его роли в самоуправлении.

Безусловно, еще в доисламскую эпоху общины являлись хранительницами местных культов и организаторами отправления их. Мы находим лишь реликты этого в виде общественно организованных молебн во время календарных обрядов, которые, несмотря на свою мусульманскую окрашенность, по сути являлись языческими. В мире языческих верований, судя по их остаткам, были любопытные стороны, отражавшие общественное устройство и политическое состояние древнего дагестанского общества, поэтому немного коснемся их.

Доисламские культы, как и вся политическая организация в Горном Дагестане, являлись «многоступенчатыми». Если локальные культы были связаны с каждой конкретной общиной, отзвуки чего мы находим в местных «святых» местах (особенно в виде «пиров» Южного Дагестана), непременно атрибуте каждой общины, то «вольные общества» или федерации «вольных обществ» имели общепочитаемые центры. Словом, общеполитическое состояние края, т.е. его раздробленность и особенности политической организации, отразилось и в организации культа.

Оролатрия являлась наиболее выдающейся стороной древних верований, так как именно почитаемые горные вершины «стягивали» к себе божества всего пантеона как место их обитания. В этом отношении наиболее выдающимися центрами были: в Аварии – гора Къили-меэр, в Южном Дагестане – гора Шалбуз-даг, в Западном Дагестане – вершины гор Бахарган и Адала-шугель-меэр, у лакцев – гора Бациллу и др. Эти культы носили региональный характер. Помимо них, имелись культы меньшего круга, культовые центры каждого политического образования («вольного общества»): Бугулаьского – урочище Ханальи, Бакльулаьского – урочище Цобол ГохI, Андалальского – урочище Чиа-лазухъ и т.д. И наконец, были своего рода партикулярные, общинные культы. Родовые культы не фиксированы, и существование их в обозримом прошлом проблематично. В мире верований доисламского периода любопытна одна черта – божества перечисленных горных вершин предстают не в виде иерархии, а сообществом, «переизданием» идеала собственного образа жизни. «Люди, – отмечал Аристотель, – уподобляют самим себе не только богов, но и образ их жизни» (Аристотель, 1252б: 7, 25). В этом отношении древне-дагестанские верования сближаются с типом идеологических представлений того же Циркумпонтийского, а не Восточного мира, как и сама дагестанская независимая община (Агларов, 1984: 42).

Одним из самых замечательных общинных праздников, связанных с сельскохозяйственным календарным циклом, являлся известный праздник «выхода плуга» (Чурсин, 1927: 43-60; Никольская, 1959), распространенный по всему древнейшему земледельческому миру (Houndricourt, Delamerre, 1955). Сам по себе праздник, согласно нашему предположению, являлся театрализованным представлением (инсценировкой) революции в технике земледелия, а именно перехода от мотыжного к плужному земледелию (Агларов, 1983: 19).

Этот праздник подробно описан в литературе, но с организационной точки зрения интересно, что он выступал как сугубо общинный и даже отражал административное деление: в крупных обществах (например, в Анди) его проводили поквартально.

К XIV в. ислам прочно утвердился по всему Горному Дагестану и стал официальной религией всех политических образований в Нагорном Дагестане (Шихсаидов, 1969: 187). Пути проникновения ислама в Дагестан, его роль в идеологической жизни, воздействие на систему общественных отношений в Дагестане – вопрос малоисследованный. Согласно общеизвестному положению,

ислам как монотеистическое вероучение способствовал классообразованию и укреплению феодальной системы. Но это, вероятно, происходило там, где халифат моделировал и модифицировал политические структуры входивших в него стран и областей, где идеология становилась на службу централизованной власти. Однако в районах, где наблюдались децентрализация политической системы, менее выраженная классовая стратификация, коллегиальная, а не персональная власть, определенные положения ислама, особенно раннего, стали основой для укрепления консервативной общины (Рук. ф. Д. 219). Впоследствии исламское учение способствовало усилению роли кадиев, создавало условия и определило тенденции к возникновению теократических моделей политического устройства и, наконец, образованию в первой половине XIX в. такого сильного теократического государственного образования Дагестана и Чечни, как имамат (История Дагестана, 1968: 99-107).

Община являлась организатором всей культурной и зрелищной стороны общественной жизни (Булатова, 1981: 119-120). Здесь нас будет интересовать только отношение общины к отправлению мусульманского культа и религиозным нормам в организационном плане.

Общины-джамааты строили мечети. На протяжении почти тысячи лет по всему Горному Дагестану шло строительство мечетей за счет и при участии всех общинников (как индивидуальные заказы они строились редко). Довольно хорошо ныне изученные эпиграфические памятники дают нам об этом достаточно отчетливое представление (Лавров, 1966: 99; Шихсаидов, 1984: 162, 165, 228). А. Р. Шихсаидов считает неоднократное упоминание в надписях роли джамаата в строительстве общественных зданий признанием возросшей роли сельских обществ как раз в тех областях, где процесс их укрепления шел усиленными темпами (Шихсаидов, 1969: 85).

Участие всего населения общины в строительстве мечетей происходило не только на условиях добровольных материальных пожертвований, это было круговой обязанностью, приравненной к обязательным общественным работам, таким, как рытье каналов, строительство дорог и др., уклонение от которой влекло за собой штрафы. Если возведение степ с архитектурным декором, минаретов, художественное оформление столбов и интерьера поручались мастерам и специалистам (Дебиров, 1982: 106-166), то вся тяжелая работа по добыче камня, доставке, первичной обработке лесоматериалов и сооружению крыши делалась руками аулчан. В информа-

ции, полученной мною относительно строительства мечети в Хаджал-Махи, указывается, что в селении не осталось ни одного человека от мала до стара, кто бы не приложил руку к строительству.

С разрешения, а возможно, и по требованию общины мечеть строилась на центральной площади, или площадь, на которой строилась мечеть, становилась центральной. Здесь происходили народные собрания, устраивался годекан, объявлялись решения джамаата, проводились иные церемонии и празднества. Мечети также строились в каждом из крупных кварталов, если квартальное деление было специально административным, а не просто топографическим. При этом центральная мечеть являлась главной, где по пятницам проводилось богослужение всем обществом. В обычные дни каждый молился в своем квартале. Такой принцип в чем-то соответствовал организации управления, когда все локальные вопросы решались квартальной администрацией, а общие выносились на решение общеджамаатской администрации. Община вмешивалась в дела вероисповедания в личностном плане. Она требовала обязательного соблюдения религиозного ритуала, общественное мнение преследовало людей, не совершавших молитв и не посещавших мечеть. Непосещение мечети приравнивалось к уклонению от общественных обязанностей, и такие лица штрафовались согласно специальным постановлениям, например: «Если кто не пойдет в мечеть, а останется в годекане после призыва муэдзина к молитве, то с него взимается штраф и размере одной овцы» (Памятники, 1965: 76). В феодальных образованиях с сильной центральной властью, шамхальстве Тарковском например, уклонение от исполнения ритуала каралось более сурово – изгнанием из общества (Памятники, 1965: 186).

Наибольшее организационное переплетение общинных и религиозных предписаний наблюдалось в распределении вакуфного имущества и благотворительной деятельности. Порой трудно различить роль мечети и общины во владении и распределении доходов от вакфа. Уже обращалось внимание на чисто общинный принцип распределения доходов от вакфа, но с учетом уже не только общинников, а и служителей культа, мутаалимов и т. д. Сам порядок получения доходов регулировался также властями общины (3.3). Это в первую очередь касалось сдачи в аренду вакуфной доли, плату за которую арендатор должен был вносить в конце года. Община следила и за тем, чтобы держателями вакуфных земель были не одни и те же лица. Тем более не допускались самовольные

засевы: «Если кто засеет вакуфные земли до распределения их джамаатом между односельчанами, с того взыскивается штраф в размере одного барана» (Памятники, 1965: 78). Некоторые общества устанавливали определенные сроки (7 лет) перераспределения вакуфных участков между членами общины.

В области суда шариат стал единой правовой системой для всех обществ Дагестана, но только в сферах семейной (дела наследования) и гражданской. Значительное место отводилось адату. Адат как юридическая система, обычаи и традиции народа были настолько устоявшимися, что духовенство, несмотря на прочные и глубокие позиции ислама в Дагестане, сомневалось, что тут создано «чистое мусульманское общество», и особенно при имаме Гази Магомеде (в начале XIX в.) повело яростную и бескомпромиссную атаку на традиционные институты, юридические и управленческие учреждения под знаменами мюридизма и «распространения шариата». Эта попытка радикальной подмены реального общества «чисто исламским» оказалась утопичной во всех ее частях и не увенчалась успехом. Народ продолжал «судиться и рядиться» по своим законам, отводя шариату лишь то место, которое он занял еще в XVII в., т. е. семейно-брачную и гражданско-правовую сферы.

4.4. *Адат: некоторые черты внутриправового строя.* Адат – слово арабское, означающее «обычай», «привычка», но с расширенным содержанием широко распространившееся в странах мусульманского мира как обозначение немусульманского (аджамского) права. В дагестанских языках слово также стало обозначением любого не шариатского закона. В аварском языке сохранилось также слово «баль» в значении «закон». М.С. Саидов указывает: «Бальальзул заман – период разбирательства гражданских дел по обычаю (до Шамиля)» (Саидов, 1967: 54). Очевидно, что «баль» – название древнего права. Любопытно второе его значение «борозда». Оба значения, возможно, имеют общую этимолого-семантическую подоснову. Слово «баль» встречается в аварской пословице в любопытном контексте: «Хундерил гIадат хвани, гIандалазул баль холеб» (Саидов, 1967: 54) («Когда хунзахский адат гибнет, гибнет и баль у андалальцев»).

А.И. Першиц совершенно справедливо указывает на причины того, почему на Северном Кавказе гражданско-правовые нормы были заменены шариатом, а уголовные остались регулируемыми адатом. «В шариате, – пишет он, – гражданско-правовые нормы более модернизированы, чем отличающиеся поистине варварской жестокостью уголовные» (Першиц, 1979: 225). Автор имеет в виду отсе-

чение рук при воровстве, заточение в яму и подобные меры, поистине жестокие и сравнимые лишь с ордалиями, истязаниями и кострами инквизиции средневековой Европы. Приведу источник, датированный 1741 г., где говорится об изъятии из шариатского суда уголовных дел: «Жители селения Асса согласились, начиная с 1154 г. хиджры передавать в шариатский суд все тяжбы, за исключением тяжб за убийство, кражу; согласились также на взыскание одного котла с того, кто не пошел в шариатский суд от обеих сторон. Свидетельствуют это Хадис Мачадинский и Абдурахман Ородинский» (Рук. ф. Д. 1669). Народ отверг шариат в этой части, что привело к сложению биюридизма в сфере права.

Термин «адат» в изучаемое время в правосознании самих носителей объединял три категории из юридического быта, различаемые современной теорией: нормативы «этнографического бытового» характера, юридические обычаи и сами нормы права. Наличие такой понятийной нерасчлененности адата в юридическом сознании было характерно для народов мусульманского Востока, различавших только шариат и адат, и то не как правовую и обычноправовую сферы, а как две самостоятельные правовые системы.

Составители кодексов «вольных обществ» и собственно джамаатов выделили для записи самое важное, на их взгляд, отсеяв в большей мере то, что тут названо нормативами «этнографического бытового» характера. Это точно подметил ученик М.М. Ковалевского Б.В. Далгат, писавший, что «печатные сборники адатов» касаются лишь «адатов уголовных или процессуальных», а описания «бытовых, гражданско-правовых адатов горцев почти не существует». Различив, таким образом, «бытовые адаты» и «адаты уголовные и процессуальные», он блестяще описал первые у даргинцев (Далгат 1968: 77-144). Так же четко бытовые адаты выделил и описал Гамзат Цадаса (Памятники, 1965: 55-62). Это же различие делали и последующие исследователи и публикаторы обычного права (Из истории, 1968: 3), что чрезвычайно важно для четкого представления о юридической системе классового общества. Мы здесь ограничимся лишь несколькими замечаниями относительно существа правовой системы (рассмотрение которой – задача сугубо специальная), обратившись к характеристике некоторых важных для темы черт, присущих адату. Своды адатов не содержат ни одного пункта, связанного с требованиями нравственных максим («честность» или «бесчестность» преступления), фольклора (мифы, нормы рассказа, пословицы и др.), являющимися непременно

ными атрибутами обычного права (Першиц, 1979: 224). Практически все пункты имеют актовый, декларативный характер. Ответственность целиком и полностью индивидуализирована. Вместе с тем адаты сохраняют почти повсеместный атрибут средневекового права: родственники выступают в защиту потерпевшего только как соприсягатели (однако иногда встречаются пункты, запрещающие именно родичам выступать в числе соприсягателей). Но родственникам не вменялось в обязанность внесение дията, хотя его крупные размеры, вероятно, имели в виду участие родичей в выплатах (Омаров, Маршаев, 1958: 135). Ордали неизвестны (Из истории, 1968: 74).

Значительной была роль законодательной инициативы, источником которой часто служил прецедент (казуальное право). Несколько примеров: «Цекобцы согласились взыскивать стоимость скота, убитого во время драки из-за общинных земель. Впервые такое взыскание было проведено с Хелекилава Абдулагья»; «с владельца отелившейся вакуфной коровы взыскать масло в тот день, когда старейшины будут раздавать садака (давать милостыню. – М. А.). Адат этот впервые начат с Амиралава»; «цекобцы решили приводить к присяге не только вора, но и его соприсягателей, заступившихся за него в сельском суде. Эти присяги впервые были приведены в исполнение тухумом Раджабилал» (Памятники, 1965: 102). Тем не менее, казуальность занимала не столь важное место в законодательной инициативе и больше касалась предметной стороны композиций, нежели основы статей.

Сохранились точно датированные документы, отражающие процедуру принятия решений. Воспроизведем наиболее характерные из них: «Жители селений Асуб и Исипуб согласились па отмение убийце. Если один убьет другого и его наследник прощает убийцу за выкуп, то с него взыскивать тридцать коров». Затем следуют еще пять новопринятых адатов по гражданским и уголовным делам и в конце запись: «Свидетелями при заключении соглашения присутствовали Нуцал, сын Ома Нуцала, из старшин (старейшин? – М.А.) Кара-Киши, сын Сулеймана, Султан-Гусейн, сын Гази-Магомедхана, Юнус, сын Алика, из правителей, правитель селения Исинуб Гусейн, сын Атнаса, писавший настоящее постановление Кудиясулав, сын кадия Шабана Ободинского и из с. Ахвах – Гази и Гункуч. Настоящее соглашение состоялось в день среди месяца шабана тысяча семьдесят шестого года хиджры (1666 г. н. э. – М. Л.)» (Рук. ф. Д. 1669. Л. 154). В этом постановлении мы видим своего рода регресс – отмену дията и возобновление кро-

вомщения (момент, поучительный для исследователя, склонного абсолютизировать прямолинейное («восходящее») развитие юридической традиции). Еще одно решение против выкупа за кровь, значит, за кровную месть под видом борьбы за успехи шариата, содержащее фактически борьбу за гражданскую честность в судопроизводстве. Постановление, принятое в присутствии представителей от всего союза сельских обществ Бакълъулал (Гумбет), гласило: «Это есть извещение на будущее и нарушимое обещание и продлится вечно. Население аула Мехельта решило изгнать того, кто не соблюдал законы шариата, противоречил, брал взятку, свидетельствовал ложь, брал плату за кровь. При этом присутствовал кади-мулла Мухаммед из Ичичали, Хаджи Мухаммед из с. Цилитль, Исмаил, сын Османа из с. Аргвани, Алимирза из этого же аула, Курбан Махаммед из с. Сиух, Кундалов из с. Сиух, Мухаммед из с. Нижнее Инхо, Муталим, сын Али из с. Игали» (Рук. ф. Д. 1704).

Адат требовал точных доказательств во многих тяжелых уголовных и нравственных преступлениях, хотя присяга, если преступление не очевидно, оставалась доминирующим следственным аргументом. За исключением привлечения к присяге, адат (судя по дошедшим до нас многочисленным кодексам и постановлениям) не был конфессионален и даже не имел такой окрашенности.

Небезынтересно остановиться и на таком моменте, как то, что адаты иногда принимались только на определенный срок. Таков примечательный акт Хунзахского общества: «Жители селения Хунзах согласились взимать быка стоимостью в восемь овец с того, кто нанес удар другому рукой с кольцом на пальце, камнем, плеткой, посохом или глиной. Для справедливого исполнения настоящего постановления выделяют сорок человек с присягой о разводе жен. Если возникает спор, то дело решается присягой двух справедливых лиц, но не родственников. Срок действия настоящего постановления также два года. Настоящее записано в начале весны в девятьсот восемьдесят третьем году хиджры (1575 г. н. э. — М. А.) (Из истории, 1968: 222).

4.5. *Адат: черты архаики.* Кровомщение по адату, в большинстве кодексов преодоленное, оставалось в «упорядоченном» виде лишь в гидатлинском своде и в кодексе Умму-хана Аварского. Нет сомнений, что этот древнейший обычай родового быта сохранился и укреплялся с ростом значения тухума. Выше (4.4) изложенный фрагмент постановления о поощрении кровной мести и наказании лиц, довольствовавшихся «ценой крови», в обществах

Асуб и Исинуб в XVII в. кажется не чем иным, как наивной верой в кровную месть как безальтернативную меру наказания за убийство. Но возмездие, по суждению Гегеля, не должно осуществляться отдельным обиженным человеком или его близким, ибо у них «общеправовая точка зрения связана в то же время со случайностью страсти. Оно должно быть действием третьего, обладающего властью, который выставляет как довод и исполняет только всеобщее. В последнем случае оно называется наказанием... Справедливость, осуществленная как месть, и является, в свою очередь, новой обидой, воспринимается как единичный поступок и воспроизводится, таким образом, без примирения до бесконечности» (Гегель, 1971: 48).

Право уничтожения преступника было предоставлено любому при соблюдении определенных условий, что практически означало, что кровомщение было делом ближайшей родни, прежде всего, по отцу (тухум), и затем любого, кто возьмет на себя эту обязанность. Изгнание из общества убийцы было единственным высшим наказанием, которое практиковалось в джамаате, точно так же как первоначально это было в древних обществах гражданского самоуправления (Куланж, 1895: 178). Впрочем, общины всей своей властью и авторитетом склоняли стороны к миру, если для этого созревали условия, т. е. был выплачен выкуп или совершено возмездие, осуществлена месть. Когда посредничество джамаата оказывалось успешным, цепь кровной мести прерывалась миром и поворотом.

Есть пункты, свидетельствующие о достаточно властном вмешательстве общины в уголовные дела этого ранга, в частности, интересно то, что община давала шанс на спасение изгоняемому убийце. Свод решений Цекобского сельского общества гласил: «Родственников убийцы из селения не изгоняют; наследники убитого не вправе убить кровника своего до тех пор, пока общество через своих исполнителей не доставит его до надежного места выселения». В этой же статье имеется пункт об алиби: «Этот адат распространяется только на убийство, совершенное в селении или в другом месте, а не на войне. Если же убийство произошло на войне и кто-нибудь признает себя виновным в убийстве, то его считают убийцей, а в противном случае родственники убитого присягой 15 человек сородичей своих могут объявить убийцей кого угодно. Однако лицо, не принимавшее участия в войне, не может быть объявлено убийцей» (Памятники, 1965: 93).

В противовес изгнанию «своего кровника» общество заботилось о невыдаче кровников, ищущих у него покровительства. Этот вопрос считался престижным, и, если какое-либо общество не выдавало кровника по чьему бы то ни было требованию, подразумевалось, что оно обладает, по крайней мере, паритетной военной и политической силой. По всему Дагестану кровники были рассеяны и надежно укрыты до примирения, большая часть оставалась в принявших их обществах, отрекшись от своего и будучи принято в «подданство» другого. Убежище и покровительство ищущим их были распространены по всему Кавказу (Робакидзе, 1964: 5), даже в таком виде, как обеспечение безопасности собственному кровнику, если тот прибегал к такой защите (Гарданов, 1964). (Аналогичная практика существовала и у народов Балканского полуострова (Иванова, 1974: 6)).

Семья и тухум в делах кровомщения играли главную роль, если это не противоречило общим интересам джамаата или их союза, в противном случае роль семьи и тухума отходила на второй план. Постановления отдельных «закрытых» обществ не оставляют сомнений в этом: «Если кровник будет принят в мечеть более трех дней в качестве мутаалима или на какую-либо другую работу более чем на три дня, то с виновного взыскивается штраф» (Памятники, 1965: 77). Келебское общество было «закрытым», и эти три дня явно те, в течение которых кровник вообще мог находиться в Келебе. Келебцы не только препятствовали входу чужака в свое общество, но и свободно разрешали выход из своего общества, тогда как в других обществах за выход наказывали конфискацией имущества. В джамаатах Горного Дагестана кровная месть, как и множество других вопросов, которые по идее должны были бы находиться в компетенции семьи и тухума, перешла в компетенцию джамаата, а семья и тухум превратились в орудие его воли.

4.6. *Одной из самых архаичных наряду с кровной местью правовых норм, которая прочно утвердилась в адате и против которой шариат в лице его идеологов вел борьбу, был ишкил. Ишкил – это захват имущества для понуждения ответчика к удовлетворению имущественных претензий или исполнению другого рода обязательств. Переписка между отдельными обществами и лицами по делам ишкила обширна, ее разбор мог бы стать интересным сюжетом отдельного исследования. Наиболее ранние образцы такой переписки относятся к XVII в. (Рук. ф. Д. 224. Л. 20).*

Само слово, как на это обращалось внимание, имеет древневосточное происхождение. Термин «ишкил», безусловно, произ-

водное от «шекиль»²⁸ (Хрестоматия по истории права зарубежных стран. 1984: 14), единицы денежного измерения Древнего Востока, а пункты, предписывающие насильственный захват имущества, имеются в законах Хаммурапи, где говорится, что если должник своевременно не возвращает долг, то кредитор может захватить его имущество и семью в рабство (ВДИ. 1952: 207). Термин «барамта-ишкил» получил распространение у народов Северного Кавказа и многих тюркоязычных народов (Радлов, 1861: 1481), упоминается он применительно к Дагестану и в русской литературе XVIII в. Для данной темы наиболее интересно отношение общины к этому древнему хронологически, но позднему стадийно явлению, свойственному обществам с развитыми классовыми и имущественными отношениями.

В связи с исследованием адатов нам уже приходилось отмечать попытки «вольных обществ» соблюдать экстерриториальность при взимании ишкила (Агларов, 1981: 96-97). Сразу следует сказать, что идеологи ислама и правоведы отвергали ишкил как несовместимый с шариатом, таковы фатвы Давуда Хаджиява из Усиша, Сайда Араканского, Ибрагима Хаджи из Урада. Но, судя по адатам и переписке, пропаганда против ишкила никакого успеха не имела, пока он не был отменен при имамате (Ковалевский, 1890: 133).

Ишкилу уделил значительное внимание М.М. Ковалевский, который показал разнообразие сфер его применения и, что самое важное для нашей темы, «ответственность селений при ишкиле» (Ковалевский, 1890: 133).

Община, регулируя условия и порядок взимания ишкила, не отменяла, а утверждала его. В постановлениях Андалальского общества, где взимание ишкила на своей территории было строжайше запрещено под угрозой штрафа в размере быка (экстерриториальность), тем же штрафом наказывалось лицо, попытавшееся помешать такому «правосудию» уже за пределами территории общины (Памятники, 1965: 63) Согласно Гидатлинским адатам, самовольный захват ишкила без согласия на то старейшин общины был запрещен у лиц, происходивших из Карахского, Келебского и Ратлубского обществ (Гидатлинские адаты, год: 21). Это значит, что Гидатлинское «вольное общество» имело договоренность с перечисленными «вольными обществами» о санкции

²⁸ *Шекиль* – сикль, единица веса, равная в Древней Вавилонии 8.4 г. Серебро как меновая стоимость исчислялось в сиклях.

властей на взимание ишкила в делах, касавшихся договорившихся сторон. С члена других политических образований ишкил взимался беспрепятственно. Такие договора заключались письменно и устно, с соблюдением процедуры (при почетных свидетелях): в своем послании общество Тлакал упрекало общество Зубутль за нарушение договора об ишкиле (Рук. ф. Док. 1310).

Применение ишкила не ограничивалось насильственным взиманием долга. Например, араканцы требовали у общества Охли заставить вора-охлинца возместить убыток, в противном случае Араканское общество грозило применить ишкил ко всему обществу Охли. Таковы же были требования Тлогдода к обществу Асал (Рук. ф. Док. 1310), общества Киди к Гаквари (Рук. ф. Док. 1292) и т.д. Ишкил между обществами или же между обществами и феодалными владельцами достигал иногда весьма крупного размера, служил политическим орудием заложничества и т. д. Любопытно письмо тарковского шамхала Абумуслима обществу Чиркей (XVIII в.) о захвате чиркеевцами 21 пары быков, двух заложников и лошадей то ли у подданных шамхала, то ли у него самого (Рук. ф. Д. 1662. Л. 10).

Угроза общины общине о применении ишкила означала, прежде всего, то, что, если какие-либо условия не будут выполнены, истцы могут применить ишкил по отношению к любому члену общины, откуда происходит должник или вор. В ишкил вовлекались совершенно непричастные к делу люди, если община не принуждала должника к выплатам. Таким образом, между обществами на почве деловых отношений или уголовных проступков частных лиц возникало если не военное, то своего рода «ишкилное» состояние, при котором невозможно было вести торговые дела или свободно совершать поездки друг к другу. В нашем распоряжении имеется описание, сделанное в конце XVIII в. Кади Рамазаном из сел. Гаквари, одного из способов принуждения общины воздействовать на своего члена следующей формой ишкила: «Если должник из одного общества не выплачивал долг должнику из другого общества, то истец мог воспользоваться куначескими связями в обществе ответчика. Кунак истца в пятничный день общеджамаатской молитвы в мечети забирал обувь всех находившихся членов джамаата из прихожей. Обувь получали только после того, когда молившиеся в мечети принуждали должника или ответчика выплатить долг или выполнить любые другие требования, считавшиеся законными» (Архив Нурмагомедова).

Таким образом, ишкил, сугубо частный при своем возникновении и одна из первоначальных и весьма примитивных форм регулирования отношений собственности, в дагестанской независимой общине стал действенным средством воздействия на должников. В дагестанском обществе торговля являлась важной отраслью экономики и средством регулирования экономической жизни между разными зонами вплоть до самых высокогорных обществ (Хашаев, 1961: 113-124). Это одно из возможных объяснений широкой и «интенсивной» распространенности ишкила. Другой причиной было широкое развитие кредитных отношений, недаром в Аварии законодательно устанавливалась пеня на просроченные долги и как последнее средство дозволялось применение ишкиля: «Если должник не возвращает долг в установленный срок до применения к нему ишкиля, то на него возлагается пеня; так, например, если кто-нибудь 1 ратл чего-либо в течение года просрочил, то должен вернуть 1¹/₂ ратла, если 1 кали – то 1¹/₂ кали, если 1 абас, то вернуть 1 абас и 1 драхму» (Памятники, 1965: 266).

Ишкил был санкционирован обществом и дозволен адатом, т.е. органически вошел в юридическую систему джамаатов, как и кровомщение, в форме, регулируемой общиной, что компенсировало отсутствие долговых тюрем или других насильственных форм принуждения, кроме экономического (пеня) и морального (общественное мнение). Правда, община до того, как дозволяла ишкил, привлекала должника к суду по заявлению истца: «Если должник покинул аул после того, как его предупредил исполнитель («Гел») о необходимости явки на суд для разбирательства, то исполнитель вправе взыскать с него долг в пользу истца» (Гидатлинские адаты, 1957: 21). Это очень важное свидетельство того, что долговые отношения на первом этапе регулировались судом и властью, а ишкил выступал в силу на втором этапе, когда первое средство не достигало цели.

Ишкил в общине перерос собственные функции «долгового насилия», сфера его применения расширилась, он стал средством экономической, а иногда и политической борьбы между джамаатами, между джамаатами и политическими образованиями феодального типа.

4.7. Согласно некоторым письмам между обществами, ишкилу подвергались лица из другого общества, не имевшие никакого отношения к должнику. Здесь действовал принцип: пусть джамаат пострадавшего от применения ишкиля вынудит подлинного виновника к выплате долга, возвращению украденного и т.д. При-

чем подобные апелляции к общине ответчика исходили не от лица истца, а от лица общества истца. Так нужно понимать письмо Араканского джамаата к Охлинскому с угрозой применения ишкила, если вор не вернет украденное. Имелось в виду, что ишкилу подвергнется имущество любого охлинца. Такая коммунальная ответственность делала ишкил более эффективным и соответственно распространенным методом, но одновременно сеяла вражду и распри между целыми джамаатами.

В этом же контексте следует рассматривать большое количество писем, адресованных властями общин к общинам, применившим ишкил, «о возвращении имущества невиновных». Вот несколько примеров. Общество Хохита требует от общества Месиуша вернуть имущество его члена, захваченное как ишкил (Рук. ф. Док. 1264). Некий Амир Омар обращается к обществу сел. Гарани с просьбой вернуть отобранный в качестве ишкила кинжал, ответное письмо содержит отказ (Рук. ф. Док. 1297). Общество сел. Гагатль (Андийское «вольное общество») требует от общества сел. Аргвани (Бакльзюлальское «вольное общество»), чтобы отпустили хаджи и «ишкилов» и «оставили путников в покое» (Рук. ф. Док. 1292). Старшина Чиркея просит общество Ашильга отпустить овец чиркеевца Заурбега, задержанных как ишкил (Рук. ф. Док. 1279).

Подобная переписка весьма обширна и подлежит специальному изучению. Но при первом же знакомстве виден процесс коммунализации ответственности по делам ишкила. У М.М. Ковалевского он получил характерное для его общей концепции родового строя на Кавказе истолкование: «Ответственность селений в случаях ишкиля объясняется всего легче тем соображением, что в состав их входили первоначально семьи одного тухума, подлежащие как таковые родовому самоуправству. Сельская община и в этом отношении, как и во многих других, унаследовала права и обязанности рода» (Ковалевский, 1890: 133). Родовое, вернее, тухумное «самоуправство» при ишкиле не зафиксировано ни одним источником. Тем не менее М.М. Ковалевский, делая свое заключение, отталкивался от одной из статей постановлений Рустем-хана, где говорится: «Брать барамту (ишкил. – М.А.) с тех, кто не отделился от тухума ответчика» (Из истории, 1968: 182), объяснив это место как образец круговой поруки рода. Между тем человек, отделившийся от тухума, согласно примечанию к закону (там изложены правила и процедура изгнания преступника), – человек вне общества, изгой, недееспособное лицо. Закон Рустем-хана предписывал не применять ишкил к изгнанному, к имуществу данного

лица. Нетрудно предположить, что применение ишкила к изгою было бы безрезультатным как санкция. Заключение «о родовом единстве», сделанное М.М. Ковалевским на основании данного пункта, послужило опорой для его вывода о круговой поруке сельской общины при ишкиле.

У нас достаточно оснований думать, что джамаат и тухум – разные общественные категории и второй – порождение первого, а не наоборот (3.18; 3. 27). Община как истец или ответчик в делах, связанных с ишкилем, – показатель ее зрелости. Правовое единение джамаата в делах, касавшихся его членов, когда последние имели дело с членами других джамаатов, не подлежавшими юрисдикции первого, в целях защиты интересов «своих граждан», естественно, являлось одним из условий организации парцеллярных собственников в общину «против внешнего мира». За пределами общин или союзов общин дела, возникавшие между членами различных обществ, принимали своего рода «международный» характер. Если мононормативы предклассового общества (Першиц, 1979: 215) как порождение нерасчлененной общности средств жизнеобеспечения, внутрисоциальных связей и самой личности имели соответственно своему базису одноплановую природу, то обычно-правовые и правовые нормы в джамаате имели сложные преломления, соответствовавшие дуальной структуре в отношениях собственности. Община как кредитор, захватывая имущество, вынуждала юридический механизм джамаата ответчика к действию. Ишкил, индивидуализированный внутри союза общин, становится делом всеобщим при его применении вне союза.

Мы бегло познакомились с двумя адатными нормами архаического происхождения – кровной мезью и ишкилем, и не столько как таковыми, сколько их преломлением в независимых самоуправляемых общинах с упрощенной организацией политической власти и отсутствием в распоряжении этой власти иных, кроме ишкила и кровной мести, более эффективных средств принуждения.

4.8. Адат: единство основ и множественность форм. Адатно-правовые системы по всему без исключения Дагестану, особенно его горной части, включая постановления Рустем-хана, были едины. Незначительное количество пунктов относительно привилегий бекского сословия в постановлениях Рустем-хана не меняет общей картины. М.М. Ковалевский, который впервые профессионально рассмотрел правовые системы Дагестана, сделал в предисловии ко второму тому своего капитального труда «Закон и обы-

чай на Кавказе» следующий вывод. «Я считаю, – писал он, – также более или менее установленным то общее положение, что, несмотря на пестроту племенного состава и разнообразие языков, жители Дагестана придерживаются более или менее одинаковых начал права» (Ковалевский, 1890). Точку зрения о единстве юридических систем при идентичном уровне развития народов, которую М.М. Ковалевский считал своим личным вкладом в сравнительную юриспруденцию вообще (Ковалевский, 1890: 140), более пространно он изложил в таком контексте: «Пестрота этнографического состава, какой отличается население Дагестана, невольно вызывает в нас предположение, что юридические обычаи, которым следуют горцы, должны отличаться большим разнообразием, так что представляется возможным говорить о целом ряде правовых систем, приуроченных каждая к отдельной народности и являющихся выражением особенностей ее национального духа. Сравнительное изучение приводит, однако, к совершенно противоположному выводу. Вместо нескольких мы имеем перед собой одну юридическую систему; частности ее, разумеется, весьма далеко расходятся у отдельных народностей, но общие и основные положения одинаково проникают собой обычаи аваров и андов, лаков и капучин, даргинцев и табасаранцев» (Ковалевский, 1890).

Это единство, даже тождество при сравнении кодексов очевидно, хотя ни один пункт не повторяет другой буквально; все основные положения по всем трем разделам права совершенно одинаковы по существу и по построению. Принцип определения состава преступления, форм судебного процесса, правовой ответственности (месть, ишкил, композиция) также един. Вместе с тем каждый из кодексов определенно партикулярен и как свод и по каждому отдельному пункту. К этой особой пластике единства, которая окрашивает каждое его звено (свод постановлений), мы вернемся после описания общей структуры судебных кодексов. Кодекс Андалальского «вольного общества», состоящий из 69 пунктов, в предисловии к нему объявлен всеобщим для союза: «Здесь приводятся обеты и соглашения, состоявшиеся между жителями всех селений Андалальского округа («вольного общества». – М.А.), договорившихся между собой с помощью Аллаха на единство и справедливость» (Памятники, 1965: 62). В пункте 53 кратко заявлено: «Каждое селение будет руководствоваться своими адатами» (Памятники, 1965: 65). Общий кодекс, таким образом, распался на локальные соответственно количеству самостоятельных джамаатов в Андалальском «вольном обществе». Каждое селение как

джамаат, находящийся в союзе равных, имело собственный писанный кодекс постановлений.

Все села Гидатлинского союза, помимо общего, имели каждое свой писанный свод адатов.

Партикулярные адаты джамаатов Гидатлинского общества – это своего рода первичные своды для каждой общины, из которых изъяты общие для Гидатля нормы и на их основе созданы Гидатлинские адаты. Не исключено, впрочем, и обратное: кодефикация по селам произошла под влиянием общегидатлинского свода.

Жители поселений отселочного типа, не получивших статус самостоятельного джамаата или полузависимых от другого села, судились по адатам основного села. Жители сел. НакІІазухъ, отпочковавшегося от Согратля в начале XIX в. по специальному решению всего джамаата, подлежали юрисдикции согратлинских адатов, сел. НакІІикъ и сел. Тлях – адатов Урады или Тидиба, сел. Щибилла – адатов Андийского джамаата и т.д.

Таким образом, каждый джамаат имел собственный кодекс. Джамааты, объединившиеся в политический союз («бо»), имели общий сведенный кодекс, «бодул Гадатал». Сведение статей не было механическим: в кодексах «вольных обществ» нашли отражение статьи, одинаковые для всех сел по уголовным, имущественным и нравственным преступлениям плюс те, которые отражали интересы союза, т.е. не могли бы быть содержанием кодекса отдельного джамаата, например пункты о взаимопомощи между селениями союза: «С жителей селения, которые не оказывали жителям других селений помощи обществу в охране лугов до периода сенокосения, взыскивается штраф в размере трех котлов» (Гидатлинские адаты, 1957: 27), или пункты, связанные с охраной объекта, имевшего значение для всего союза общества: «Нерадивое отношение к охране Гидатлинского моста со стороны общества наказывается взысканием штрафа в размере 100 котлов» (Гидатлинские адаты, 1957: 25), или подобные пункту 51 Андалальского свода, где говорится: «В наших селениях учащаются взаимные браки. Если одно из наших селений запретит оформить брак женщине с жителем другого нашего же селения, то с жителей запрещающего селения взыскивается штраф в 100 баранов» (Памятники, 1965: 65). Кодексы же отдельных обществ состояли из не повторяющих друг друга буквально пунктов, т. е. кодекс союза обществ был как бы «вынесен за скобки».

Там, где сложились союзы «вольных обществ», т.е. трехступенчатая конфедерация, как Акуша-Дарго, их кодексы имели

«трехступенчатую» структуру. М.О. Косвен писал, что «собрание адатов Даргинского округа – основательный и разносторонний сборник, содержащий уголовное право, которое разделено на общее право и частное право каждого из семи обществ, входящих в Даргинский округ» (Косвен, 1958: 224) (последнее еще делилось соответственно количеству джамаатов в каждом «вольном обществе»).

Мы отмечали, что при всем единстве (до идентичности) адатно-правовых систем каждый из кодексов определенно партикулярен и как свод и по каждому пункту в отдельности. Если сравнить два низовых, «паритетных» уровня, судебники джамаатов Тидиб и Мачада (общества Гидатлинского союза), обнаруживается, что, несмотря на то, что оба они направлены на решение одних и тех же правовых задач, более 50% их пунктов не совпадают между собой. Такова же картина при сравнении между собой общих сводов независимых друг от друга «вольных обществ» Келеба, Андалала, Гидатля (К сожалению, кодексы остальных крупных и независимых «вольных обществ» Западного Дагестана, таких, как Андийское, Каратинское, Гумбетовское и др., дошли не в подлинном, а в переизложенном и переработанном во второй половине XIX в. для судебной практики виде.). Вряд ли мы совершим большую погрешность, если присовокупим сюда же и Кодекс законов Умму-хана Аварского. Дело в том, что законы Умму-хана совершенно неотличимы от законов перечисленных «вольных обществ» или отличаются столь же, сколь и те между собой

Таким образом, единое право Горного Дагестана было как бы рассечено на множество кодифицированных сводов, каждый из которых также распадался на адаты конкретных джамаатов. Правовой строй, таким образом, отразил принципы «политической федерации» и территориальной «компоновки» джамаатов в союзах сельских обществ. Территориальная организация «вольных обществ», как и их политическое устройство, соответствовали этой же схеме. Существование в каждом джамаате своего адата, а в союзе обществ общесоюзного соответственно формировало юридическое сознание носителей права, что являлось фактором перво-степенной важности в формировании самосознания в пределах общин и их союзов на уровне, превосходившем обычное сознание сообщинника, на уровне политических взаимоотношений (5.3), следствием чего стало формирование этнографических особенностей в заданных пределах (5.4).

Основным и важным для общей темы выводом этого параграфа является констатация соответствия принципов правового устройства форм политической и территориальной организации, т. е. правовой строй адекватно отражал полиструктурную политическую систему, а та, в свою очередь, определила этнографическую ситуацию в Нагорном Дагестане. Точные аналогии правовому устройству, бытовавшему до XIX в. в Нагорном Дагестане, неизвестны, по крайней мере на Кавказе, и вполне естественно заключение, что правовое устройство в Дагестане явилось порождением такого феноменального политического состояния и устройства, как «вольные общества» и их союзы.

4.9. *Органы власти и формы самоуправления.* Существует общее теоретическое положение, согласно которому принципы организации власти в родовой общине «переиздаются» в соседской общине, как и все остальные составляющие звенья общественно-социальных структур, отличие составляет только то, что связи родственные заменяются или дополняются соседскими отношениями. Это положение верно в отношении джамаата лишь частично и относится скорее к формам тухумно-соседской взаимопомощи, но не к формам общественно-политической надстройки. Тухумная организация, занимавшая столь сильные позиции в общине, не обладала институционализированными формами власти, как это имело место в джамаате, и в этом смысле мы не можем говорить о «вырастании» джамаата из тухумно-родовой организации. Более того, у нас нет никакой уверенности в том, были ли вообще свойственны эти институты малым общинам: тухумного типа. Попытки пролить свет на этот вопрос, хотя бы по отношению к органам власти в общинах предшествующего «урбанизации» типа («тухумных общинах»), остаются тщетными из-за того, что подобного рода материалы не отложились в источниках, а сами тухумные поселения не сохранились в функционирующем виде, чтобы «нащупать» организацию в них власти и управления. Сравнительные материалы общей этнографии свидетельствуют скорее о том, что малые общины типа тухумных до их объединения, т.е. до образования крупных (городского типа) и средних населенных пунктов, не имели специальных органов управления. (Следует со всей определенностью оговорить, что, когда мы пишем о предшествующих «тухумных общинах», речь не идет о формационно предшествующем этапе, а о коллективах, где полностью господствует частная собственность, но круг владельцев замкнут родственным коллективом в виде тухума, живущего общи-

ной.) У филиппинских горных народов ифуаго в частной собственности находятся рисовые террасные поля, и общество делится на богатых землевладельцев, средний слой и издольщиков-арендаторов. Они живут малыми (типа патронимии (Barton, 1960: 31)) родственными коллективами и не имеют никакой политической организации, осуществляющей власть (Мешков, 1982: 190, 192). Все дела решают во внутрисемейном порядке, каждой третьей семье даны права арбитра (Barton, 1960: 31). Рядом живущие бонтоки-игороты с идентичной хозяйственной и социальной структурой, но объединенные в большие деревни имеют публичную власть, сосредоточенную в руках совета старейшин, и квартальное деление (Мешков, 1982: 199). Публичную власть в виде выборных правителей и их помощников знало также племя апатани, имевшее укрупненные постоянные поселения, ведущее интенсивные формы земледелия и знавшее частную собственность членов общин на возделываемые им земли (Furer-Haimendorf, 1962: 67-68). Эти весьма отдаленные в пространственном и историко-культурном отношении аналогии взяты специально для иллюстрации того, что для малых коллективов, каковыми были тухумы, не характерна публичная власть, т.е. для иллюстрации однотипности организации форм власти, порождаемых идентичным хозяйственно-экономическим укладом.

Сравнительный материал свидетельствует, что публичная власть непосредственно в общине – явление вторичное, связанное с урбанизацией и образованием укрупненных общин или городов полисного типа. Дагестан не обнаруживает особого многообразия форм организации публичной власти, что соответствует единому типу и социально-экономическому уровню общин в Дагестане. Вместе с тем имеется некоторое разнообразие форм самой общины, прежде всего продиктованное характером расселения. Можно выделить форму рассредоточенного джамаата, характерную для высокогорного, альпийского Дагестана, где и ландшафт, и форма хозяйства делают расселение малыми деревнями (по 15–30 домов) рациональным. Наиболее выразителен нынешний Тляратинский район, который в прошлом был объединен политическим образованием Антль-Ратль (буквально «Семиземелье»). «Вольное общество», или «республика», Антль-Ратль занимало обширные малонаселенные и труднопроходимые районы Аварии у Главного Кавказского хребта и политически распадалось на семь «земель» или джамаатов: Бохнада, Глебел, Джумрут, Ухнада, Анцросо, Таш, Анцух (Норденстам, год Описание Антль-Ратля: 319). Крупней-

ший из них, Таш, состоял из 27 «деревень», 1120 дворов, наименьший, Ухнада, имел 185 дворов (Норденстам, год Описание Антль-Ратля: 321). Каждое из этих обществ включало несколько поселений, разбросанных по тому или иному ущелью. Перечислив 21 поселение, составлявшее общество Анцух, И. И. Норденстам писал, что «все сии деревушки разбросаны по горам, составляющим правую сторону реки Шура-Ор» (Норденстам, год Описание Антль-Ратля: 322). Каждая деревня, согласно Норденстаму, выбирала себе старшин, «число которых и время, на какое они должны быть облечены сим званием, не определены. Собрание старшин называется джамаатом» (Норденстам, год Описание Антль-Ратля: 326). Речь здесь явно идет о старейшинах, потому что собрание старейшин действительно именуется джамаатом. Число старейшин зависело от числа патронимии, откуда они выдвигались пожизненно. У этих «деревень» было упрощенное управление, там разбирались маловажные дела. Но если нужно было принять какой-либо закон, касавшийся целого общества, то собирались старейшины общества, их решение имело силу закона, это собрание также называлось джамаатом. «Если же кто-нибудь воспротивился бы решению джамаата или не захотел бы исполнить приговоры оногo, то его или силою заставят повиноваться, или исключают из общества, в последнем случае он должен выбрать другое место жительства» (Норденстам, год Описание Антль-Ратля: 326). Но наиболее важные дела, такие, например, как война и мир, вступление в подданство России и др., решались джамаатами всех обществ (Норденстам, год Описание Антль-Ратля: 326). Норденстам отмечал военных предводителей большую роль и влияние на этих собраниях «велладов», которые тут, вероятно, являлись основными правителями. Антльратлинцы сознавали себя одним народом, политически общество замыкалось как суверенное образование и одновременно этнокультурный регион со своим диалектом. Таким образом, первичные «деревушки» здесь политически были объединены в единую общину – джамаат, но пространственно разъединены.

Вторая форма джамаата, характерная для остальных районов Дагестана, предстает как компактный, урбанизированный тип, где каждый аул насчитывал от 100 до 1 тыс. домов. Предположительно в XIV–XV вв. в Дагестане, особенно в его внутригорной части, произошел процесс синойкизма, объединения мелких поселений в крупные, где первые стали кварталами последних, сохранив свою более раннюю административную функцию. Процесс объединения и разъединения был в истории Дагестана, судя по

всему, не единичным, а многократным, пульсирующим в зависимости от исторических, хозяйственных условий, а иногда и обстоятельств, связанных с эпидемиями. Как при объединении, так и при разъединении поселения политически оставались связаны в те же узлы: джамааты, «вольные общества», союзы «вольных обществ».

При объединении поселений возникали кварталы, имевшие административные функции, своего рода «общины в общинах».

Квартальное деление поселений играло большую роль в управлении общиной и заслуживает более пристального рассмотрения.

4.10. *Кварталы. Крупные аулы в Дагестане, как и средневековые города или поселения городского типа, делились на кварталы.* Кварталы в Дагестане имели различные названия, но наиболее распространенными были «мехле», «авал». Квартальное деление примечательно тем, что оно, редко совпадая с тухумным делением общины (Исламмагомедов, 1967: 118), имело самостоятельную топографию и играло роль специального деления для представительства в общинной администрации.

Квартальное деление кавказских, и в частности дагестанских поселений неоднократно привлекало внимание исследователей. Наиболее пристально его рассмотрел М.О. Косвен, полагавший что кварталы – место обитания патронимической единицы (Косвен, 1963: 190-194). Это положение естественно вытекало из того, что М.О. Косвен считал тухум патронимией, а одотухумные поселения – патронимическими (Косвен, 1963: 190-194). Материалы свидетельствуют, что есть случаи соответствий и несоответствий кварталов тухумам. Считается, что эти несоответствия были явлениями вторичными, поздними производными от первичной, патронимической природы квартального деления. «С течением времени, – писал Косвен, – кварталы теряли свой исключительный патронимический характер, и в данном квартале оказывались две или несколько патронимии» (Косвен, 1963: 191).

Однако кварталы, потерявшие свой «исключительный патронимический характер», были господствующими, а тухумное и квартальное деления совпадали крайне редко. В Анди, крупном селении и политическом центре Андийского «вольного общества», состоявшем из шести основных тухумов, имелось три квартала («реххун»): Гьилареххун, Гьикьуреххун, СатТалал. Они не принадлежали отдельным тухумам. Эти кварталы имели свои годеканы и мечети, где решались квартальные дела и отправлялось бого-

служение. Для решения общеаульских дел старейшины из кварталов собирались на основной общесельский годекан (у андийцев «кав») или к Джума мечети, где по пятницам отправляли пятничную молитву «всем миром». По кварталам андийцы устраивали и празднества, в том числе праздник «выхода плуга». По кварталам составляли очереди по ряду, по уходу за скотом, стада также составлялись по кварталам. По кварталам производили жеребьевки на сенокосы. Кварталы имели своих управляющих, именуемых «нусил бетер» (буквально «сотник»), своих исполнителей («доргахъол»). Они представляли собой административную единицу в общине. «Если населенный пункт являлся сельской общиной, то махЛа (квартал. – М.А.) был ее самоуправляемой единицей и имел своего старшину (вакил)», – писал Л. И. Лавров (Лавров, 1968: 160). Квартальное деление производилось, по словам Чиркевской хроники, для удобства управления общиной.

Своим происхождением кварталы частью действительно были связаны с так называемыми «однотухумными» поселениями, которые, слившись, сохраняли территориальное единство и, как видим, внутреннее самоуправление. Общей этнографии известны случаи, когда такие самоуправляемые кварталы, если община была слаба, становились ведущими (Hatton, 1921: 35). Но кварталы в урбанизированных поселениях или городах Дагестана занимали подчиненное положение по отношению к общине, составляли ее административное деление. Связь кварталов с тухумами вполне реальна, но не всеобъемлюща. Она наблюдается только в тех случаях, когда целый тухум компактно заселял ту или иную часть аула, образуя квартал. Аульская община выделяла участок для застройки какой-либо новоприбывшей семье, вокруг со временем расселялись потомки новоселов и образовывался квартал. Если сливались поселения, каждое из которых содержало несколько тухумов, то слившиеся поселения продолжали иметь свое управление и другие автономные функции, но в этом случае кварталы были уже не тухумными. Все эти моменты, однако, не должны заслонять основное деление и функции кварталов, прежде всего как территориально-соседских административных единиц в самоуправляемой общине.

Происхождение кварталов – малоисследованная тема, но достоверно, что их генезис связан не столько с фамильно-родовыми клановыми группами, сколько с самим процессом урбанизации. В древних восточных городах кварталы являлись неотъемлемой частью поселения: «Каждый сектор города имел сеть маленьких уло-

чек, разбивающих город на блоки... Каждый такой блок окружен стенами и обладал определенной степенью автономии, он имел собственные водоемы (можно вспомнить водоем квартала Табахлу в Кумухе. – М. А.), святыни, священные деревья и храмы, посвященные локальным божествам...» (Литвинский, 1981: 123). Весьма показательны строки из Чиркеевского источника, где говорится, что поселение разбили на кварталы, когда увеличилось население (3.17).

Малые селения не имели кварталов, у них были концы стороны («рахъ»). Основное отличие концов заключалось в том, что они не носили никаких признаков административного деления, тогда как крупные общины имели сеть кварталов, соподчиненных общине, с ограниченной автономией внутреннего самоуправления, с правом на представительство в общинном управлении, со своими хозяйственными объектами (ток, печь, мельница, иногда водоем), культовыми сооружениями (мечети, молитвенные дома), годеканом.

4.11. *Управление общиной.* Управление общиной, как и «вольными обществами», осуществлялось выбранными на год правителями, называемыми в Аварии «чIухIби», у даргинцев и южных кумыков «холоте» или «карты», андийцев «хан», «гилатаб», у богулал «адилал» и т. д. Терминологический анализ специально не проводился, но предварительно можно говорить о тюркском влиянии: «карт», «Гел» и др. Из местных названий интересны аварское «эргадулав», буквально означающее «очередной», и андийское «гилатаб» («допущенный к руководству»).

Источники содержат в основном арабские и русские названия различных должностей. В письмах, написанных по-арабски, правители джамаатов именуются ^{دژوسا} (главари) и ^{کبير} (старшие). В письме аварского нуцала Султан Ахмед-хана правители общества Андал обозначены как раисы и ^{قادة} (родоначальники) (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1870: 606-608). В арабоязычных источниках, несмотря на терминологические поиски авторов, постоянно присутствуют рядом друг с другом две группы администрации: «старшие», «главари» и «родоначальники». Иногда упоминается кадий. Думается, что это указывает на две группы совета старейшин, собственно старшин и кадия. В другом письме Ахмед-хана говорится: «Число дагестанских деревень превышает муравьев и зерна; число аварских магалов (مجلات اوارستان) более чем можно их сосчитать... Часть... их в моем соседстве считается вольною и воинственною, не служит ни

мне, ни другому иначе как за деньги и милости. В ней находятся родоначальники и старшины (كبار).

И. Гербер писал, что джара «имеют своих старшин и кади, которые ссоры меж ними судят». Относительно группы андийских народностей он отметил: «Таулинцы имеют в каждом уезде своих старшин, которых они сами между собой выбирают, а как оные им не полюбятся, то сами опять оставляют, притом кадов из духовных, которые их ссоры судят» (Гербер, 1728: 112). Хрисанф указывал: «Чиркей управляется стариками своими, тяжбы решаются кадиями» (Хрисанф, 1958: 265). Р.Ф. Розен писал, что у салатавцев избранные старшины «более одного года не остаются» и что в каждом селении по несколько «вроде наших выборных» (Розен, ИГЭД: 288). Русские источники под «старшинами» имеют в виду выборные карты или, как их называли в Аварии, «члухлби». Арабские источники и русские авторы называют и старейшин, «которые у них в почете».

Суд творили выделенные в диван (суд) представители из состава старейшин (называемых «джамаат»), правителей («члухлби») и кадий. Выдвигался также признанный в обществе «цевехъан», ведавший военными делами, каждый старшина в Джаро-Белоканском обществе, например, имел «30 конных есаулов или рассыльников» (Коцебу, ИГЭД: 258). Есаулами именовались «Гелал», они различались как «бодул Глулби» (войсковые исполнители) и «росдал Гелал» (сельские исполнители). В их распоряжении были мангуши (глашатаи) и лица с порученными обязанностями. «Цевехъан» (предводитель) также имел в своем распоряжении караульных и рассыльных для срочных боевых приготовлений. Ознакомимся подробнее с организацией власти.

3) 4.12. *Народное собрание.* Народное собрание *руккел* (этимология слова не ясна, похоже, от слова «раккизе»-появится, поведется.) созывалось ежегодно, весной, после проведения праздника «Первой борозды», и в наиболее важных случаях и являлось верховным органом правления. Существуют предания о созыве народных собраний для принятия (утверждения) законов, об ораторах, которые выступали на собраниях, где исключительно ценилось красноречие. О созыве собраний свидетельствует ряд постановлений, где имеются преамбулы, такие как: «Здесь приводятся обеты и соглашения, состоявшиеся между жителями...»; «цекобцы согласились с того, кто первый начнет повторную драку...»; «цекобцы договорились не допускать, чтобы два тухума вместе напали на один тухум» (Памятники, 1965: 62). Вопросы войны и

мира также решались на народном собрании. Народное собрание созывали мангуши (глашатаи). Женщины на «руккел» не допускались, как и дети до 15 лет. На народных собраниях сначала высказывались старшие, потом лица среднего возраста, только затем люди помоложе, которые вообще без особого приглашения к разговору не подавали голоса. Неизвестно, какова была процедура голосования, но сохранившееся выражение «Разияс килиш борхе!» (согласный пусть поднимет палец!) говорит о том, что голосование было открытое.

Несколько штрихов, рисующих народное собрание уже при российских властях в Джаро-Белоканском обществе в начале XIX в., оставил хорошо осведомленный французский консул в Тифлисе кавалер Гамба. Его описание процедуры проведения народного собрания является, возможно, единственным, и подробности интересны. «Обычно, получив от кавказской администрации какое-либо извещение, – писал он, – оповещают о нем джамаат. Присутствующие при этом по старшинству выступают с изложением своего мнения и с предложением своего мнения, затем молодые. Но случаются нарушения: молодые люди, настроенные, как правило, радикально, нападают на осторожность старейшин. Иногда дело доходит до драк, и несколько раз даже проливалась кровь. Решения джамаата записывались на арабском языке», Далее: «Старики и кевхи, составляющие джамаат, садятся в круг, подгибая ноги, учитывая важность этикета на занятие мест. Молодые люди, которые могут там оказаться, располагаются сзади, стоят опираясь на ружья или толстые палки, которые постоянно держат в руках, когда нет оружия.

Наиболее старые рассматривают дело, предлагают вопрос, которым заняты. Если это какие-то запросы русского правительства, они оповещают, показывая бумагу: тогда каждый говорит согласно рангу старшинства и дает свой совет. Этот порядок долго не сохраняется: они возбуждаются, кричат, шум становится ужасным. Молодые люди настроены экстремистски, бывают часто драки и несколько раз проливалась кровь. Те, кто чувствует себя виновным в нескольких преступлениях, те, кто особенно подозревается русским правительством, всеми возможными действиями стараются создать партию среди молодежи, которая в случае необходимости защитит их от суда джамаата» (Gamba, 1826: 100).

В 1960 г. я записал информацию у 100-летнего Али-Мирзы из Анди, который был участником народного собрания в сел. Анди в 1877 г., где решался вопрос о принятии андийцами участия во все-

общем восстании в Дагестане. Наibu Герею удалось отговорить народ от восстания, убедив аргументами сторонников немедленно выступления.

Ни предания, ни источники не сохранили сведений о том, как можно было явиться на «руккел» – вооруженным или без оружия. Не сохранилось также ни одного постановления о процедуре решения дел на «руккеле».

Созыв народных собраний, судя по всему, был очень редким явлением. «Руккелу» предлагалось утверждение заранее решенных на совете старейшин и собрании представителей тухумов и старшин дел. Р.М. Магомедов справедливо считает, что эти собрания потеряли в XVIII в. свое значение, их функции все чаще осуществлялись через представительство и публичной властью. В преамбуле Гидатлинских адатов сказано: «Старейшины Гидатлинского общества согласились ради торжества справедливости принять следующее...» (Гидатлинские адаты, 1957: 15). Народные собрания созывались спорадически, когда возникали особо важные вопросы. Мы имеем следующее свидетельство келебского свода: «Если сельские исполнители не соберут старейшин или целое селение, то с них взыскивается одна овца» (Памятники 1965: 77, 78). Или: В своде решений для Андалалского союза обществ имеется пункт: «Если кто по вызову на сход в назначенный день не придет, с него взыскивается котел» (Памятники 1965: 65), но если «жители одного селения не придут в назначенный день на собрание, с них взыскивается один бык». Собрания отличались дисциплиной, руководил ходом обсуждения особый ведущий. Дисциплина на собраниях была замечена еще Н. Вороновым, который неоднократно наблюдал их ход и заключил, что «дисциплиной на сходках дагестанцы отличаются» и что «эта дисциплина есть плод стародавности дагестанского склада жизни» (Воронов, ССКГ, 1870: 20).

Народное собрание как высший законодательный орган имело значение вплоть до окончательного присоединения Дагестана к России, во второй половине XIX в. его роль низволится до совещательной сходки, вся власть переходит в руки назначенных властью старшин.

Источники фиксируют собрания целого союза «вольных обществ» (Акуша-Дарго). Показательны рекомендации князя Аргунинского, начальника Даргинского округа: «Кроме обыкновенного, при решении дел магальными кадиями или главным кадием бывают еще в Даргах собрания по магалам (т.е. по «вольным обществам», входившим в Акуша-Дарго. – М.А.) для рассуждения о де-

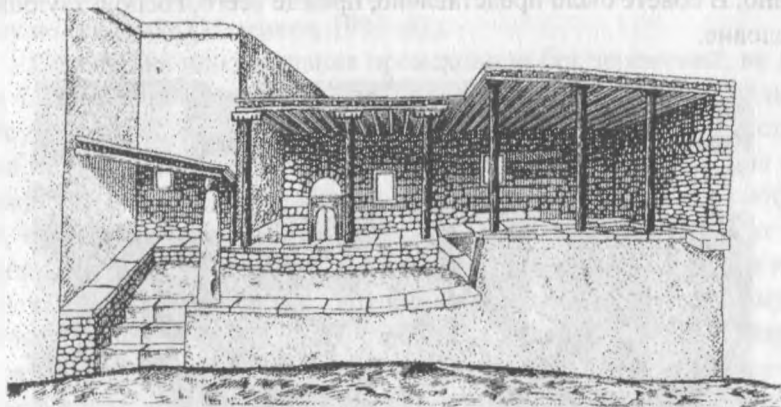
лах общественных. Такие сборы, особенно со всего округа, вы должны всеми мерами отклонять, действуя при этом с благоразумием и уклончивостью и стараясь, чтобы те обстоятельства, о которых предположено было бы рассуждать на общем сборе, были решены через посредство вашего рассуждения с почетными лицами, которых вы можете для этого к себе требовать, не всех вместе» (Брюханов, 1947: 161). Замечательно высказался о месте проведения народного собрания представителей конфедерации Акуша – Дарго генерал и просветитель Алиханов Аварский, – пишет он в газете «Кавказ» в 1867-м году: «Перед Левашами (простирается) так называемый Дерка или Дуз-Майдан. Эта достопримечательность ничто иное, как довольно обширная равнина на краю дороги, весьма удобная для скачек и для состязаний всякого рода, но с нею связаны воспоминания о днях независимости даргинцев, составлявших до присоединения к России, нечто вроде теократической республики или, вернее, семи вольных обществ, из коих, каждое управлялось своим наследственным или выборным кадием, причем за акушинским кадием сохранялась всегда роль, так сказать, президента союза. Здесь, под открытым небом, ежегодно в мае месяце проходили периодические народные сборища даргинцев для обсуждения и решения важнейших внутренних и внешних дел всего союза, всякого рода, причем отдавалась должная дань состязаниям и играм, не исключая конечно, и приличных возлияний в честь Бахуса.

В последний раз даргинцы собрались на Дюз- Майдан с оружием на руках чтобы отомстить губденцам, позволившим себе своевольно расправиться на границе с даргинскими пастухами. Народ собрался по обычному призыву акушинского кадия, но без ведома и разрешения русского начальства, за что главные зачинщики поплатились ссылкой в Сибирь». (Алиханов Аварский.: 60) «Кавказ», 5 марта 1895 года, № 60).

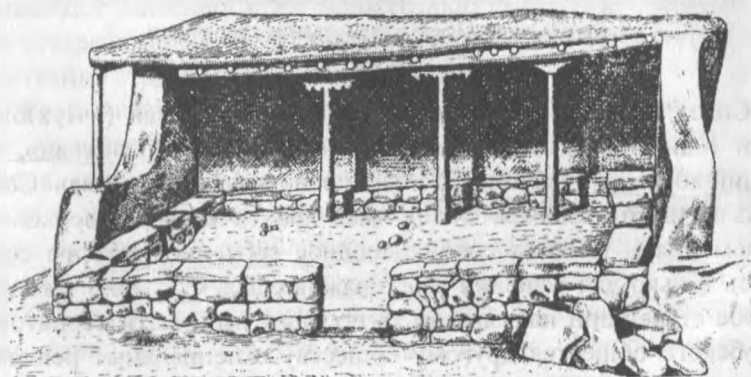
Важная роль народного собрания как высшего органа и ограничение им власти правителей – наиболее характерная черта общественного строя, сложившегося на основе античной формы земельной собственности: ни один из собственников и совладельцев не хотел быть в стороне, в силу вступал феномен «власти-собственности», как образно определил его Л.С. Васильев (Васильев, 1982).

4.13. Совет старейшин. Представителем «руккела» являлся совет старейшин («джамаат»), его члены носили звание «джамаатчи» (авар.), никто из них не мог быть моложе 40 лет. В этом воз-

расте отдельные лица из каждого тухума (малочисленного) или его подразделений (патронимии) призывались в число старейших. Выход осуществлялся формальным самоотречением (невка на место заседания). Обычными мотивами выхода из совета были достижение слишком преклонного возраста, снижение по старости умственных возможностей, здоровье, религиозное отречение от мирских дел, наличие в составе старейшин близких, более подходящих родичей.

Сел. Ахты. Место заседания совета старейшин. Зарисовка

Сел. Микрах. Место заседания совета старейшин. Зарисовка

Отбор в совет старейшин был направленным. В их число не допускались лица лагского сословия до уравниения последних в правах; люди, опороченные каким-либо личным проступком или с

неадекватной в поведенческом плане реакцией на чужие поступки; «абстракционисты», малокоммуникабельные и не способные к общественной деятельности в силу умственной отсталости или иной, чем принято в обществе, ценностной ориентации, чужаки и, как правило, бедняки. Внутри совета старейшин царила такая атмосфера, что любой, кто не соответствовал ей, самоустранялся, случалось и так, что ему «указывали на свое место», т.е. на дверь. Таким образом, число «джамаатчи» было совершенно неопределенно. В совете было представлено, прежде всего, господствующее сословие.

Сел. Рудаб. Навес для заседания старейшин

Совет на один год назначал группу правителей («члухъби»), судей («диванчи»), самостоятельно выдвигался «цевехъан», ведавший военными делами. Это были основные «ведомства». Совет же назначал и казначея. Совет имел практически все верховные полномочия и заменил собой народное собрание, которое созывалось только для решения особо важных дел. Согласно закону, в Цекобе старейшин наказывали за продажу ими части территории Цекобского общества другому обществу. Специальные решения, ограничивавшие права совета, также свидетельство его больших полномочий.

Совет старейшин не имел особого помещения для заседаний, кроме годекана. Годекан – это общественная площадь, как правило, в наиболее удобной части аула. Иногда устраивался широкий навес и сидения под ним на открытой части площади. Порой сиде-

ния были четырехугольными в плане и сделаны весьма искусно, особенно в Южном Дагестане. На годекане проходила также вся публичная жизнь общества, начиная с ремесленной деятельности, торговли и кончая спортивными состязаниями и народными собраниями. Исключение составляло Кубачинское общество, где самое лучшее из общественных зданий «Хала-хьулбо», стены которого были украшены камнями-барельефами на темы из мифов и общественного быта, принадлежало старейшинам и правителям, а также особым мужским организациям «Чинне», «Батирте» и «Союзу неженатых» (Маммаев, 1984: 43).

Совещания или заседания происходили без церемоний, но вел их наиболее авторитетный член совета, следивший за порядком обсуждения. К сидящим старейшинам никто на близкое расстояние не подходил, тем не менее если они хотели удалиться для обсуждения вопроса, который не имели права предавать гласности, то, возможно, собирались в чьем-либо доме. Келебский адат запрещал беспокоить старшин во время такого собрания: «Если кто, не считаясь с авторитетом старейшин, ради забавы бросит камушки в помещение, где они собрались, то с него взыскивается штраф в размере одной овцы» (Памятники, 1965: 75). Правда, здесь надо иметь в виду, что келебский источник под старейшинами, возможно, имеет в виду правителей общины – члухIби». Особенно убеждает в этом параграф 59 того же закона, где говорится, что, «если кто обратится с жалобой к джамаату, сельские старейшины к нему применяют насилие» и т.д. (Памятники, 1965: 75). Очевидно, что под «старейшинами» в этом пункте подразумеваются «члухIби», а собственно старейшины названы «джамаат».

Круг разбираемых советом старейшин дел был самым широким, начиная с установления режима эксплуатации «мегь», вопросов, связанных с военными выступлениями, заключением договоров, принятием законов и т. д. вплоть до самых маловажных. Закон преследовал назойливых в просьбах к старейшинам: «Если кто назойливо будет просить джамаат (старейшин. – М.А.) простить штраф, с того взыскивается штраф в размере одной овцы» (Памятники, 1965: 75). Тот же Гамба пишет: «Кевхи и несколько наиболее уважаемых стариков собираются возле мечети, чтобы рассудить различные дела, могущие случиться между жителями, прочесть бумагу, полученную от русских и т.д. (Gamba 1821: 100).

Их совещания фиксируются писцом, называемом дибиром, который прикладывает свою печать. В небольших селениях эти функции выполняет мулла. Если дело большой значимости, дожи-

даются пятницы и объявляют его перед всей общиной. Часто маленькие села выносят свои спорные вопросы на суд джамаата больших и богатых сел и подпадают под их решения: чары, очевидно, пользуются этой честью».

Если они занимаются вопросами, касающимися всех общин, то они собирают главный сбор, состоящий из всех кевхов и всех наиболее значительных людей. Там занимаются вопросами войны, мира и финансов. Несколько раз они собирались, чтобы положить конец разногласиям, ссорам, возникшим между деревнями.

Итак, совет старейшин – высший после народного собрания орган, который можно сопоставить (с учетом ряда особенностей и в упрощенном варианте) с органами правления в древних гражданских общинах. Авторитет совета старейшин вытекал, прежде всего, из его роли в обществе, сложившейся исторически. Особое уважение, которое питают и поныне к старшим, не только как к таковым, но более всего к их мнению, является пережитком общественно-политической формы гражданского самоуправления в общине, в этом его отличие от естественно-социальной роли старших в примитивных обществах (геронтократия). (У народов, прошедших сходный путь общественного развития, уважительное отношение к старшим чрезвычайно живуче и держится, даже когда они живут в иноэтническом окружении (Anthropology, 1981: 150)). При росте кланового засилья или утверждения феодального единовластия совет отеснялся на роль совещательного органа, но всегда сохранял за собой функции самого авторитетного учреждения во время разбирательства конфликтных ситуаций: кровных тяжб, апелляций лиц или тухумов к другим лицам, тухумам или обществам, при просьбах об установлении мира, при территориальных конфликтах и т.д. В данной политической форме и ее функциях легко усмотреть орган «гражданского» самоуправления со статутом представительного органа всей общины (или их союза), т.е. совет старейшин представлял народное собрание «руккел», почему, собственно, и назывался «джамаат». Очевидно, что совет старейшин вырос из древних потестарных форм, известных в общей этнографии как геронтократия, как, впрочем, и сенат в Древнем Риме.

Любопытно, как в дагестанских вариантах довольно распространенной по всему миру легенды (кочующий сюжет) об умерщвлении стариков рассказывается о том, почему отказались от этого обычая. Есть смысл изложить этот сюжет, ибо в нем отразились мотивы дидактики в виде удивительно точной и лаконичной схемы

роли прошлого в настоящем. «Однажды, – повествуется в предании, – когда сын плел специальную корзину, в которую предполагалось заключить отца, чтобы сбросить его, согласно обычаю, в ущелье со скалы, отец сказал: «Вяжи крепкую корзину из прочных прутьев». Сын спросил: «Зачем?» Отец ответил: «Чтобы корзина и для тебя осталась цела». Сын задумался над словами отца и оставил его в живых. Так исчез в горах обычай убивать стариков». В другом гидатлинском сюжете воздается должное мудрости стариков в той же коллизии отказа от обычая умерщвления стариков. После одного из сражений, которое гидатлинцы проиграли хунзахским ханам, общество должно было дать компенсацию (контрибуцию) в виде земли или скота. На сходе решили дать скот, а драгоценную землю, свою территорию оставить неурезанной – это казалось мудрым решением. Но один из членов собрания высказался иначе: нужно отдать землю, а скот приберечь. Дело в том, доказывал он, что мы вскоре соберемся с силами, отвоюем землю, и она будет наша, если же отдадим скот, то навсегда лишимся его. Все согласилось с говорившим, но спросили его, кто научил его этой мысли. Он ответил, что это сделал старый отец, которого он тайком укрыл дома, когда в обществе убивали стариков. Гидатлинцы решили оставить стариков в живых и без их согласия ничего не делать в джамаате. Так рисует происхождение совета старейшин гидатлинский фольклор. Совершенно очевидно, старейшим приписывалась мудрость, недоступная остальным, и они считались наиболее подходящими лицами для решения важнейших дел общества.

5) 4.14. *Правители.* Следующий постоянно действующий орган – «чIухIби» (правители, старшины). У лезгинских народов и Закавказских аварцев – «кевхи», у даргинцев «шила-холоте, джамаатла-холоте» и т.д. у всех народов Дагестана свои названия. Они ежегодно избирались народным собранием или назначались советом старейшин. Есть свидетельство, как в крупном джамаате Мекеги (Акушинская конфедерация) правителя джамаата избирали из 11 кандидатур по числу кварталов. В день выборов под наблюдением стариков перед мечетью ставили одиннадцать глубоких глиняных кувшинов, они были именными с именами кандидатов на каждом из них. Предварительно на глазах у всех их переворачивали вверх дном и трясли, чтобы всем было ясно, что они пусты. Мангуш собирал избирателей возгласом: «У кого есть *холамурч* (большая плеть для быков во время пахоты) собирайтесь!». Смысл обращения глашатая к односельчанам в том, что полноправным

членом джамаата может быть только владелец своего поля. Неполноправных землевладельцев в Мекеги не было. Избиратели гуськом проходили мимо ряда кувшинов, квартальные представители читали вслух неграмотным написанные на них имена кандидатов. Подходя к кувшинам, каждый показывал всем пустую ладонь, после чего получал от стариков особого вида камушек, брал его двумя пальцами, показывая собравшимся. Зажав камушек в кулак, избиратель опускал руку во все кувшины, оставляя его в одном из них, что обеспечивало тайну голосования. Вынув руку из последнего кувшина, избиратель вновь показывал всем пустую ладонь — выбор совершен. Непрерывная череда людей двигалась быстро. Правителем становился тот, в чьем кувшине находили наибольшее число камушков. После чего правителя приводили к присяге (Р. Магомедов, 1995; 325).

Это был, прежде всего, исполнительный орган. Полномочия «ЧухIби» были обширны и им обеспечивалась неприкосновенность: «Если кто ударит сельского старшину, то с него взыскивается 3 овцы» (Памятники, 1965: 97), «если кто подрался с сельскими исполнителями, с того взыскивается штраф в размере одного быка, который стоит 6 голов овец» (Памятники, 1965: 75). Любопытно также ограждение их от некоторых адатов: «Если кто возьмет ишкил у кадия округа («вольного общества». — М. А.), у старшины или мангуша или его посланника, с того взыскивается один бык» (Памятники, 1965: 65).

Мы точно не знаем, какое материальное вознаграждение полагалось общинным властям за службу, но они имели ряд привилегий, такие, как полное освобождение от общественных работ, выделение специальных сенокосов, внеочередное право на воду и т.д. По некоторым данным, в пользу исполнителей поступали штрафы, но община боялась, что это может привести к их слишком рьяной деятельности и произволу. В Келебском обществе был принят закон, по которому сельские исполнители ежегодно должны были приносить присягу, что они правильно взимали штрафы (Памятники, 1965: 76).

«ЧухIби» из своей среды выбирали управителя, который в отдельных аулах назывался «бегавул» (тюрк.), «росдал бетIер» (голова села) или с начала XIX в. до 60-х годов, а в некоторых небольших аулах вплоть до установления Советской власти «нусил бетIер» (голова сотни). В качестве старшин или правителей не допускались родственники: «Запрещается назначать на одно место

правителем отца и сына или двух родных братьев» (Памятники, 1965: 265).

Хроника Анди утверждает, что каждое андийское селение имело управителя, «хана», который избирался ежегодно. Впрочем, отдельные полевые материалы не подтверждают повсеместности господства единого выборного главы общества типа юзбаши Предгорного Дагестана. В большинстве джамаатов управление совершалось правителями. Согласно информации, полученной в Гергебиле, правители общества всегда выбирались из тухума Гумарчилал. Очередь быть избранным правителем делилась между несколькими лицами этого тухума. Один из них, не пожелавший уступить правление другим, был убит за узурпацию власти. Это любопытный образчик того, как к управлению обществом пробивались отдельные тухумы; происходила борьба джамаата против «феодализации» или своего рода тиранизации общества, в данном случае успешная.

Предания, связанные с тем же сел. Гергебиль, гласят об истреблении феодалов хлехъдальцами, последний, кто собирал с них «магъалу» (дань), был Члучлил ХлАбиб.²⁹ Местным краеведом записано и опубликовано памятное предание о неудачной попытке изменить в обществе Хиндалала (Койсубулу) общественный строй на иерархическую структуру (или на «феодальную» форму)

Рассказ о Буртил Исак – об унцукульском, так сказать, Бруте. Перевод с аврского. «Последним из предводителей ансальтинцев был Усманов Нурмагомед. Он был представителем большого (сильного) тухума и хитроумный (сихлирав) человек. В его время селение Унцукуль было большим и стало главным в Хиндалале. Там было много готовых к героическим делам молодых. В его время в селе были твердые правила в общественном быте (кьвакIраб гIадлу низам). Вокруг Унцукуля объединились не только ближайшие, но и другие селения Хиндалала. Однажды Нурмагомед заявил, что все хиндалальцы должны следовать за ним, как и маарулаI следуют за хунзахским ханом, то есть все жители долин, «где растет хоть одно абрикосовое дерево». Многие с этим согласились. У Нурмагомеда было много авторитетных друзей: Буртил ГIисакъ, ГIалил Гъазимухаммад, ХIанзалав, ИшгIулав и др.). Однажды Нурмагомед устроил большой прием с богатым угощением, созвал известных людей и своих друзей. На этом пиру он сказал, что они его должны избрать ханом Хиндалала и что каждого из вас нужно назначить правителем каждого села,

²⁹ (Полевые записи автора 1981 г. Информатор М. Курамухаммадил, 93 г.).

входящего в наше общество (бо). Затем он сказал, что, как и хунзахский хан, мы тоже должны обложить данью все хиндалальские села. «Вначале с каждого двора по одному яйцу, затем дань будет увеличиваться»—пообещал он. Надеясь на то, что и они получают долю от сборов, некоторые из присутствующих согласились. Буртлил Исхлак категорически возразил (тлирун данде члун вуго).

«Освободившимся от насилия (зулму) хунзахских ханов свободным хиндалалам твое ханство не нужно. Сегодня ты будешь взимать по одному яйцу со двора, завтра потребуешь с них по одному быку. Ты наверное это имеешь в виду?», — говоря так и бросив на пол кусок мяса, что ел, Буртлил Исхлак встал — неужели ты думал возместить свои расходы на этот пир нашим согласием на твое ханство?».

Часть из пирующих поддержали Исхлакья, другие Нурмагомеда. (С этих пор, говорят, унцукульцы не единодушны в решении вопросов, касающихся села). К Буртлилу Исхлаку, когда он находился на своем хуторе, в гости пожаловал некий житель селения Игали. Гость сказал, что он пришел в Унцукуль для того, чтобы получить письменное разрешение на дальнейшее путешествие от Нурмагомеда. Хозяин его хорошо принял и спросил: «Кто тебе сказал, что нельзя отправиться в путешествие без письменного разрешения от Нурмагомеда?». — «Наш бегавул объявил всем жителям Игали, что выходящим в дальнейшее путешествие нужно иметь разрешение от Нурмагомеда» — отвечал гость. Возмущенный словами гостя Буртлил Исхлак палкой избил его и связанного доставил гостя на границу владений селения Ашильта. Сказал: «Вы, игалинцы, не предавайте такие права и ханство (ханльи) Нурмагомеду. Кто бы и откуда он не был, будь из вашего селения или из другого села, также будет наказан, если придет сюда за бумагой к Нурмагомеду» — напугствовал гостя хозяин.

После этого случая, Нурмагомед говорил, что его унизили, и что это дело он так не оставит, что непременно убьет Буртлилу Исхлакья. Нурмагомед имел много пахотных и пастбищных земель, хутора в местности Гебегалиль. Выше на границе пас своих овец и содержал скот Корочиласул Глали. Пастухи Нурмагомеда воровали баранов Глали, каждый раз, когда овцы оставались без присмотра. Однажды Нурмагомеду, который пришел на хутор к своему имению, которое, как уже говорилось, было расположено на границе с землями, принадлежавшим с. Бетли в местности Гебегалиль. Глали сказал Нурмагомеду, что твои чабани воруют

моих овец «Я гъарин НурмухIаммад, хварав чиясда хадур хъвезе баракшаралдир куйдул, дур гIухъбуца рикъун тIагIинарулел руго – ян».

«Не чабаны воруют твоих баранов, а мои девицы!».

Эти слова привели в ярость ГIали. Он обнажил кинжал и удалил им по шее Нурмагомеда, сидевшего на коне. Раненого Нурмагомеда понесли в село. Смертельно раненый Нурмагомед просил, чтобы его не несли мимо дома БуртIил ИсхIакъа. Вскоре он умер. Люди тухума и приверженцы Нурмагомеда поспешили в селение Бекъиль, чтобы отомстить за кровь и потребовали выдачи ГIали. Сельчане, боясь столкновения с большим селом убитого, просили ГIали, чтобы он вышел из мечети и сдался, что его пощадят. Тот не вышел и был убит в мечети³⁰. Это, по словам унцукульцев, подлинное происшествие, перекликается с гергебильским преданием, согласно которому тиран был убит. Предания, связанные с сел. Гергебиль, гласят об истреблении феодалов хIехъдалъцами. Согласно преданию, последний, кто собирал с гергебильцев «магъалу» (дань), был ЧIучIлил ХIабиб³¹. Внимания достоин термин «эргадулал», которым здесь обозначали правителей: «эрга» значит «ряд», «очередь», «-улал». суффикс множественного числа. Термин связан с очередностью правления род гражданской повинности и вполне соответствует организации власти для данного типа общин. В обоих случаях интересна борьба общин против узурпации гражданского самоуправления, своего рода тираноборство. В этот же контекст напрашивается еще одно предание о борьбе с насилием физически сильных личностей. В данном случае речь идет не о претензии на ханство, а об аморальном и физически сильном человеке.

В Салатавском «вольном обществе» «выбранный старшина остается в этой же должности, пока пожелает сам или общество само заменит его другим, если он окажется неспособным, исключая Чиркея и Чир-Юрта, в которых старшины избираются ежегодно, по одному из каждого тухума и приводятся к присяге в том, что они беспристрастно будут исполнять свои обязанности. И хотя большая часть их остается в этой обязанности в продолжении не-

³⁰ Это замечательное предание сохранилось в моих записях со слов Нурмагомедова Араканского, в более пространной редакции изложено Саадулаевым М., со слов Шагъазова Магомеда, умершего в глубокой старости в 1940 году. Шагъазов происходил из рода претендента на ханство.

³¹ Полевые записи автора 1981 г. Информатор М. КурамухIамадил, 93 г.

скольких лет сряду, но не иначе как по ежегодным выборам общества» (Рук. ф. Д. 169. Л. 9).

В Чохе в соответствии с числом кварталов было шесть приводимых к присяге и переизбираемых ежегодно старшин. Чохцы в 1810 г. писали в Тифлис генералу Тормасову: «... этот Мухаммед-кази, который прибудет к вашему двору с намерением оказывать вам услуги, есть один из шести наших почетных старшин» (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1873). Численный состав «члухIби» определялся, однако, не единственно числом кварталов, в их состав могли войти и по одному представителю от тухумов. Например, в Кубачинской общине было 12 старшин (Жоцебу, 1826: 258) (по другому источнику – семь (Памятники, 1965: 21)), в Джарском – 30 (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 350.), в Башлинском джамаате – 6, в Уркарахе – 12 и т. д. (Памятники, 1965: 14).

В Акуша-Дарго организация власти как в аулах (отдельных джамаатах), так и «вольных обществах» и союзе «вольных обществ» носила наиболее упорядоченный характер. Вообще Акушинский союз представляется наиболее усовершенствованной формой управления союзом «вольных обществ». В анонимной записке начала XIX в. говорится: «В Акуше было 4 карта («шила-холате») (аульные судьи), составлявшие сельское управление (из каждого магала по одному), и, кроме них, выбирались еще четыре карта-инспектора, они же и администраторы («джамаатла-холате»), народные судьи, которые лично не разбирали дел, но проверяли разобранные картами дела, и если находили дела, неправильно решенные, то собирали джамаат, объявляли ему о неправильных действиях картов («шила-холате») и сменяли недостойных по согласию народа, зарезав предварительно быка у провинившегося карта». Такой контрольный орган, как «джамаатла-холате», в других политических образованиях не зафиксирован и представляет большой интерес, тем более, что он частью должен был состоять только из не грамотных людей. «Шила-холате, кроме разбора дел по адату, ни во что не вмешивались, джамаатла-холате были хозяева и администраторы, они следили за исправностью дорог, мостов и мечетей и пр.» (Памятники, 1965: 14) Из того, что в записке говорится, что каждый из четырех правителей выбирался от четырех магалов («магал» – «вольное общество», союз Акуша-Дарго состоял из четырех «вольных обществ»), можно заключить, что речь идет о постоянно функционировавшем выборном органе всего союза.

Выделяется управление Ахты, которое состояло из сорока аксакалов, выдвинутых из сорока тухумов Ахты. Аксакалы управляли не только собственно Ахтынской общиной, но и общинами одиннадцати сел (Памятники, 1965: 26), составлявших «вольное общество» Ахты-пара. Это исключительное состояние, видимо, имел в виду Х.-М. О. Хашаев, когда говорил, что в основе «вольных обществ» лежали не только федерации, но и конфедерации (Хашаев, 1961: 238). Тенденции к выделению и разная степень выделения центров «вольных обществ» были повсеместными, однако такое полное возвышение, какое имело Ахты над остальными селами союза (оно было не только политическим, но и социально-экономическим и культурным), в Дагестане неизвестно. В этой связи еще раз подчеркнем, что отношения между «основными» и так называемыми «окрестными» селениями в первую очередь отражали территориальный строй: если джамаат в «вольном обществе» юридически целиком, а не условно владел своей территорией и совладел общей (неподеленной) частью территории «вольного общества», то такое общество непременно имело самостоятельное управление и статус джамаата. Еще не отделившиеся территориально отселки продолжали управляться из основного общества. В целом Ахты-пара не характерный случай, трудно судить, шел ли здесь в XVII–XIX вв. процесс «закрепощения» или «раскрепощения» от Ахты его поселений.

Типичны аварские и даргинские «вольные общества», не управляемые феодалами, состоявшие большей частью из независимых друг от друга, но политически связанных джамаатов. Власть в этих «вольных обществах» была организована точно по этой же схеме, что и в джамаате. Судя по андалальским адатам, постоянной во всем «вольном обществе» была не только должность кадия, но и старшины всего союза: «Если кто возьмет ишкил у кадия всего округа, у старшины, или мангуша, или его посланника, с того взыскивается один бык» (Памятники, 1965: 267). Явно, что речь идет об окружных должностях, так как все эти лица были и в отдельных обществах. Должность «посланника мангуша» — рассыльного по селам также свидетельствует, что речь идет об «окружном» мангуше.

6) 4.15. Суд. Суд творили специальные выбранные лица («шила-холоте» в Акуше), имевшие репутацию справедливых («витларавчи»), главным образом из состава «ч!ух!би» и «джамаата» (совета старейшин). Они составляли «диван». В обществах с большей централизацией власти сельских судей назначали старейшины всего

политического образования, во-первых, только на один год, во-вторых, они должны были приводить намеченных на должность сельских судей к присяге в том, что они «обязательно будут взыскивать штрафы с тех людей, которые провинились, что не будут подвергать штрафу невиновных и что не отступят от написанного на этой бумаге закона. Если кто из сельских судей не захочет дать присяги, то его из списка следует вычеркнуть и взыскать с него одну овцу, а на его место назначить другого. Если остальные члены сельского суда допустят в свою среду человека, не давшего присягу, то с них надлежит взыскать одну овцу» (Памятники, 1965: 267). Приведение судей к присяге – свидетельство исключительного значения, которое придавалось судопроизводству.

В каждом джамаате Гидатлинского союза «избиралось несколько судей, количество их, очевидно, зависело от числа тухумов» (Омаров, 1967: 136). «Ши́ла-холоте» в Акушинском союзе «вольных обществ», несомненно, также специализированный орган суда (4.14). Вместе с тем множество пунктов адата свидетельствует, что судьями выступали «члухИби», сами или наряду с представителями из совета старейшин. Об этом недвусмысленно можно судить по многим постановлениям, в том числе следующему: «Если кто заявит, что не пойдет к дибирю, а обратится к старейшинам...» (Памятники, 1965: 14).

Каждый джамаат, каждое «вольное общество» или союз «вольных обществ» имел своего кадия, которого выбирали на народном собрании как судью по шариату. В Андалальском «вольном обществе», например, кадия выбирали из одного и того же села и даже тухума. В Акушах кадий в XIX в. (при содействии российских властей) во главе всего союза Акуша-Дарго встал не только как духовный, но и как светский правитель. Политическое образование здесь модифицировалось в теократическое государство. Взаимопревращаемость органов управления и суда, хотя и четко разграниченных по функциям, – одна из характерных черт упрощенных форм правления, свойственных самоуправляемым общинам с раздельной собственностью его членов на основные средства производства. Однако усиление кадиев не было повсеместным. Кто действительно верховодил в джамаатах, так это сильные и знатные кланы. Кадии в основном ограничивали свои функции шариатским судом. В отдельных аулах эту роль на себя брали муллы, о чем свидетельствует ряд записей в адатах (Памятники, 1965: 97).

4.16. *Мангуш*. Мангуш (магъуш) – слово тюркское, означающее «глашатай», «вестник». Он выбирался так же, как кадий или карты, что и обеспечивало ему неприкосновенность. Мангуш объявлял решения правителей и совета старейшин народу, предупреждал о наступлении сроков сельскохозяйственных работ и обязанностях общинников в этой связи, созывал народные собрания, старейшин и т.д. Относительно Кайтагского уцмийства известно, что Башлы и Кубачи (общины городского типа) «имели у себя особых мангушей, обязанностью мангушей было созывать народ на общественные места, взysкивать штрафы и исполнять приказания старшин; в случае надобности они объезжали по деревням магала и объявляли народу, чтобы он собрался в такой-то день и на такое-то место» (Памятники, 1965: 66). Мангуш свободно распоряжался исполнителями («Гелал»). Ему люди в первую очередь высказывали свое отношение к тому или иному решению, он более всех был информирован об общественном мнении, которое высказывал правителям и старейшинам. Эта посредническая роль и тесная связь с народом делали фигуру мангуша заметной. Своего рода «посредническая» роль мангуша хорошо видна в Акушинском союзе «вольных обществ»: «В Акуше был один мангуш, он один имел право передавать все распоряжения картов и кадия народу, а также, если карты задумывали что-нибудь новое или решали важный вопрос и хотели знать мнение народа на их решение или же отмену такого (Памятники, 1965: 14). При взыскании с кого-нибудь большого штрафа вместе с несколькими барлулес (исполнители. – М.А.) посылался непременно мангуш» (Памятники, 1965: 14).

7) 4.17. *Исполнители*. «Гелал» (исполнители) известны еще как «тулгуки», «чильми», «барлулес» «доргъахъол», «чоуш» и др., русские источники называют их «полицаяи», «есаулы», «инспектора», «исполнители», «рассыльные» и т.д.

«Гелал» (аварс.) являлись силами принуждения, они не избирались, а назначались советом старейшин. Однако исполнители, имея лишь ограниченную актовую функцию, были единственным специализированным органом насилия. Вся, так сказать, «черная» работа осуществлялась исполнителями. Количество исполнителей в различных джамаатах и обществах было различно и соответствовало народонаселению и традиции. В распоряжении джаробелоканских старшин было «60 конных есаулов», в Ахтах зато только два чоуша, по одному для каждой из двух частей аула, а также для управления всеми одиннадцатью селами: «Так как во

всех селениях 1-го участка Самурской провинции не было ни аксакалов, ни чоуши, то чоуши ахтынские в случае надобности посылались в селения того участка, которым во всех отношениях управляли ахтынские аксакалы» (Памятники, 1965: 26). В Башлы было 60 гулгуков, из них 20 человек находились в Башлы, остальные «назначались поочередно с каждого магала деревни» (Памятники, 1965: 21) (имеется в виду вся округа, управляемая Башлы). В Уталмыше было 40 исполнителей, в Кубачах – 24, в Уркарахе – 60 (Памятники, 1965: 21). Любопытно распределение исполнителей по должностям в Акуша-Дарго, где они назывались «барлусес». Каждый из «шила-холоте» располагал четырьмя «барлусес», а каждый из «джамаатла-холоте» имел по два исполнителя, т.е. в распоряжении акушинских властей было 24 «барлулес» (Памятники, 1965: 14).

В Андалальском «вольном обществе» существовало правило, согласно которому если кто «из исполнителей, услышав вызов, не явится к властям округа («вольного общества». – М.А.), то с него взыскивается один бык» (Памятники, 1965: 64). Согласно правилам Келебского общества, «если сельские исполнители не соберут старейшин или целое селение (народное собрание. – М.А.), когда возникнет в этом необходимость, то с них взыскивается штраф в размере одной овцы» (Памятники, 1965: 77). Один медный котел взыскивался с исполнителя, если тот не шел брать дияг, в Гидатлинском союзе сельских общин (Гидатлинские адаты, 1957: 15). В Цекобе за плохую работу не только исполнители, но и старшины подвергались штрафу (Памятники, 1965: 99). Исполнители ежегодно приводились к присяге (Памятники, 1965: 77), отчитываясь за исправную работу.

Исполнителям разрешалось применение насилия во время исполнения своих обязанностей, но в ограниченных рамках: «Если сельские исполнители и старейшины и их помощники нанесли кому-нибудь рану, не доходящую до кости, по причине отказа раненого уплатить штраф или из-за сопротивления его существующему порядку, то с них не взыскивается ни штраф, ни выкуп за рану, однако с условием, что рана была небольшая, без перелома кости и без пробития черепа» (Памятники, 1965: 98). И наоборот, наказывались лица, оказавшие сопротивление властям, и жители, если они потворствовали этому: «Если кто ударит исполнителя рукой или чем-нибудь другим, то с того, кто ударил, взыскать одного быка. Если же удар был нанесен с согласия всех жителей селения, то с них взыскать 300 баранов» (Памятники, 1965: 63). Этот закон

интересен тем, что принят для всего союза общин, подразумевая жителей одного из входящих в него селений. «Вольное общество», таким образом, пресекало партикулярные решения сельских джамаатов.

Таким образом, исполнителям, как и всем представителям власти, был обеспечен иммунитет, но в известных пределах. Исполнители, например, не ограждались, как старшины и мангуши, от ишкила. Исполнители получали вознаграждение от штрафов, ими взимаемых, но в установленном порядке, присвоение штрафов как исполнителями, так и старшинами преследовалось: «Если старейшины (старшины? – М.А.) присвоили штрафное имущество, то с каждого, кто присвоил, взыскивается штраф в размере одной овцы» (Памятники, 1965: 90).

4.18. *Предводитель*. В джамаате выдвигался «цевехъан» (буквально «предводитель»), ведавший военной стороной общественного быта и осуществлявший предводительство во время военных походов, организации защиты или межобщинных столкновениях. И.И. Норденстам писал: «Если джамаат собран для разбирательства выгод или невыгод какого-либо предпринимаемого общего набега или других военных предприятий, тогда так называемые веллади или предводители имеют большой верх и мнением своим обыкновенно решают дело» (Норденстам, ИЭГД, 1958: 327). «Цевехъан» выдвигался по личным качествам, должен был обладать неустранимостью, решительностью, смекалкой, физическими и нравственными достоинствами, способностью располагать к себе людей и вести их за собой.

Совет старейшин поручал военное дело в «минуту зова» («ахлуд рахъин») «цевехъану». В мирное время он следил за состоянием аульских и окрестных укреплений, несением дозорной службы на башнях, перевалах и т.д. Заботой «цевехъана» было, чтобы в обществе при строительстве домов на границе аула соблюдались условия постройки, отвечавшие требованиям обороны. Те дома, которые строились на границе аула, должны были стоять впритык друг к другу или так, чтобы их стены, обращенные вне аула, составили единую фронтальную линию укрепления. Иногда встречается цельная (без швов) стена на протяжении всей внешней границы аула (Чалда, Аракани и др.). Эта единая наружная аульная стена должна была обладать установленной толщиной и бойницами. Ни один хозяин не имел права ее перестроить, закрыть бойницы или построить там нечто, что затрудняло доступ к бойнице. Любое нарушение этих правил владельцами домов через «це-

вехъана» становилось известно старейшинам, которые посылали «Гела» для разрушения пристроек и взимания штрафа. Отдельные селения имели самостоятельные оборонительные сооружения (Граббе, Материалы по истории Чечни и Дагестана, год: 417), их состояние также было заботой военного предводителя.

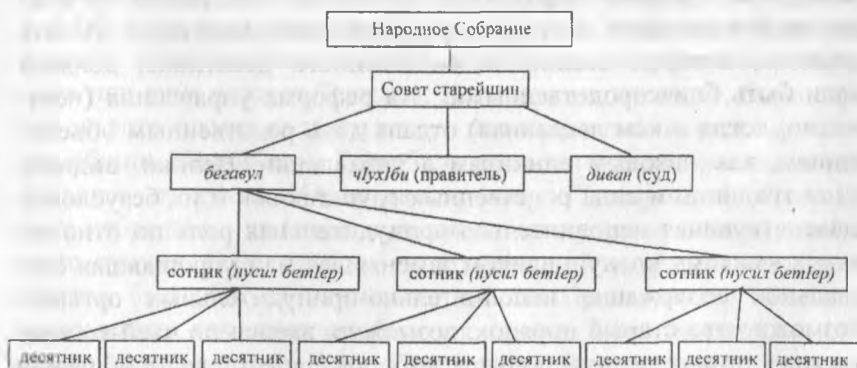
В каждой общине существовал определенный порядок назначения вестового (своего рода общественная повинность). Эта и другие повинности военного или полувоенного характера были в ведении «цевехъана». Предводитель являлся участником и организатором «гьоркьо-рукъ», своего рода мужского собрания с полувоенными функциями (Шиллинг, 1949: 47-186; Агларов, 1967: 14; Гаджиева, 1985). Эти общества еще в конце XIX в. живо функционировали у народностей андийской группы, а в некоторых общинах имели форму постоянной дружины, готовой выступить по первому зову, до сбора ополчения. В Унцукуле, например, «под ружьем» постоянно находились 100 человек (Айтберов, Нурмагомедов, год, Койсубулинский союз: 136). «Цевехъан» следил также за состоянием военного реквизита, мог поручить исполнителям проверку оружия, и если те обнаруживали отсыревший порох, отсутствие запаса пуль, ржавчину или неисправность оружия, то штрафовали виновного (Чиркеевский дневник. Информация, полученная в Чиркее в 1965 г.).

Военная организация общины, в принципе, оставаясь ополченческой, имела черты специализированности, заключавшиеся не только в военной повинности общинников, но и в гласно или негласно контролируемом общиной состоянии боеготовности и проведении систематических военных упражнений: стрельба в цель, борьба, конные скачки и т.д. В Чиркее записано следующее предание: «В селении Чика был меткий стрелок Инкъав. Однажды, когда в селении было представление пехлеванов и те показывали свою ловкость и акробатические номера, Инкъав выстрелил в лезвие ножа. Пуля расщепилась на две половины и он попросил судей взвесить обе половинки, которые оказались равны между собой в весе. Было в традиции каждую весну выходить на соревнования по стрельбе, куда привозили старого Инкъава, и он всегда выигрывал приз, заключавшийся в мешочке пороха с пулями» (Чиркеевский дневник. Информация, полученная в Чиркее в 1965 г.).

Исключительная роль, которую община придавала военному предводителю, как и военной организации, видна из любопытного постановления Андалальского «вольного общества»: «Если житель одного из Андалальских селений убьет во время тревоги предво-

дителя противника, то тому, кто убил, Андалальское общество ежегодно отдает 10 баранов и 100 мерок зерна» (Памятники, 1965: 62).

8/ 4.19. *Реформы.* Военная организация общин в начале XIX в. получила дальнейшее развитие и модификацию. Здесь укажем лишь на то, что квартальное деление аула дополнилось делением на «сотни», «десятки» с соответствующей субординацией и общим подчинением бегавулу. Подробная административная, даже военно-административная организация аула и его управления воссоздается на основе информации, полученной в сел. Ругуджа, в прошлом одного из сильных джамаатов Андалальского «вольного общества» (Полевой дневник автора за 1981 г. Л. 18-20). Селение делилось на три авала (квартала). В Ругуджа выбирали сотников («нусилбетлер») соответственно количеству кварталов, т.е. трех. Каждый сотник назначал трех десятников (см. схему). Головой («бегавул») Ругуджа выбирался один человек, для чего от 12 тухумов Ругуджанского джамаата выставлялось 12 кандидатур. За каждого отдельно голосовали на собрании джамаата и бегавулом избирался тот, кто получал наибольшее количество голосов. Информатор указывал и на то, что, когда подсчет голосов чем-либо затруднялся или кандидаты получали равное число голосов, бросали жребий. Для этого готовили деревянные кругляшки, шары, на которых писали имена кандидатов. (В Гергебиле имена записывали на косточках абрикоса.) Шары из папахи доставал малолетний ребенок. Должностные лица не получали особой платы (их деятельность рассматривалась как общественно-гражданская повинность), но были освобождены от участия в любых других общественных повинностях.

Под началом сотников и десятников не обязательно находилось 10 или 100 домохозяйств или человек, десятник мог иметь под управлением и 30 и 50 хозяйств. Особенно интересны прямые выборы бегавула из 12 кандидатур путем голосования.

Видно, что система была четко продумана и в ней использованы традиционные нормы представительства: сохранено участие основного административного и основного социального делений джамаата – три квартала, с одной стороны, и двенадцать тухумов – с другой. Эти линии административного и социального деления не повторяли друг друга, а перекрещивались.

Следствием неизвестной нам реформы являлась и административно-управленческая структура Согратлинского джамаата. Это традиционно крупный джамаат – 600–700 домов – был разбит на три части, каждая из которых называлась уже не кварталом, а тухумом. Но тухум в согратлинском понимании являлся не родственной, а административной группой. Реальных родственных групп типа тлибилей и тухумов было в согратлинских «тухумных» делениях по нескольку. Власти стремились поддержать равновесие между тремя «тухумами» во всем, особенно в отношении количества людей. Будучи «открытым» обществом, Согратль не только принимал новых членов, включая их в тот или иной «тухум», но и предоставлял им определенные льготы. Новоприбывший получал земельный участок, площадку под строительство дома, сенокосные угодья и другую помощь. За провинность с новых членов штраф взимался в уменьшенном размере (Информатор Омар Гаджи Атрачев, 1903 г. рождения.).

Согратлинский кадий, являвшийся одновременно кадием всего Андалальского «вольного общества», управлял аулом наряду с бегавулом. «Тухумы» управлялись автономно выборными от каждых десяти хозяйств. Из этих десятников выбирался совет. Десять хозяйств, которые выдвигали собственного десятника, должны были быть близкородственными. Эта реформа управления (неизвестно, когда и кем введенная) отдала дань родственным объединениям, как низовым единицам в управлении. Велики, видимо, были традиции и сила родственных группировок и их безусловно главенствующая исполнительно-принудительная роль по отношению к каждому члену, целиком заменявшая или упрощавшая специальное содержание исполнительно-принудительных органов. Возможно это старый порядок, возможно, введен по чьей-то инициативе, но интересный порядок выборов существовал в обществе Мекеги, своим размером приближавшемся к городу.

Правителя джамаата избирали из 11 кандидатур по числу кварталов. В день выборов под наблюдением стариков перед мечетью ставили одиннадцать глубоких глиняных кувшинов, они были именованными с именами кандидатов на каждом из них. Предварительно на глазах у всех их переворачивали вверх дном и трясли, чтобы всем было ясно, что они пусты. Мангуш собирал избирателей возгласом: «У кого есть *холамурч* (Большая плеть для быков во время пахоты. Смысл обращения глашатая к односельчанам в том, что полноправным членом джамаата может быть только владелец своего поля. Неполноправных землевладельцев в Мекеги не было) собирайтесь!». Избиратели гуськом проходили мимо ряда кувшинов, квартальные представители читали вслух неграмотным написанные на них имена кандидатов. Подходя к кувшину, каждый показывал всем пустую ладонь, после чего получал от стариков особого вида камушек, брал его двумя пальцами, показывая собравшимся. Зажав камушек в кулак, избиратель опускал руку во все кувшины, оставляя его в одном из них, что обеспечивало тайну голосования. Вынув руку из последнего кувшина, избиратель вновь показывал всем пустую ладонь – выбор совершен. Непрерывная череда людей двигалась быстро. Правителем становился тот, в чьем кувшине находили наибольшее число камушков. После чего правителя приводили к присяге.

Община пыталась всячески ограничить возможный произвол и злоупотребление правителями своей властью. Правителей, как и судей, приводили к присяге. В Келебском обществе был принят закон, по которому сельские исполнители ежегодно должны были приносить присягу, что они правильно взимали штрафы в пользу должностных лиц джамаата. Нельзя было выбирать правителями родственников, о чем гласит один из адатов аварцев, изданных Х.-М.О. Хашаевым под названием «Кодекса Умму-хана Справедливого»: «Запрещается назначать на одно место правителем отца и сына или двух родных братьев». Несмотря на эти меры, были случаи захвата тухумами знати власти над джамаатом или целым союзом общин. Например, в Гергебиле правители общества всегда выбирались из тухума Омарчиевых (авар. Пумарчилал). Очередь быть избранным правителем делилась между несколькими лицами этого тухума. Один из них, не пожелавший уступить правление другим, был убит за узурпацию власти. Предания гергебильцев показывают, как джамаат боролся против «феодализации» или своего рода «тиранизации» общества, в данном случае успешно.

Именно в Гергебиле избранный правитель назывался *Эргадулав* (очередной (авар.).

Наряду с законодательной и исполнительной ветвями власти в джамаате были также суд (*диван* или *махкама*). Количество судей, очевидно, зависело от числа тухумов. Вместе с тем судьями выступали правители джамаата, сами или вместе со старейшинами, имевшими репутацию справедливых людей и знатоков местного закона. Об этом недвусмысленно можно судить по кодексам и описаниям адата, в том числе записи адатов Акушинской конфедерации. В Салатавии, Джаро-Белоканском и других союзах обществ с большей централизацией власти сельских судей сроком на год назначали старейшины всей конфедерации. Перед вступлением в должность их приводили к присяге: они обязывались штрафовать правонарушителей и не подвергать наказанию невиновных, не отступать от записанного местного закона, не принимать в свою среду неприсягнувшего. Отказавшегося дать присягу, оштрафовав на одну овцу, вычеркивали из списка судей, а на его место брали другого. Приведение судей к присяге – свидетельство исключительного значения, которое придавалось судопроизводству по местному адату.

Кроме судей по адату каждый джамаат, каждая федерация или союз союзов общин имел своего кадия, которого выбирали на народном собрании как судью по шариату. В отдельных аулах эту роль на себя брали муллы пятничных (реже и квартальных) мечетей. Пластичная взаимосвязанность органов управления и суда, хотя и четко разграниченных по функциям, – одна из характерных черт упрощенных форм правления, свойственных самоуправляемым общинам с раздельной собственностью его членов на основные средства производства.

Иерархия публичной гражданской власти отражалась в военной организации общества, в минуты опасности превращавшегося в единый военный лагерь. Во главе ее стоял, как уже отмечалось, военный предводитель, у аварцев называвшийся *цевекханом*. В мирное время он следил за состоянием аульных и окрестных укреплений, несением дозорной службы на башнях, перевалах и т.д. Заботой цевекхана было, чтобы в обществе при строительстве домов на границе аула соблюдались условия постройки, отвечающие требованиям обороны. Те дома, которые строились на границе аула, должны были стоять впритык друг к другу или так, чтобы их стены, обращенные вне аула, составили единую фронтальную линию укрепления. Иногда встречается цельная стена на протяжении

всей внешней границы аула (Чалда³², Аракани). Эта единая наружная аульная стена должна была обладать установленной толщиной и бойницами. Ни один хозяин не имел права ее перестроить, закрыть бойницы или построить там нечто, что затрудняло доступ к бойнице. Любое нарушение этих правил владельцами домов доводилось предводителем до сведения старейшин, которые посылали судебного исполнителя для разрушения пристроек и взимания штрафа. Отдельные селения имели самостоятельные оборонительные сооружения, их состояние также было заботой военного предводителя.

В каждой общине существовал определенный порядок назначения вестового (своего рода общественная повинность). Эта и другие повинности военного или полувоенного характера были в ведении *цевекхъана*. Предводитель являлся участником и организатором союзов неженатой молодежи, собиравшихся каждую зиму в большом доме-крепости (авар. *гьоркьо-рукъ*), занимаясь военными упражнениями, состязаясь в силе и выносливости и устраивая пиры в складчину. Эти союзы или мужские общества играли роль инициаций, вводя юношей в полноправные члены общества. Они служили основой ополчений джамаатов и их союзов. В Унцукуле, например, «под ружьем» постоянно находились 100 человек. Эти общества еще в конце XIX в. живо функционировали у народностей андийской группы а в некоторых общинах имели форму постоянной дружины, готовой выступить по первому зову, до сбора ополчения. В некоторых горных селениях до сих пор сохранились большие дома мужских союзов. Один из них еще можно видеть в старой части с. Кванада³³. Цевекхъан следил также за состоянием военного реквизита, мог поручить исполнителям проверку оружия, и если те обнаруживали отсыревший порох, отсутствие запаса пуль, ржавчину или неисправность оружия, то виновного штрафовали.

Военная организация общины, в принципе оставаясь ополченческой, имела черты специализированности, заключавшиеся не только в почетной обязанности, но и в гласно или негласно контролируемом общиной состоянии боеготовности и проведении систематических военных упражнений: стрельба в цель, борьба, конные скачки и т.д. В Чиркее мной записано следующее предание:

³² Гергемильский район.

³³ Унцукуль – центр одноименного района, с. Кванада – в Цумадинском районе.

«В селении... был меткий стрелок по прозвищу Глухой (авар. Инкъав). Однажды, когда в селении было представление циркачей-пехлеванов и те показывали свою ловкость и акробатические номера, Инкъав выстрелил в лезвие ножа. Пуля расщепилась на две половинки и он попросил судей взвесить обе половинки, которые оказались равны между собой в весе. Было в традиции каждую весну выходить на соревнования по стрельбе, куда привозили старого Инкъава, и он всегда выигрывал приз, заключавшийся в мешочке пороха с пулями».

В начале XIX в. военная организация общин получила дальнейшее развитие. Квартальное деление аула было дополнено делением на «сотни» и «десятки» с соответствующей субординацией и общим подчинением правителю-бегавулу. Под началом сотников и десятников не обязательно находилось 10 или 100 домохозяйств или человек, десятник мог иметь под управлением и 30, и 50 хозяйств. О значении подобного преобразования можно судить по преданиям, записанным нами в 1981 г. в с. Ругуджа, одном из сильных джамаатов Андалальского союза. Прежде селение делилось на три квартала во главе с сотниками (нусил бетер). Каждый сотник назначал трех десятников. Главу (бегавула) Ругуджи выбирали из 12 претендентов, выставленных 12 тухумами ругуджинцев. За каждого отдельно голосовали на собрании джамаата; бегавулом избирали получившего наибольшее количество голосов, для чего готовили деревянные шары, на которых писали имена кандидатов. Шары из папахи доставал малолетний ребенок. Когда подсчет голосов чем-либо затруднялся или кандидаты получали равное число голосов, бросали жребий. Видно, что система была четко продумана с учетом традиционных норм представительства: сохранено участие основного административного и основного социального делений джамаата – три квартала, с одной стороны, и двенадцать тухумов с другой. Не повторяя друг друга, эти линии административного и социального деления перекрещивались.

Кавказские республики

4.20. Управление «вольными обществами» и их союзами.

Управление «вольными обществами» было таким же, как общин, но в некоторых из них более видную роль играл кадий, должность выборная, но с тенденцией к наследственному правлению. Например, в Андалальском «вольном обществе» кадия выбирали из сел. Согратль из определенной фамилии. Акушинский союз «воль-

ных обществ» – единственный в Нагорном Дагестане тип политического правления, где кадий получил верховную власть, но не абсолютную, она была ограничена выборными представителями из каждой входившей в союз общины. В Аварии фигура кадия имела больше духовное значение и только в Андалале и Акушах сложилось нечто вроде двоевластия, отвечавшего бикюридизму в правовом строе.

Управление «вольными обществами», как говорилось, ничем не отличалось от общинного. Политическим центром «вольного общества» становилось наиболее крупное село, которое в устной и старой письменной традициях чаще всего именовалось городом («шагъар»). Таковыми считались Анди, Ахты, Тинди и др. Местом постоянного функционирования администрации был центральный аул, но для выборов или решения важных дел представители собирались на традиционное место съезда.

В нашем распоряжении имеется авароязычный источник середины XIX в.³⁴ где специально освещен вопрос организации управления и его функции в Салатавском «вольном обществе».

«Теперь рассказ о селах Салатавии. Салатавское общество («бо») состоит из 13 сел (главное между ними селение Чиркей): ЧикIа, Цобатль, Инхоб, Хубери, Миатли, Жуламул росо, Ичкаял, Гостал, Дылым, Алмак, Буртунай, Гуниб. Ниже рассказ об адатах, бытовавших между этими селениями. В прежние времена, когда не было ни правителей, ни имамов, представители тринадцати сел собирались у источника Миккиласулиц (источник Миккилава). Причиной ежегодного сбора у источника Миккилава являлось то, что нужно было выслушать за год, как села придерживались (установленного) порядка: если кто кого примучивал, выявляли его и делали облегчение тем, кто испытал насилие. Все собравшиеся выбирали 50 человек на должность болгIалаби (буквально «войсковые исполнители». – М.А.), чтобы они следили за законом в селениях Нахбака (Салатавии. – М.А.). В маленьком обществе болгIалаби выбирали в количестве двух-трех, в большом селении – семь-восемь человек, в среднем селении – четыре-пять человек. БолгIалаби выбирали из числа наиболее бескомпромиссных, храбрых, и они творили: если кто кого убивал, они сжигали дом убийцы, если кто кого ранил, они забирали у виновного быка, которого сами же съедали. Заставляли они слушаться наставлений муллы, и никто не мог им перечить. Если на какое-либо из сел Нахбака об-

³⁴ Выявлен автором в Черкее в 1965 г.

рушивалось несчастье, все остальные села ему помогали, словно дети одних родителей. Не было также между жителями Нахбака ни нуцалчи (князей), ни чанки. Они делились на узденей и освобожденных лагов (Рук. ф.ИИАЭ:67).

Этот источник рисует определенные нюансы, свойственные управлению данным «вольным обществом», как-то: наличие войсковых исполнителей («болгаллаби») и то, что они одновременно являлись управителями тех сел, откуда выбирались. Это, кажется, не было свойственно центральноаварским «вольным обществам» (типа Гидатля, Андалал, Анди), аналогии мы находим на юге и юго-западе Аварии. Так были устроены Тлейсерухское, Калалальское «вольные общества», многие «вольные общества» тляратинских аварцев, дидойцев и джаро-белоканцев.

Управление «вольными обществами» в Закатальских районах приняло наследственный характер, что заставляло иных исследователей, в том числе таких крупных, как И.П. Петрушевский, называть эти союзы обществ «Джаро-Белоканскими аристократическими республиками». При этом Петрушевский нарисовал картину нарушения принципов федерации внутри Союзов «вольных обществ», где отдельные из них (Джарское) выдвигались на первое место и их союзы обретали конфедеративный характер. Союзные отношения между шестью джамаатами (джаро-белоканскими «вольными обществами». – М. А.) поддерживались созываемым иногда собранием старшин разных вольных обществ. В собрании принимали участие главные кевхи (правители. – М.А.) вольных обществ, кадии и старшины тухумов, обсуждавшие дела, касавшиеся всех обществ, преимущественно вопросы внешних сношений, также споры, тяжбы между тухумами, входившими в состав разных обществ, или членами разных джамаатов. Видеть в этих собраниях совет федерации, “союзный сейм” мы не можем, здесь ни о какой равноправной федерации не могло быть речи. Джарское общество в период своего могущества и позднее, в 30-х годах XIX в., превратило кахетское Белоканское общество по существу в таких же вассалов, каким был султан Илисуйский. Точно так же джарцы пытались навязать свою волю на объединенных джамаатах в Ахдаме и остальным аварским обществам. При этом соблюдались только внешние формы равноправного союза» (Петрушевский, 1934:6)

Старшин, избранных из родов с наследственными правами на это, в Джаро-Белоканском обществе было 14, «каждый избранный старшина получает от селения 30 конных есаулов или рассыльщи-

ков, развозящих приказания, которые исполняются беспрекословно» (Коцебу, ИГЭД, 1958: 258). В Дидо управление также более концентрировалось в союзе общин, нежели конкретно в общинах, последние управлялись больше органами союза общин.

В Центральной Аварии, где господствовал урбанизированный тип поселений, управление «вольным обществом» выглядело простым «механическим» сведением конкретных джамаатских управлений воедино, и вопросы, решаемые на этом уровне, носили более общий характер, нежели в общинах, состоявших из малых поселений.

Еще одна особая, малоизвестная, но весьма примечательная черта: «вольные общества» или союзы «вольных обществ», как бы они ни были замкнуты политически, имели традиционные или заранее определенные места для своего рода «международных» собраний. Урочище Рукклубухъ – место схода общества Тленсерух – одновременно было местом схода для совместных решений прямо друг с другом политически несвязанных двух «вольных обществ»: Андалальского и Тлейсерухского. Эти сведения подтверждаются донесением барона Г.В. Розена А. И. Чернышеву о состоявшихся в 1838 г. «сборищах» в Андалальском и Карахском обществах числом по 300 человек. В том же году поступили сведения о совместном сходе обществ Гидатля, Караха, Гумбета, Боголала в сел. Карата (Материалы: 989). В 1838 г. представители Тиндинского и Чамалинского «вольных обществ» собрались для согласования своих действий в местности Зона, старшины Андалальского, Цудахарского, Гидатлинского, Карахского «вольных обществ» числом до 40 человек «в последней половине ноября 1838 г. имели совещание близ селения Чох», а койсубулинцы и гумбетовцы – близ сел. Унцукуль. Эти собрания возникали не регулярно и только в исключительных случаях, для согласования военных действий; регулярными ежегодными были собрания только в «вольных обществах». «Вольные общества», таким образом, сносились между собой в заранее определенных или традиционных местах, чем создавалась общая политическая сеть для всего Нагорного Дагестана, включая и («международных») органов управления соответствовали общему состоянию политической раздробленности, но наличие этих же эпизодических, а местами постоянных правовых (договорных) связей соответствовало единой полиструктурной политической системе в Нагорном Дагестане.

Глава пятая

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИСТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

5.1. *История вопроса.* Этнолингвистический феномен Дагестана³⁵ был «объяснен» еще в XIX в. «самоочевидным» и неоспоримым на первый взгляд доводом, согласно которому ландшафтная пересеченность Дагестана привела с самого начала к физической изоляции отдельных племен. Л. Берже писал, что народ раздроблен на «бесчисленные мелкие племена, которые... никогда не могли слиться в одно целое по физическим причинам, свойственным дикой и неприступной природе Дагестана... Оно (физическое раздробление. — М.А.) имело последствием еще то, что язык лезгинский раздробился на множество наречий.» (Берже, 1858: 305). Генерал А.В. Комаров оттенил даже определенную закономерность: «Почти в каждой котловине, в каждом отдельном ущелье, огражденном скалистыми хребтами и выходящем к быстрой и глубокой реке, живет особое племя, часто не имеющее ни малейшего сходства с соседними племенами, там же, где горы становятся доступнее, разнообразие племен уменьшается, зато увеличиваются численность каждого и пространство, на котором оно живет» (Комаров, 1873: 2). Известный русский ученый, исследователь Кавказа М.М. Ковалевский дал четкую формулировку предполагаемой зависимости: «В самом Нагорном Дагестане большая или меньшая пестрота этнографического состава каждой отдельной местности обуславливалась большей и меньшей тесниной долины» (Ковалевский, 1890: 139). Эта же точка зрения, т.е. уверенность в том, что горный ландшафт породил этнолингвистическую пестроту, стала (возможно, еще и благодаря авторитету М.М. Ковалевского) общим местом в трудах историков, этнографов и лингвистов, как до-революционных, так и современных (Бокарев, 1961: 17-18; Климов, 1965: 18). Любопытно, что Н.Я. Марра не убедила «очевидность» географического объяснения. Он писал, что «эти многочис-

³⁵ Здесь насчитывают 22 коренных языка, свыше 70 устных диалектов и сотни далеко не устных говоров.

ленные языки не порождение условий кавказской жизни... а вклад постепенного оттеснения ветвями на Кавказ народов древнейшего культурного мира на юге...» (Март, 1916: 1379-1408). Миграционная теория происхождения языков не была принята (Климов, 1965: 8), что снова выдвинуло ландшафт на передний план.

И в самом деле, если иметь в виду, что многоплеменной состав Дагестана фиксируется еще античными авторами (Страбон, 1893: 181), а писатель XII в. Ал-Гарнати Андалуси, чьи сведения считаются весьма надежными, насчитывал 70 народностей в Дагестане (*Journal Asiatique*, 1925: 83), изначальная изоляция многочисленных племен, обитавших здесь, с последующей их консервацией казалась удовлетворительным объяснением (Магомедов, 1961: 17-18; Магомедов, Дзагурова, 1967: 18).

Роль географической среды как одной из главных причин (наряду с натуральным хозяйством и отсталыми общественными отношениями), приведшей к распаду праязыка и последующему сохранению многоязычия, постулировалась также Е.А. Бокаревым (Бокарев, 1961: 17-18). Он указывал, что распад праязыка (стало быть, формирование языков и народностей) произошел в Дагестане в эпоху средней бронзы. То, что Е.А. Бокарев не разделяет мнение об изначальном многоязычии с его последующим «инертным» сохранением, а считает многоязычие следствием распада более интегрированного праязыка, вытекает из его теории праязыка в Дагестане. Теория о праязыке в Дагестане является признанной, но не в буквальном понимании, а как языковой процесс, этапы которого характеризуются тем, что лингвистическая и, стало быть, этническая карта древности отличалась от современной в сторону большого единства.

Вместе с тем нужно указать на непримиримое логическое противоречие в попытке Е. А. Бокарева объяснить причины сложения современной этнолингвистической ситуации условиями пересеченного ландшафта, натуральным хозяйством и отсталостью общественных отношений. Все эти три фактора должны были действовать и в глубокой древности, т.е. в эпоху бронзы, когда, как предполагается, господствовала более интегрированная языковая и этническая среда (праязык). Более того, за исключением постоянного географического, два последних фактора должны были быть еще более действенными в древности в силу несравненно большей отсталости и примитивности хозяйства и общественных отношений в первобытную эпоху, потому однородной этнической и языковой среде, т.е. праязыку, не было бы места в древнем Дагестане.

На этом фоне теория «изначальной консервации» древнейших племен выглядит хотя и метафизично, но более убедительно.

Отвлечемся, однако, от противоречий в логике предполагаемого развития этнического процесса и обратимся к некоторым очевидным фактам, которые не укладываются в схему и являются, на наш взгляд, серьезным препятствием для признания главенствующей роли физико-географической изоляции в этнодифференциации дагестанского общества. Сплошь и рядом во внутреннем Дагестане, т.е. в его наиболее урбанизированной части, мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда два населенных пункта, порой стоящие в нескольких (двух-трех) километрах друг от друга, совершенно не изолированные местностью и имеющие между собой все виды взаимных контактов и информации, различаются поговору или даже языку. Эти аулы, как правило, являются этнографическими единицами или даже «одноаульными народностями», как, например, ботлихцы и годоберинцы. Жители Анчи́ха и Арчо (стоящих рядом (3 км) и совершенно не изолированных между собой «физическими» препятствиями) свободно посещают друг друга по каждому случаю (рождение ребенка, свадьба, торговля и т.д.) и принадлежат к каратинской народности, но вместе с тем имеют отличающие их речевые и культурно-бытовые особенности. Близко (3 км) друг к другу, на одном и том же склоне горы стоят одни из самых крупных аулов Дагестана Анди и Гагатль (по 1 тыс. и более домов в каждом) и маленькое (около 50 домов) селение Гунха, расположенное по дороге между ними; все три аула принадлежат андийской народности, но различаются между собой в такой степени, что представителя каждого из них можно узнать по речевым особенностям и деталям женской одежды. Сказанное относится и к остальным селениям Андии. Вместе с тем их близость друг к другу такова, что глашатаи могли в безветренную погоду прокричать срочные сообщения из селения в селение, что и делали в старину. Столь же свободным было и общение между ними. К примеру, между андийскими селениями Ашали и Риквани, расположенными в двух километрах друг от друга, сообщение таково, что по дороге, соединяющей эти селения, ежегодно в старину устраивали призовые конные скачки. Между тем в каждом из них свой говор.

Еще более плотно друг к другу расположены села бывших «вольных обществ» Гидатля, Ахваха, Богулала и т.д. Но именно здесь, в этих густонаселенных, «густоначиненных» крупными, подчеркнем это, близко расположенными друг к другу аулами

районах, фиксируется самый высокий коэффициент этнодробности, каждый аул здесь этническая единица, т.е. обладает непременно своим говором (прежде всего) и некоторыми особенно-стями материальной и духовной культуры, хотя бы слегка намеченными чертами бытовой и поведенческой самобытности, опознаваемыми их носителями и соседями.

Аулы внутригорного Дагестана (этой наиболее густонаселенной и этнографически мозаичной части), располагаясь в различных природно-географических зонах, специализировались одни на садоводстве, другие на земледелии и скотоводстве, третьи выделялись как ремесленные центры. Такая специализация предполагала интенсивный обмен и развитие торговли между обществами. Еженедельные базары были так распланированы по дням и селам, что своей сетью охватывали целиком Нагорный Дагестан, и торговцы, путешествуя, за неделю могли побывать минимум на пяти базарах. В этих условиях развивалось двуязычие, а в некоторых обществах и трехязычие (арчинцы) (Дирр, СМОМПК.: 1; Сергеева, 1967: 182).

Коммуникации (впрочем, дороги между всеми аулами были верховыми и функционировали круглый год), полная «взаимопроницаемость» и контакты между обществами не остались у многих наблюдателей XIX в., открывавших для себя и читателя Нагорный Дагестан, заслоненными впечатлениями о «неприступности» края. Н. Воронов относительно внутригорной части Дагестана писал, что «нужно видеть дагестанские пути сообщения, нужно всмотреться во все естественные преграды, положенные здесь природой для разобщения людей, – и, однако, люди общаются не в пример легче, чем, например, живущие на наших равнинах или в степных деревнях... Вести, новости разносятся в горах с изумительной скоростью и приказания начальства, власти исполняются здесь так же быстро, как если бы страна перекрещивалась телеграфными проволоками. На завтра нужно собрать джамаат из всех ближних обществ – и джамаат непременно соберется; кто пеший, кто конный – явятся все по призыву... это факт, в котором я убедился множеством примеров» (Воронов, ССКГ, 1870: 19-20). «Естественные преграды для разобщения людей» у Воронова скорее дань историографической и литературной традиции, а рассказ о том, что, несмотря на это, люди не были разобщены, – точная этнографическая зарисовка. Об «информационном» голоде, породившем полиэтническую ситуацию, и тем более о сохранении

таковой в результате изрезанности ландшафта говорить не приходится.

Противоположная обрисованной картина сложилась у Главного Кавказского хребта. В этой части Дагестана населенные пункты, мало связанные между собой, отстоящие друг от друга на десятки километров, с плохими путями сообщения, которые на 6–7 зимних месяцев закрывались вообще (например, дидойские и тляринские аулы), являли достаточно интегрированную в культурном отношении и сравнительно цельную языковую и этнографическую картину. Казалось, должно было бы быть наоборот, если только географический фактор играл здесь какую-либо роль.

Таким образом, даже самое общее рассмотрение вскрывает несостоятельность существующего объяснения этнографического феномена Дагестана. Разумеется, пестрая этническая ситуация имеет свои причины и объяснения, но они явно лежат за пределами пресловутой «горной изоляции», «натурального хозяйства» и т.д.

Л.И. Лавров в статье «О причинах многоязычия в Дагестане» обратил внимание на эндогамные формы брака, господствовавшие в Дагестане (в отличие от других народов Северного Кавказа), как на причину сохранения многоязычия (Лавров, СЭ, 1952: 203). Это в корне отличная от предшествующих позиция важна уже тем, что вопрос переносится из области явно не удовлетворительной мертвой зоны «географического детерминизма» в сферу социальных отношений. Л.И. Лавров указал в этой работе на эндогамию как на один из безусловно важных факторов, способствовавших большой замкнутости обществ, что, в свою очередь, способствовало сохранению многоязычия.

Эндогамность замкнутых популяций в трудах Ю. В. Бромлея стала одним из важных компонентов при разработке им теории этноса вообще, рассматривается как неотъемлемое свойство последнего (Бромлей, СЭ, 1969: 84-91). Эндогамия, согласно данной теории, является одним из признаков этноса, но ничто не указывает на то, что она может быть причиной его формирования. Этнос, по Ю.В. Бромлею, эндогамен (Бромлей, 1973: 114-123), но не каждый эндогамный коллектив является «этническим». Например, в районах распространения северного диалекта аварского языка: у гумбетовцев, салатавцев, аварцев Левашинского плато, исторически входивших в Аварское ханство и «вольное общество» позднего образования (Салатавское), несмотря на эндогамность аулов, не обнаруживается этнического и лингвистического многообразия,

наблюдаемого в Центральном и Западном Дагестане. То же самое относится к другим народам Восточного Кавказа и Передней Азии, где отсутствие экзогамии не повлияло сколько-нибудь решительно на этническую ситуацию. Поэтому, вероятно, Л.И. Лавров писал об эндогамии лишь как о факторе сохранения, а не как о первопричине многоязычия (Лавров, 1978: 30), с чем нужно согласиться, имея в виду, что эндогамия, безусловно, усугубляет замкнутость, особенно популяционную.

Антропологический и биологический аспекты популяционных изолятов изучались А. Г. Гаджиевым, которому принадлежит интересное для данной темы наблюдение. Он писал, что «внешние физические особенности, характерные для каждого изолята (эндогамного сельского общества. – М.А.), становятся дополнительным этническим атрибутом, определяя вкусы людей. Такими же атрибутами становятся национальный костюм, языковые особенности и т.д.» (Гаджиев, 1968: 54). Но и он полагал, что «многоязычие Горного Дагестана могло быть результатом только длительного, продолжавшегося тысячелетиями процесса в условиях горной изоляции в неизменных границах» (Гаджиев, 1968: 60).

Историю вопроса, таким образом, можно заключить тем, что его изучение свелось к своего рода гносеологической ловушке, исходящей еще от Адольфа Берже. Видимость «аксиомы», не требующей доказательства («горная изоляция»), удовлетворила интерес к теме, вернее, лишила исследователей интереса хотя бы к такой, казалось бы, естественно вытекающей из этой «аксиомы» проблеме: каков механизм воздействия «горной изоляции» на культуру, язык, вкусы, самосознание и т.д., что тут следствие «горной изоляции», а что идет от хозяйственно-бытовой адаптации? И каким образом сказался на этноатрибуции «горных изолятов» информационный голод, т.е. отсутствие информации друг о друге, что мешало этнической интеграции и т.д.?

Но и эти вопросы являются риторическими, ибо причины этнодифференции дагестанского общества, по моему мнению, лежат не в пресловутой «географической изоляции», а в сфере исторически сложившихся форм общественно-политического строя и отношений народов Дагестана, конкретнее: этнолингвистическая мозаика Нагорного Дагестана явилась порождением полиструктурного (раздробленного) состояния политического строя и как таковая соответствовала (коррелировала) этому состоянию целиком вплоть до самых малых единиц, таких, как «вольные обще-

ства» или даже отдельные общины. Попытаемся обосновать, эту точку зрения.

5.2. *Причины этнолингвистической дифференциации.* Как известно, Дагестан, особенно его наиболее густонаселенная нагорная часть, отличался не только этнолингвистическим многообразием, но и исключительной политической раздробленностью. В Нагорном Дагестане, помимо известных крупных политических объединений, сложилась целая ассоциация политических микрообразований и их союзов «вольных обществ». Каждое из этих образований обладало собственной территорией в юридическом понимании, с всеобъемлющими правами обладания и распоряжения, т.е. территориальной и политической суверенностью (3.10). В «Истории Дагестана» относительно XVIII в. говорится, что «Дагестан по-прежнему был раздроблен на мелкие и мельчайшие политические единицы: Эндреевское, Аксаевское и Костековское владения, Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское муйсумство, владения кадия Табасарана, Мехтулинское, Аварское, Казикумухское ханства и более 60 мелких объединений, союзов сельских обществ, известных под названием аварских, даргинских и лезгинских “вольных обществ”» (История Дагестана, 1967: 320). Раздробленное политическое состояние, стабильно просуществовавшее практически в течение последних полутора тысяч лет (с короткими периодами политических объединений времен Кавказской Албании и возвышения Казикумухского шамхальства, объединившего весь Дагестан и соседние области в XIV–XV вв.), являлось самым устойчивым видом политической организации Дагестана. Мозаика политически самостоятельных единиц, стабильно существовавших в течение многих столетий, оказалась достаточным условием для сложения в пределах этих формирований этнических общностей или этнографических единиц с различными уровнями межэтнической дифференциации.

Длительное существование состояния политической раздробленности; когда каждая из политических единиц обладает стабильными границами и суверенностью, как правило, обособляет их культуру. Можно привести множество примеров, показывающих, что длительная политическая раздробленность влечет за собой этническое многообразие. Известно, что Германия до ее объединения «сверху» Бисмарком являлась одной из наиболее раздробленных в политическом отношении стран Европы, каковой она является в диалектном и этнографическом отношении и по сей день. При этом каждой исторической политической реалии со-

ответствует этнографическая: все семь курфюршества (территориальные княжества) и более мелкие политические образования Германии отразились в ареалах диалектов и наречий³⁶ (Жирмунский, 1948: 70). Политическая раздробленность Германии была и наиболее длительной в Европе (около шести столетий). В германистике фундаментальным считается положение, согласно которому немецкие диалекты – следствие длительного состояния политической раздробленности.

Период политической раздробленности пережила и Россия (до возвышения Московского государства). Согласно данным ареальной лингвистики, каждый говор русского языка и сегодня как бы указывает на границы былых княжеств Смоленского, Полоцкого, Псковского и др., а не на границы былых племен: вятичей, древлян, полян и т.д. «Характер языковых процессов на территориях отдельных княжеств приобретает, таким образом, свою специфику: образуются так называемые языки княжеств» (Булатова Л., Строгонова Т., 1975: 33). Ликвидация раздробленности приостановила наметившийся процесс языковой дифференциации (Булатова Л., Строгонова, 1975: 34).

Если обратиться к кочевому миру с его четкой родо-племенной структурой, то можно увидеть, как в горниле административного устройства тюркского мира эпохи феодализма происходила своеобразная этническая переплавка (Лашук, 1968).

Рассматриваемые процессы шли и в республиках феодальной эпохи, где сложились этнодиалектные области или этнические общности, такие, как генуэзцы, пизанцы, флорентийцы, миланцы, венецианцы и др. «В большинстве же европейских стран, где город не подавлял в такой степени сельскую округу, “этнические единицы” складывались из экономического и политического объединения таких округов; границами их служили чаще всего более или менее устойчивые (курсив наш. – М.А.) феодальные объединения» (Токарев, 1964: 50).

Обратимся к более древним эпохам. Известно, что каждый город, каждая маленькая провинция классической Греции V века до н. э. составляли свои документы на местном диалекте. «В этом отношении гордое собственное достоинство имели и маленькие города-государства. Лишь намного позже политическое развитие ограничило господство диалекта в общественной жизни» (Hoff-

³⁶ В.М. Жирмунский указывает, что широкие народные массы говорят на диалектах, сохраняющих территориальную раздробленность эпохи феодализации.

mann, Scherer, 1969: 59). (Любопытно отметить, что упомянутые маленькие города-государства не превышали средних и крупных аулов Горного Дагестана и значительно уступали союзам обществ, в пределах которых отдельные аулы-общины выглядели как бы кварталами большого города.) К пестрой окраске греческой диалектной карты привела, как пишет Р. Шмидт, политическая «партикулярность» греческих городов периода темных веков, сохранявшаяся и в классический период (Schmitt, 1977: 127). Проблему политической партикулярности как фактора изоляции и разобщения греческих и итальянских городов убедительно раскрыл еще Фюстель де Куланж. Он писал: «Самой выдающейся чертой истории Греции и Италии до римского завоевания является раздробление, доводимое до крайних пределов, и дух обособленности каждой общины... Причину неискоренимой раздробленности греков полагали в природе их страны и говорили, что горы, которые там сходятся, ставили между жителями естественные рубежи. Но между Фивами и Платеей, между Аргосом и Спартою, между Сибарисом и Кротонией не было гор... Между двумя соседними общинами было нечто более непроходимое чем горы: священные границы... Каждая гражданская община имела кругом своей земли между, указывающую ее священную (т.е. политическую. — М.А.) границу» (Куланж, 1895: 189). Итак, не гора, а граница разобщала древние города.

Роль политического фактора в народообразовании видел еще Дени Дидро, который писал: «Скажите, что законы, нравы и правительства являются главными причинами различий, представленных народами, и что если этого общественного воспитания недостаточно для уравнивания отдельных индивидуумов, то оно уравнивает между собой большие массы людей» (Дидро, 1935: 166). «Уравнение между собой больших масс людей» как причина различий между народами на языке современной этнографии означает этнические интеграцию и дифференциацию, сопровождающие всю известную историю человечества. Роль политического фактора в этноразмежевании или интеграции постоянно подчеркивается в современных трудах по теории этноса (Бромлей, 1973: 32).

Разумеется, дело не в одних аналогиях, и мы далеки от мысли сводить все формы этнических процессов единственно к потестарным или политическим явлениям. Видимо, сами этнические процессы далеко не однозначны, в их основе лежат причины значительно более обширного спектра: подлинная изоляция (информационная), природно-географическая и хозяйственная адаптация,

особо мощные факторы аккультураций и т. д. Было бы ошибкой также искать состояние политической консолидации для таких метэтнографических общностей, как целые регионы, объединяемые семьей языков, и т. д. Эти уровни находятся явно вне пределов политических состояний и предопределены общими путями расо- и этногенеза. Но когда мы переходим к более подробной этнографической карте, значение фактора, о котором здесь идет речь, возрастает вплоть до обретения им в отдельных случаях абсолютного приоритета.

Ведущая роль политического начала в процессе этнокультурных размежевания или интеграции не универсальна, и способность политической организации общества, так сказать, к этноэффекту реализуется не всегда, а только в заданных исторических условиях, в определенной системе общественных отношений и на определенных уровнях. В этнографической мозаике Дагестана, особенно его горной части, мы имеем дело с этнографическим эффектом, вызванным политическим состоянием. В данном конкретном случае одноаульные говоры и характерная одежда, по которой можно узнавать (и узнавали) представителей мельчайших обществ, находят свое объяснение в полиструктурной политической системе, мельчайшие ветви которой представлены самодовлеющими (независимыми) обществами-джамаатами, имевшими полноту прав обладания территорией и суверенные политические права. В случае если населенный пункт не имел статуса джамаата, то такая община, как бы она ни была изолирована и далеко от других населенных пунктов расположена, была лишена всякой этнолингвистической атрибуции.

В качестве примера можно указать на почти каждое из селений высокогорной части Дагестана, в частности на аулы нынешнего Тляратинского и Цутинского районов. Группа селений нынешнего Тляратинского района – Камелух (68 домов), Гени-коло (45 домов), Герель (26 домов), Бетлада (39 домов), Горгильнуб (16 домов), Ульгеб (13 домов), Салта (26 домов), Чарода (15 домов) – занимала обширную территорию, это одна из наиболее труднодоступных и редконаселенных частей Дагестана, селения друг от друга сильно отдалены, зимой дороги закрывались (Дагестанская, 1890: 148). Каждое из этих селений, взятое отдельно, не обладает сколько-нибудь существенными этнографическими и лингвистическими особенностями, ни одно из них не имело статуса джамаата или, как это осмыслила русская администрация XIX в., не представляло собой сельского общества. Но все восемь

селений вместе составляли джамаат, сельское общество Тум или Джумрутское, управляемое избранными от всех восьми сел правителями, с общим советом старейшин, сельским судом и местным правом – адатами. Все восемь селений, взятые вместе, обладают этнографической окраской и своим ярко выраженным говором (Микаилов, 1959: 50).

Семь подобных Туму джамаатов (Анцухел, Анцросал, Унхлал, Бугьун, Льебелал, Кьанал, Помцрал, каждый состоял из 5–10 селений) образовывали «вольное общество» Антль-Ратль, Анкьракь (буквально «Семиземелье»), более дифференцированное в этнографическом отношении от соседей, чем составлявшие его джамааты друг от друга, а в языковом отношении являвшееся диалектной единицей аварского языка, получившей название анцухского диалекта (Микаилов, 1959: 50). Анцухский диалект, точно соответствующий историческому Антль-Ратлинскому «вольному обществу», делился на семь говоров, каждый из которых являлся говором перечисленных джамаатов, из которых состоял Антль-Ратль³⁷.

Итак, мелкие населенные пункты, в административном отношении представлявшие собой не более чем квартал крупных объединенных джамаатов, не имели статута джамаата и функционировали в ограниченной сфере хозяйственной и общественной жизни. Политическая (управленческая и организационно-правовая) функция таких общин реализовывалась через сообщество подобных аулов (от пяти до десяти в каждом сообществе), аул обретал основную функцию суверенной общины только через это первичное сообщество, представлявшее собой уже сельское общество, или джамаат, имевшее свое управление, исполнительную власть, т. е. полноценный регулирующий аппарат. У этого первичного сообщества, джамаата были большей частью общие для всех входивших в него аулов пастбища и угодья. Так, Глебелинское сельское общество (Льебелал), состоявшее из семи сел (Тохода, Сениэрта, Гара-коло, Найтабцуб, Росутль, Цумелюк, Талцух, всего 182 дома), сообщество владело пастбищными горами Сазул-меэр, Гиль, Башла-меэр, всего 30 десятин (Дагестанская область: 148). Вторичное сообщество («ракь») – достаточно замкнутый организм, с дисперсно локализованными первичными поселками, это уже об-

³⁷ Ш.И. Микаилов дает перечень не семи, а пяти говоров анцухского диалекта: опущен собственно анцухский говор, взят, вероятно, как точка отсчета, объединены из-за большой близости анцросинский и ухнадинский говоры.

щина гражданского типа, уже налицо его этноатрибуция, но она еще недостаточно яркая.

Семь таких гражданских общин образовывали федерацию, Антль-Ратль или Семиземелье. На этом уровне посредством ежегодных собраний представителей джамаатов Антль-Ратля реализовывалась в полной мере политическая суверенность всего общества. Антль-Ратль одновременно был и большой областью Южной Аварии. Этноспецифика, включая диалект, на этом уровне выражена четко.

По рассматриваемой модели образованы цунтинские, или дидойские, народности, образовавшие четыре «вольных общества»: Дидо, Капуча, Бежта, Хварши. Случалось, что эти «вольные общества» («бо») заключали союзы с другими «вольными обществами», например Антль-Ратль и Капуча (Норденстам, 1958: 323).

В этом контексте любопытно привести выдержку из Павсания: «В стадиях 20 от Херонеи находится фокидский город Понопей, если его вообще можно назвать городом, так как в нем нет ни правительственных зданий, ни гимназии, ни театра, ни площади, нет водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока в полуземлянках, более всего похожих на горные лачуги. Однако у них есть границы их области с соседями и на всефокидское собрание они также посылают своих представителей (синадров)» (Павсаний, 10, 4). Отсутствие общественных зданий, полуземлянки вдоль горного потока, но наличие своей границы и своей политической организации, как и права представительства на общем собрании, рисуют ситуацию, близкую к существовавшей в районе Главного Кавказского хребта. В этой части Дагестана все поселения находились вдоль горных рек по ущельям на значительных расстояниях, были малы в размерах, там не было ни площадей, ни специально построенных крупных мечетей и т.д., но каждая группа таких аулов объединялась в джамааты с отдельным наименованием, располагавшие территориальной границей, правом выбора своих представителей на собрание представителей Антль-Ратля и т. д.

В Нагорном Дагестане структура модели была той же, только начальная ее часть сокращена: здесь в результате повсеместного слияния, синойкизма, отсутствовали первичные поселения без статуса джамаата (Исламмагомедов, 1967: 116-121, Османов, 1967: 81). Очевидно, первоначально поселения в политическом отношении были объединены до их «физического» слияния в крупные аулы. Объединение мелких поселений в одно происходило, види-

мо, на основе прежних политических, а иногда и хозяйственных связей. Относительно использования последних показательна история сел. Бежта. Согласно преданию, на месте, где позднее возник этот аул, находился загон для скота. Сюда съезжались жители одноязычных окрестных селений Охочи, Синальба, Кито, Хиявукъа, расположенных высоко в горах. Первоначально объединение было временным, только летом, во время сельскохозяйственных работ люди жили в основном селении — Бежта, а в остальное время года — в старых селениях. Позднее все окончательно перешли на постоянное местожительство в Бежта (Исламмагомедов, 1967: 121). В 80-х годах XIX в. селение Бежта состояло из 301 дома и вместе с небольшими отселками Хашар-Хутар и Тлядал образовывало народность капучины с самостоятельным языком и опознаваемыми ими и соседями самобытными чертами материальной и духовной культуры.

Процессы, подобные объединению Бежта, отмечены повсеместно в Дагестане, особенно во внутригорной и предгорной его частях, и, судя по всему, были не однократными, а «пульсирующими»: крупные аулы основывали мелкие, распадались на мелкие, заново собирались воедино, но стабильными оставались формы политической организации: джамаат, «вольное общество». На этом втором уровне политическая организация самодовлеющая, она принимает законченную форму: обладает единой территорией, которая делится на составные части — территории каждого джамаата, иногда с сохранением неподеленной земли всего «вольного общества». «Вольное общество» располагает своими органами управления и своим кодексом, которые не повторяют и не подменяют, но непременно предполагают отдельные своды и органы управления каждого джамаата, сюда входящего. На этом втором уровне в Дагестане высокий коэффициент этнодифференциации в языке — на уровне диалекта или же самостоятельного языка. Имелся и третий уровень политических форм, уровень союза «вольных обществ». Это был не механический союз, а федерация «вольных обществ». Когда «вольное общество» входило в такой суперсоюз (Османов, 1974: 166), оно теряло свои самодовлеющие черты, занимало промежуточное положение между первичным джамаатом и высшей формой объединения. Замечательно, что все эти три уровня различались этнографически и диалектологически. Политическая система, как она выражена формально, находила отражение в этнолингвистической окрашенности. Политические образования в Дагестане были раскинуты в виде некой «сети», клетки которой были

неравномерными пространственно и неравнозначными по самодостаточности в политической иерархии. Некоторые джамааты были вне каких-либо федераций или зависимостей, другие лишь в самых общих чертах связаны кодексами самоуправления, большая же часть джамаатов была более интегрирована и управляема из общих центров.

Исследователь вопроса «Политика-этника» с удивительной закономерностью сталкивается здесь с той или иной позицией этнических состояний с джамаатами и их объединениями в общеполитической сети.

1. Если отдельный джамаат не был связан политически с несколькими (до десяти и более) другими джамаатами, то он являлся своего рода микрореспубликой. Такая община была в полном смысле слова самодовлеющей, при решении вопросов любого ранга опиралась только на свои собственные кодексы и адаты, и представляла закрытую систему, где отношения с окружающим миром строились на «внешнем праве», то есть на договорных отношениях. В Нагорном Дагестане этот вариант был представлен пятью крупными общинами, такими, как Арчиб, Ботлих, Кубачи, Годобери, Тинди, Гинух, Гунзэб. Единственно они и представляют в Дагестане известные одноаульные языки (ботлихский язык, кубачинский язык и т. д.)

2. Если несколько джамаатов такого же масштаба были связаны между собой общим кодексом местного права, территорией и политическим самоуправлением (тип известных «вольных обществ», или республик, по старинному их наименованию), то отдельная община не самодовлеющая, так как система замыкается (в политическом, правовом и территориально-административном отношении) на уровне «вольного общества». В этом случае в Западном Дагестане языком обладает уже федерация, то есть союз джамаатов, то есть гражданских общин, а входящие сюда отдельные общины располагают только говорами или диалектами, сохраняя поле свободного общения и полного взаимопонимания, не прибегая к языкам – посредникам. Языковое поле сохранено: субъекты федерации отмечены диалектами или говорами, но каждый союз джамаатов: Андийский, Ахвахский, Богвалальский, Каратинский, Чамалальский дифференцированы одноименными языками (Западный Дагестан).

3. И наконец, ситуация, когда «вольные общества» находятся в союзе, составляя своего рода конфедерацию «вольных обществ». В этнолингвистическом отношении прослеживается следующая

динамика: «вольные общества» здесь обладают лишь говором, в редких случаях диалектом, языком же или сильно вычлененным диалектом обладает уже вся конфедерация: Акуша Дарго. *Глубина этнической дифференциации соответствует степени автономности или позиции каждого из звеньев обрисованной выше политической системы – вступает в силу принцип коррекции, который очерчивает языковые или диалектные поля этнической карты Дагестана*

«Вольные общества» или конфедерации «вольных обществ» не знали унитарных форм политической организации. Они вступали между собой в те или иные отношения на договорных началах, иногда вырабатывали совместные адаты, брали на себя те или иные взаимные обязательства и т.д. Дагестан, целиком включая его основные народности, был охвачен политическими связями договорно-паритетного типа. Некоторые из них превращались в постоянные адатные установления. Привожу одно из многих своего рода «международных» соглашений правового типа: «Если между жителем Хунзаха (аварцы) и жителем Цудахара (даргинцы) произойдет ссора по воровству, то для оправдания вора-цудахарца должны присягнуть двенадцать человек, если он украл лошадь, и шесть человек, если он украл кобылицу или другое животное. Место присяги – Карадахский мост. Если житель Хунзаха украдет, присягает один человек. То же самое, если спор будет между жителями Хунзаха и Андалала» (Из истории, 1968: 47). Подобные совместные адаты Хунзахское общество выработало в отношении Цудахарского «вольного общества», Андалальского «вольного общества», Голотлинского джамаата, Батлухского «вольного общества», Ахвахского «вольного общества», Каратинского «вольного общества», Койсубулинского «вольного общества» с рядом податных сел (в этом случае адаты не паритетны), с областью Юрт и т. д. (Из истории, 1968: 47). Практически все политические образования Горного Дагестана имели подобные же совместные постоянные договоры (Из истории, 1968: 55-56). На этом уровне отношения между ними основывались уже на «внешнем праве», как называет Гегель правовые отношения между самостоятельными политическими образованиями, находящимися более «в естественных отношениях друг к другу», чем в правовых (Гегель, 1971: 54).

Таким образом, все три группы политических образований, вступив между собой в определенные, хотя и ограниченные, иногда легко расторгимые правовые отношения, в свою очередь, сложились в *единую* метаполитическую систему, охватывавшую весь

регион и сохранявшую структурно все звенья как составные части целого.

Все эти части или звенья общей полиструктурной системы, создающие картину чрезвычайной раздробленности, находились в соответствии с территориальным строем и делением, что являлось фактором, предполагавшим постоянную тенденцию к партикулярности частей, составлявших политические образования, так как общины были суверенными обладателями своих территорий. Состояние политической консолидации достигалось скорее не через снятие особенного, а через его посредство, поскольку сами эти части являлись выражением (формой выражения) глубокого единства не только политической, но и хозяйственно-бытовой, социально-экономической и культурной жизни. Таким же предстает и этнолингвистический мир Дагестана, отличающийся как глубоким внутренним единством, так и чрезвычайной пестротой.

Здесь бегло обрисована политическая систем, которую называю *полиструктурной*, с различной иерархией взаимосвязей, каждое звено которой являлось частью целого и наименьшие звенья которой наиболее конкретны и предстают как джамааты.

Торгово-экономические отношения, сложившиеся внутри этой политической системы, не были ничем ограничены. Некоторые из звеньев этой системы торгово-экономически были очень тесно связаны между собой. Так, например, для населения Андалальского политического образования цудахарский и кумухский базары были первостепенными и т. д. Эта политическая система была также целиком открыта для культурного взаимодействия, культура преломлялась в ее частях, создавая в каждой из них не *различные*, а *различимые* типы культур.

5.3. Двуетниство этнокультурных процессов в полиструктурной политической системе. В полиструктурной политической системе этнокультурные процессы одновременно шли и по линии интеграции и по линии дифференциации. Интеграция охватывала всю систему в целом, дифференцирующаяся часть раскладывалась по каждому из звеньев общеполитической системы.

В жилище практически по всему Дагестану интегрирован закрытый и открытый, одно-двухэтажный, с плоской крышей, ориентированный на юг, с лоджией общий тип. Его разновидности обусловлены природно-климатической зоной (Османов, 1967: 125) или историческим периодом (переживания средневековой замковой архитектуры) (Мовчан, 1947, Исламмагомедов, 1967: 152-

155), но основа едина. Вместе с тем определенные детали планировки, облик, архитектурные детали, декор, т.е. все, что создает некую индивидуальность жилища, партикулярно и, как на это обратил внимание Г. Я. Мовчан, связано с этнической традицией (Мовчан, 1948: 43).

Одежда при ее общем покрое особенно варьируется, а женская буквально следует за языком, являясь атрибуцией не только известных народностей Дагестана, но и мельчайших этнографических групп (Никольская, Шиллинг, 1953: 24) вплоть до каждого общества-джамаата. Можно с уверенностью сказать, что каждый аул, который имеет свой говор и тем более диалект или язык, также различим в женской одежде, если не в деталях, то хотя бы в манере ношения.

Различия, но уже по крупным регионам (в масштабе Дагестана, разумеется) коснулись и исключительно интегрированной материальной культуры сельского хозяйства (Агларов, 1974: 221). Усовершенствование пахотного орудия, в частности его съемного лемеха, для употребления на легких или каменистых почвах, изменение величины угла захвата, наиболее оптимально решающее проблему глубины пахоты и устойчивости пахотного орудия, – все это становилось достоянием всей метаэтнополитической общности, Горного Дагестана в целом. основополагающие черты интегрированы, тогда как конфигурация и способ установки к стойке держака имели особенности, принятые только на первом уровне – в джамаате.

Часть культуры, вернее даже, ее основная канва (формы земледелия и скотоводства и их система; принципы планировки жилища; покррой одежды; адатно-правовые нормы) интегрирована до стандартизации. Мы условно назвали эту часть «функционально существенной» (Рук. ф. Д. 68). К ней можно отнести и языковой строй. Меняющуюся (дифференцирующуюся) часть культуры, создавшую практическую этноатрибуцию многочисленных мелких и крупных групп, в противовес интегрированной части можно было бы назвать «функционально несущественной» или «функционально менее существенной», так как она не имеет жизненно важных (хотя и это понятие относительно) функций. Перемены в этой области не нарушают структуры основной, «функционально существенной» части, а скорее даже утверждают и усиливают последнюю.

5.4. *Самосознание.* Сложившиеся в силу определенных исторических условий (на которые в свое время, безусловно, повлиял и

географический фактор) социально-политические изоляты (общины и их союзы) являлись первичной средой распространения информации и полями первичной ценностной ориентации. Соответственно этническое самосознание, как и структура политической организации, в Горном Дагестане имело по меньшей мере четыре уровня: 1) собственно джамаат (независимо от количества входивших в него поселений); 2) «вольное общество»; 3) общенародное, практически мало различимое от общедагестанского; 4) общедагестанское, включая в определенной степени и Чечню. Как самосознание, так и противопоставление (Поршнева, 1964) были соподчинены этим уровням, сужение или расширение этнических процессов интеграции или дифференциации происходило под знаком защитных механизмов «внешней независимости» (Куббель, 1982: 136). Механизмы восприятия и созидания этносоциального уклада и сознания в пределах джамаата отличались активностью или пассивностью в зависимости от характера и источника культурной информации и реакции общества на нее. Событие прецедентного значения для его последующего повторения или отрицания вызывало активную реакцию, которая разграничивалась на всех этнополитических уровнях в зависимости от значения события.

Самосознание сыграло, вероятно, большую роль в этноразмежевании, хотя и оно явление вторичное и производное. Осознание своей принадлежности к тому или иному звену (или всем звеньям поэтапно) политической системы, а не единственно первичному кругу производственных и социальных связей является высшей формой проявления противопоставления «мы» и «они» (Бромлей, 1981: 24). Не самосознание общинно-производственного быта (хотя это и фундаментальная основа), а самосознание, опосредованное через политическую организацию территориальной и правовой сторон общества на всех его уровнях как гаранта консервации и неприкосновенности сложившихся отношений собственности в внешней независимости, являлось непосредственным «агентом», породившим этноатрибуцию каждой из ячеек полиструктурной политической системы. Подчеркивая влияние и роль политической формы, включая территориальный и правовой строй (через самосознание и противопоставление) в этноатрибуции общества, объединенного и разъединенного ею, мы в полной мере учитываем опосредованность самой политической организации условиями материального производства. «... Из определенной формы материального производства, — писал К. Маркс, — вытекает... опре-

деленная структура общества... государственный строй и... духовный уклад определяются как тем, так и другим» (Маркс, Энгельс, год: 279).

Сказанным о роли полиструктурной политической системы, повлиявшей на общее направление этнических процессов в Дагестане за последние полтора тысячелетия, ни в коей степени не зачеркивается и древняя исходная «этническая матрица». Спонтанные явления типа этноатрибуции мелких обществ по принципу их формальной позиции в общеполитической системе могли иметь место только на позднем этапе, в достаточной степени развитом классовом обществе. Сказанное не отрицает, а предполагает также и все остальные формы этнических процессов типа ассимиляции, инфильтрации и т.д.

Мы рассмотрели лишь один из аспектов этнического процесса, который исторически сложился как культурная реакция на формы общественно-политического строя народов Нагорного Дагестана. Она в основном выразилась в высоко интегрированном состоянии основных черт культуры с одновременной и выразительной дивергенцией других черт. Часто цитируемое Арн. Чикобава высказывание П. Услара, что «кавказские языки при изумительном разнообразии обнаруживают глубоко родственные черты» (Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, 1974: 75), применительно к этнокультурному состоянию является внешним отражением общественно-политического положения региона.

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Задачами настоящего исследования являлись, прежде всего, раскрытие социальной природы и характеристики «составляющих» дагестанских общин, образовывавших «вольные общества» и их объединения – конфедерации «вольных обществ», бывшие важной военно-политической силой на Восточном Кавказе. Итогом данного исследования является пересмотр прежних оценок и основной вывод: универсальной формой общественно-политического строя горцев Дагестана до его включения в Россию была гражданская община и их объединения и союзы.

В процессе исследования мы столкнулись с тем, что данный тип общины решительно размежевывается с восточным типом, где община являлась низовой ячейкой общества, базировалась больше на производственной и первичной общественно-социальной основе без гражданских, военно-политических и управленческих функций (во всей их полноте), являвшихся прерогативой администрации, входившей в централизованную государственную, надобщинную систему. Дагестанская община представляла собой характерный для Циркумпонтийского региона тип общины, которая спонтанно, самодовлеюще развилась в самоуправляемое микрополитическое образование, являвшееся звеном, а не низшей ячейкой общества. Такая община целиком выстраивала военные, правовые и политические функции, как и классы, включая общинную знать, а иногда и феодальные сословия в единый общинный организм с гражданским самоуправлением.

Становление такого, гражданского типа общины шло, прежде всего, как формирование собственников земли: каждый член общины должен был быть частным собственником своей земли и непременным совладельцем всей территории общины. Этот дуализм частного и общественного пронизывал не только отношения собственности, но и все сферы вплоть до культуры, сознания, общинно-гражданского мировосприятия и т.д.

Какие бы формальные перемены ни происходили вплоть до распада урбанизированных поселений на селения и хутора, основы политического строя и идеалы (общественное во имя частного и

наоборот) оставались непреходящими ценностями в гражданской общине. Нам известны процессы, происходившие в исторически обозримое время, которые коснулись многих сторон экономической, культурной и политической жизни, но не существа самой общины.

2. В период I–VIII вв. в Дагестане в результате сначала тюркских, а затем арабских завоеваний происходят разрушение городского строя в приморской части и синтез политической системы, принесенной кочевым миром, с местной. В последующем в Нагорном Дагестане (X–XV вв.) произошли обратные процессы, связанные со слиянием малых поселений (от 20 до 60 домов) в крупные аулы, отдельные из которых достигали размеров средневековых городов (до 1500 и более домов), с городской топографией (квартальное деление, центральная площадь, водоемы, общие оборонительные сооружения), основанные на традиционных политических принципах внутреннего самоуправления в форме своего рода политических федераций, местами во главе с феодальными правителями (с ограниченной властью).

3. Общества-джамааты, вступив в союзы, образовывали целые системы или ассоциации так называемых «республик» (по до-революционной и отчасти современной историографической номенклатуре), известных как «вольные общества». Почти все общины (общества), за исключением отдельных, чисто феодальных и управляемых феодалами, оказались охвачены этими союзами, которые были не временными или конъюнктурными, легко распадавшимися и складывавшимися (хотя подобное имело место с пограничными межсоюзными обществами), а стабильными, прочными, органично спаянными на основе и на условиях общности территориальных владений и соблюдения общинного права, кодифицированного отдельно для всей федерации «вольных обществ» в целом и для каждого из союзов, а также отдельно для составлявших союзы обществ.

4. Территориальные владения каждого входившего в союз джамаата были четко разграничены. Территории «вольных обществ» обозначались границами, фиксировавшимися в письменных документах и закреплявшимися в коллективной памяти, в устных преданиях давалось обоснование права на владение и т.д. В союзах общин сложилось своего рода территориальное право, одной из любопытнейших сторон которого являлась фиксированная в адате и строго соблюдаемая экстерриториальность лиц и имущества, что обеспечивало свободу и безопасность передвижения

внутри страны, особенно необходимую в условиях раздробленности звеньев общеполитической полиструктурной системы. Административно-территориальное деление, как и прочие социально-политические и правовые принципы объединения «вольных обществ», имело черты федеративного, а иногда и конфедеративного устройства.

5. Экономической базой общины, сложившейся в Нагорном Дагестане, было многоотраслевое хозяйство: земледелие, садоводство и скотоводство. Созданная деятельностью общины хозяйственная среда (особенно комплекс пашен, сенокосов и хуторская система) имела исключительное структурообразующее воздействие на саму общину. Правовое и нормативное регулирование хозяйственной деятельности, режим эксплуатации сельскохозяйственной округи и т.д., достигли высоких рациональных норм, что явилось следствием тысячелетней борьбы за оптимизацию организации хозяйства в условиях аграрной перенаселенности. Особую роль в судьбах общин сыграла такая форма интенсификации земледелия, как террасирование, которое, охватив всю систему земледелия Горного Дагестана, видоизменило аграрные отношения и соответственно социальный строй, послужив базой для общины по своему «атомарных» собственников в противовес земледельческой, или первичной, общине. Община, основанная на частной собственности, обладала иными, чем земледельческая, структурными связями и несравненной с другими формами прочностью. Община перерастала в общество, интегрируя подчас и феодальные формы, включая феодалов в число господствующего сословия внутри общины и не допуская надобщинной власти и надобщинных государственных структур; такая община находилась в ассоциации себе подобных, включалась в обширные федеративные политические системы, являлась их меньшими звеньями, а не низшими ячейками.

6. Социальные отношения в общине характеризовались словным членением, частной земельной собственностью членов общины и одновременно совладельчеством каждого члена общественной собственностью как условиями членства в общине. Характерны были также постоянство и стабильность брачных кругов, прежде всего в пределах отдельных джамаатов (обществ), что диктовалось строжайшими запретами на переход земельной собственности из джамаата, неизбежный при перемещении лиц, являвшихся собственниками земли, при браке.

7. Административное управление и организация власти в общинах были однотипны, но имели две разновидности. В общинах, состоявших из малых поселений, разбросанных на большой территории, общеполитическое руководство осуществлялось родовой знатью по наследству, в ее распоряжении находились исполнители и старшины в поселениях. В таком случае выделялся отдельный политический центр «вольного общества», где и была сосредоточена власть. В урбанизированных общинах и их союзах преобладали «демократические» принципы (ежегодная выборность и сменяемость правителей) и федеративный характер объединения общин («вольные общества» Гидатль, Андалал, Андия, Койсубулу и др.).

Судебную власть осуществляли правители и старейшины наряду с кадиями. Законодательная и контрольная функции принадлежали совету старейшин, выдвигаемых без выборов от тухумов и кварталов пожизненно, они также были облечены правом созыва народного собрания – высшего органа власти. Ежегодно избирали правителей («члухIби»), кадия, исполнителей («гIелал»), «посредника» между народом и правителями и глашатая («мангуш»), смотрителя полей, распределителя воды, казначея. Совет старейшин назначал ведавшего военными делами («цевехъан»).

Публичная власть была крайне упрощена, ее отправляли больше как гражданскую повинность (несогласных быть избранными в правители принуждали, в случае отказа наказывали крупными штрафами), без специальной оплаты, хотя и предоставлялись определенные привилегии (освобождение от общественных работ и т.д.). Во всех случаях наибольшей силой и влиянием пользовались крупные и знатные тухумы, которые вершили дела и навязывали волю всему обществу.

8. Особое место в социоструктуре общины занимали тухумы, на которые непременно делилась правящая часть (феодалная или узденская) общины. Бесправная райятская и лагская части до освобождения к середине XIX в., а также пришельцы не имели права организации своих тухумов. Тухумное деление являлось скорее структурным элементом консервативной общины, нежели не преодоленным пережитком родового строя. Тухумное деление дагестанской общины – явление, несколько отличное от тейпового деления северокавказского мира. Тухумы в отличие от северокавказских фамилий не были экзогамны и обширны, а прерывались общинами и потому были многочисленны. Отцовская линия происхождения как условие принадлежности к тухуму (наряду с получением членства через прием в тухум) дополнялась родством со

стороны женщин, пришедших в тухум из другого тухума, создавая тем самым перекрестные линии родства по всей общине, но строго по сословиям. Исполнительно регулирующая функция тухумов в области уголовного и семейного адатного права была настолько исчерпывающей, что официальные исполнители занимались больше хозяйственной и политической сферами. Помимо исполнительных функций, тухум и его подразделения обладали правом выдвижения своих представителей в совет старейшин.

Разрушение тухумного строя обошлось бы общине усилением публичной власти, сосредоточением общественных богатств в руках правителей и т. д.

9. Самодовлеющие общины, целиком автономные как полисы (первая ступень) или сложившиеся в «вольные общества» (вторая ступень), федерации «вольных обществ» (Акуша-Дарго), иногда с ханской, феодальной, но ограниченной властью (третья ступень) и, наконец, союзы федераций «вольных обществ» уже на «внешнем праве» (четвертая ступень), «нарушаемом» постоянными обязательствами и договорами, охватывающими весь Горный Дагестан, – уникальное общественно-политическое состояние Дагестана, привлекающее к себе внимание исследователей уже два столетия.

Джамаат, если он был связан с другими, не был целиком самодовлеющей общественно-политической системой (за исключением отдельных случаев), полный суверенитет отдельного джамаата реализовался через союз, т.е. «вольное общество», куда он входил на равных, «федеративных» началах. На этом, следующем уровне процесс культурной и языковой дифференциации между отдельными политическими образованиями усугублялся до полного этнографического эффекта. Другими словами, глубокое и длительное состояние политической раздробленности, местами до мельчайших (одноаульные) единиц – отдельных джамаатов, явилось основной причиной этнокультурного размежевания дагестанского общества.

Если каждая политическая единица, малая или большая, в отдельности стала полем этнической интеграции, то в совокупности они являлись полями этнической дифференциации.

Глубина этнической дифференциации соответствовала степени автономности или позиции каждого из звеньев обрисованной выше политической системы – вступал в силу некий принцип коррекции, констатацией которого мы здесь ограничимся.

10. В полиструктурной политической системе этнокультурные процессы протекали в расчлененном виде, одновременно как

двуетный процесс интеграции и дифференциации: интеграция охватывала всю систему, дифференцирующая часть раскладывалась по каждому из звеньев и частей общеполитической системы. В этой системе, открытой для глубокого культурного взаимодействия, культура видоизменялась в частях системы, создавая в каждой из них не различные, а различимые типы культур.

11. Вековая загадка кавказоведения – этнолингвистический плюрализм Дагестана, находит свое объяснение в этногенезе, последовавшем за политогенезом, как феномен культурной реакции на формы политической организации общества.

CONCLUSION

1. The objective of the following research was to reveal the social nature and characteristic features of «constituent» Dagestani communities combined into «free communities» and their unions – confederations of «free unions» which used to be a significant political and military force in the East Caucasus. The result of the following research is the revision of previous evaluations and the main conclusion is as follows: civil communities and their unions and confederations had been a universal form of social and political structure of Dagestani highlanders before they joined Russia.

In the process of the study we faced the fact that the given type of the community emphatically delimits with the oriental type where the community served as a lower social unit being based mostly on industrial and primary social basics without any civil, political, military and management functions in their entirety that was a prerogative of the administration comprising a centralized public over-community system. Dagestani community presented a type of community specific for Circum-Pontic Region which developed spontaneously and self-sufficiently into an autonomic micropolitical institution being a link, not a lower social unit. Such a community organized completely all the military, legal and political functions as well as classes including community elite and sometimes feudal class into a united community body with civil self-government.

The establishment of such a civil type of the community primarily took place as the formation of land owners: each member of the community had to be a private owner of his land and necessarily a part-owner of the whole community area. This duality of private and public pervaded not only property relations but also all spheres including culture, sense, community and civil mentality etc.

Whatever formal changes happened down to falling of urbanized settlements into villages and farm yards, the basics of political structure and its ideals (public in the name of private and vice versa) remained enduring values in the civil community. We are aware of the processes which took place in historically observable period of time and con-

cerned many spheres of economical, cultural and political life, but not the nature of the community itself.

2. During the I-VIII centuries as a result of Turkic and then Arabic conquests in Dagestan the municipal structure in the coastal area was dissolved and the political system brought by the nomad culture was synthesized with the local one. Later in the Upland Dagestan (the X-XV centuries) backward processes took place when small villages (20 to 60 houses) consolidated into big auls, some of them reaching the size of medieval towns (up to 1500 and more houses), with urban terrain (district division, central square, water reservoirs, common defensive works) based on traditional political principles of internal self-government in the form of political federations, occasionally preceded by feudal sovereigns with limited power.

3. Jamaat communities having entered the unions established the whole systems or associations of so called «republics» (according to pre-revolutionary and partly modern historiographic classification) known as «free communities». Almost all the communities (societies) except for certain ones, entirely feudal and governed by feudals, proved to be embraced with these unions which were not temporary or momentary, easily disintegrating and folding (though it used to happen to frontier interallied unions), they were consistent, solid, smoothly knitted on the basis and on terms of commonness of territory possessions and observing community law, codified specifically for the whole federation of «free communities» in general and for each of the unions, and also particularly for communities which set up the unions.

4. Territory possessions of each jamaat composing the union were clearly distinguished. Territories of «free communities» were marked by the borders recorded in written documents and fixed in the collective memory, oral legends reflected the ground for the right of possession etc. A sort of territorial law was established in the community unions; the interesting detail was that extra-territoriality of people and possession was fixed by adat and strictly observed which provided safety of inland transportation that was extremely necessary under the conditions of disunity of political polystructural system links. Administrative and territory division as well as other social-political and legal principles of interconnection of «free communities» had traits of federative and sometimes confederative organization.

5. The economic basis of the community established in the Upland Dagestan was multisectoral economy: agriculture, gardening and cattle breeding. Economical pattern created by the activity of the community (especially a complex of ploughs, haylands and farm yard system) had

an exclusive structural impact on the community itself. Legal and standard regulation of economical activity, order of agricultural area operation reached high practical rates which was the result of millenary struggle for optimization of economical organization under the conditions of agricultural over-population. An important part in the fate of communities was assigned to such a form of agricultural intensification as terracing which embraces the whole agricultural system of Upland Dagestan, modified agricultural relations and subsequently its social structure acting as a basis for the community of «atomic» possessors as opposed to agricultural or primary community. A community based on private property had different structural connections and solidity incomparable with other forms. The community developed into society, sometimes integrating feudal forms as well by including feudals among the governing social class inside the community and preventing any over-community power and over-community government institutions; such a community existed in the association of similar communities, it was included into extensive federative political systems, being its minor links but not its lower units.

6. Social relations in the community were characterized with social stratum, private landed property of the community members and simultaneously co-ownership of communal property by every member as a condition of the communal membership. Stability and constancy of marriages were also typical of jammaats (communities), that was strictly dictated by the law prohibiting to rezone landed property, and that is inevitable when a person, a land owner, moves to another community after marriage.

7. The administrative management and power organization were of one type but had two varieties. In communities consisting of small settlements, scattered on a large territory, political management was performed by nobility heritably. In this case there was a separate political centre of a free community, where the power was concentrated. Urbanized communities and their unions were characterized with “democratic” principals (annual elections, rulers’ change) and federative type of communities unions (free communities) Gidatl, Andalal, Andia, Koisubulu and etc.

The judicial power belonged to rulers and the olders alongside with quadis (judges). Legislation and control was realized by the olders’ council, who were representatives of tukhums and quarters for the life term without elections. They had also the right to call the people’s meeting – the supreme authority. They elected rulers «Члухъби», quadis, officers «Гелал», “mediator” between the people

and rulers, a herald «мангуш», a fields guard, a water distributor, a treasurer annually. The elders' council also appointed a military commander «цевехъан».

The public power was simplified, it was performed as a civil duty (non-willing to be elected as rulers were forced, in case of refusal they were strictly fined), the position was not paid, though certain privileges were granted (deliverance from social works and etc.) In all cases large and noble tukhums had more power and influence, they managed affairs and imposed their will to the society.

8. A special place in social structure was taken by tukhums, who composed the ruling (feudal or usden) part of the community. Rightless rayats' or lags' parts of the community before their liberation in the middle of the XIXth century as well as newcomers didn't have the right to form their own tukhums. The tukhum division is more a structural element of the conservative community than a relic of a clan system. The tukhums division of the Dagestani community is a phenomenon different from the North-Caucasian teip division. Unlike North-Caucasian families tukhums were not exogamous and extended, they were cut by communities and therefore numerous. The father's line as a condition to belong to a tukhum (alongside with getting a membership by joining a tukhum) was complemented by the kinship of the woman's line from another tukhum, thus making cross lines of kinship throughout all the community, but strictly in corresponding stratum. The executive and regulating functions of tukhums were so exhaustive in the spheres of criminal, family and adat law, that official executives were mostly engaged in economy and political life. Besides executive functions tukhums and their quarters had a right to set up their representatives to the elders' council.

The collapse of the tukhum system would result in public power strengthening, concentration of public treasures in rulers' hands and etc.

9. The unique socio-political organization of Dagestan with its self-sufficient communities, entirely self-contained as polices (the first stage) or organized as "free societies" (the second stage), as federations of "free societies" (Akusha-Dargo), sometimes with the khan's, feudal's, but limited power (the third stage) and, finally, as unions of "free societies" federations with the "external law" (the fourth stage), "broken" by permanent commitments and agreements existing throughout Upland Dagestan, has attracted researchers' attention for two centuries already.

Jamaat, if it dealt with others, was not entirely self-sufficient socio-political system (except for individual cases); the sovereignty of the individual jamaat was realized through the union, i.e. "free society", in which it was a member on equal, "federal" basis. On this next level the process of cultural and linguistic differentiation among individual political entities was exacerbated to the complete ethnographic effect. In other words, a deep and prolonged state of political fragmentation of individual jamaats, sometimes with the smallest (one village) units – was the main cause of ethno-cultural division of Dagestani society.

If every political entity, small or large, became individually a field of ethnic integration, as a unit it was a field of ethnic differentiation.

The depth of ethnic differentiation was equivalent to the level of autonomy or to the position of each of the units of the political system outlined above – a kind of a correction principle, that we just state here, came into action.

10. Ethnocultural processes in polystructural political system ran segmented, both as a dual process of integration and differentiation: integration embraced the whole system; differentiation could be seen in each of the units and parts of the overall political system. In that system, open to deep cultural interaction, the culture was modified in parts of the system, creating not different, but distinct types of cultures in each of them.

The age-old mystery of the Caucuses studies, i.e. ethno-linguistic pluralism in Dagestan, finds its explanation in the ethnogenesis that followed the politogenesis as a phenomenon of cultural reaction to the forms of political organization of the society.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Абаев, 1949 – Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Вып. 1.

Абакаров, Гаджиев, 1983 – Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. Исследование раннесредневековых укрепленных поселений Горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.

Абдуллаев, Михайлов, 1971 – Абдуллаев И.Х., Михайлов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов «лезг» и «лак» // Этнография имен. М., 1971.

Агаширинова, 1959 – Агаширинова С.С. Поселения лезгин в XIX – начале XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. 1959. Т. 6.

Агаширинова, 1978 – Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин, XIX – начало XX в. М., 1978.

Агларов, 1963 – Агларов М.А. О причинах эндогамии у аварцев // Тез. докл. 1-й конф. молодых ученых Дагестана. Махачкала, 1963.

Агларов, 1964 – Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности на землю у аварцев (до XX в.) // Учен. зап. ИИЯЛ. 1964. Т. 13.

Агларов М.А. Общественный быт и его преобразование у народов Дагестана // РФ ИИАЭ, 1965 г. Ф.3., оп. 3. Л. 34-35.

Агларов, 1966 – Агларов М.А. Поселение и жилища андийской группы народностей в XIX – начале XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. 1966. Т. 16.

Агларов, 1967 – Агларов М.А. Андийская группа народностей в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967.

Агларов, 1974 – Переход к террасному земледелию и особенности общественного строя ранних земледельцев // Конференция «Формы перехода от присваивающего к производящему хозяйству и особенности развития общественного строя»: Тез. докл. М., 1974.

Агларов, 1974 – Агларов М.А. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. 1.

Агларов, 1979 – Агларов М. А. Террасная система земледелия в зоне domestikации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1979.

Агларов, 1981 – Агларов М. А. Земледельческая округа «мегъ» в Аварии в XVIII – начале XIX в. // Быт сельского населения Дагестана XIX – начала XX в. Махачкала, 1981.

Агларов, 1981 – Агларов М. А. Территории сельских обществ и их союзов Горного Дагестана в XIV–XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.

Агларов, 1983 – Агларов М. А. Переход к пашенному земледелию: (В символике праздника «первой борозды») // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1983.

Агларов, 1984 – Агларов М.А. О родственных группах «гъакъу» у андийцев в XIX в.// Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1982–1983 гг. Махачкала, 1984.

Агларов, 1984 – Агларов М.А. Языческое святилище на вершине горы Бахарган // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984.

Агларов, 1986 – Агларов М.А. Террасное земледелие Дагестана: (Вопросы генезиса, культурной типологии и социальной роли системы) // *Studia Praehistorica*. 1986. Т. 8.

Агларов, 1967 – Агларов М.А. Историко-этнографические очерки андийской группы народностей в XIX – начале XX в.// Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 67. Л. 202

Агларов, 1980 – Агларов М. А. Из истории земельных и общественных отношений в Аварии // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа.

Агларов, Айтберов, 1981 – Агларов М.А., Айтберов Т.М. «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Туруловом б. Алиханом Баклулальским» как источник по истории Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.

Агларов М.А К чтению завещания Андуника // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования. (Тезисы докладов и сообщений). – Махачкала, 1989. С. 12-13.

Адаты Даргинского округа, 1873 – Адаты Даргинского округа//ССКГ. 1873. Вып. 7.

Айтберов, 1980 – Айтберов Т. Материалы по истории Дагестана XV–XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.

Айтберов, Нурмагомедов, 1981 – Айтберов Т. М., Нурмагомедов А. М. Койсубулинский союз и шамхальство в первой четверти XVIII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в.

Алаев, 1977 – Алаев Л. В. Проблемы сельской общины в классовых обществах // ВИ. 1977. № 2.

Алаев, 1981 – Алаев Л. В. Сельская община в Северной Индии. М., 1981.

Алиев, Ахмедов, Умаханов, 1970 – Алиев В., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

Алиев, 1972 – Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII – XIX вв. Махачкала, 1972.

Алиев, 1976 – Алиев В.Г. Условное землевладение в Дагестане в XV –XVII вв. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.

Алиев, 1980 – Алиев Б. Г. Частнофеодальное (бекское) землевладение в Дагестане в XV – XVII вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980

Алиханов Аварский, 1895. – Алиханов Аварский. Газ. «Кавказ», 5 марта года № 60.

Амирханов, 1983 – Амирханов Х.А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. 1983. № 2.

Амирханов, 1987 – Амирханов Х.А. Чохское поселение. М., 1987.

Антология, 1980 – Антология дагестанской поэзии. Махачкала, 1980. Т. 1.

Анучин, 1884 – Анучин Д.А. Отчет о поездке в Дагестан в 1882 г. // Изв. Рус. геогр. о-ва. 1884. Т. 20, Вып. 4.

Анчабадзе, 1979 – Анчабадзе Ю.Д. «Остракизм» на Кавказе // СЭ. 1979. № 5.

Аристотель, 1266а – Аристотель. Политика. 1266а, 4, 4. 1265в, 10. VI, 2, 5.

Арутюнов, Чебоксаров, 1972 – Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М., 1972. Вып. 2.

Асиятилов, 1965 – Асиятилов С.Х. Некоторые вопросы общественных отношений аварцев в свете их хозяйственной деятельности // Учен. зап. ИИЯЛ. 1965. Т. 16.

Асиятилов, 1966 – Асиятилов С.Х. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в XIX – начале XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. 1966. Т. 16

Асиятилов, 1967 – Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX в.). Махачкала, 1967.

Ахвердов, 1804 – Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 // ИГЭД.

Ахлаков, 1981 – Ахлаков А.А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М., 1981.

Ахмедов, 1974 – Ахмедов Ш.А. Сельская община в ранне-средневековом Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974.

Башкиров, 1930 – Башкиров А.С. Петрография Аварии // Техника обработки камня и металла. М., 1930.

Бгажноков, 1980 – Бгажноков Б.Х. «Благородный» и «неблагородный» в феодальной Черкесии // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа.

Берже, 1858 – Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858

Блаватский, 1953 – Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

Бокарев, 1961 – Бокарев Е. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Бромлей, 1964 – Бромлей Ю.В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.

Бромлей, 1969 – Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // СЭ. 1969. № 6.

Бромлей, 1973 – Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бромлей, 1981 – Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: Очерк теории и истории. М., 1981.

Бромлей, Першиц, 1984 – Бромлей Ю.В., Першиц А.И. Ф. Энгельс и современные проблемы первобытной истории // Вопр. философии. 1984. № 4.

Броневский, 1823 – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1, 2.

Брюханов, 1947 – Брюханов П.Л. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой половине XIX века // Сб. тр. Пятигор. под. ин-та. Ставрополь, 1947. Вып. 1.

Булатова, 1971 – Булатова А.Г. Лакцы. Махачкала, 1971.

Булатова, 1981 – Булатова А.Г. Зрелищно-развлекательные компоненты традиционной горской свадьбы и их трансформация у переселенцев Дагестана // Всесоюз. науч. конф. «Этнокультурные процессы в современном мире». Элиста, 1981.

Бутинов, 1968 – Бутинов Н.А. Папуасы Повой Гвинеи: Хозяйство, общественный строй. М., 1968.

Бутков, 1796 – Бутков П.Г. Выдержка из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796//ИГЭД.

Бутков, 1798 – Бутков П.Г. Сведения о кубинском и дербентском владениях. 1798 // ИГЭД.

Вавилов, 1936 – Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий// Природа. 1936. № 2.

Васильев, 1982 – Васильев Л.С. Феномен власти собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Вейдепбаум, Полковник, 1901 – Вейдепбаум Е.Г., Полковник Ф.И. Гене // Кавказские отюды. Тифлис, 1901.

Вести, 1984 – Вести. АН СССР. 1984. № 7.

Византийский земледельческий закон, 1984 – Византийский земледельческий закон. Л., 1984.

Воронов Н. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. 1870. Вып. 3.

Восточные источники, 1980 – Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.

Гаджиев, 1968 – Гаджиев А.Г. В глубь веков. Махачкала, 1968.

Гаджиев, 1969 – Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1969.

Гаджиев, 1979 – Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и р. Курой находящихся» как исторический источник по истории Кавказа. М., 1979.

Гаджиев, 1981 – Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.

Гаджиев, 1980 – Гаджиев М.Г. Древнее земледелие и скотоводство в Горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Гаджиев, 1981 – Гаджиев Т.В. Джаро-Белоканский союз сельских общин в освещении французского консула Гамба // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в.

Гаджиева, 1958 – Гаджиева С.Ш. О семейных отношениях кумыков в XIX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. 1958.

Гаджиева, 1960 – Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков в XIX–XX вв. Махачкала, 1960.

Гаджиева, 1961 – Гаджиева С.Ш. Кумыки: Ист.-этногр. исслед. М., 1961

Гаджиева, 1985 – Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985.

Гамзатов Г. Г. Дагестан: духовное и художественное наследие. Махачкала, 2004. С. 274

Гальперин, 1936 – Гальперин Л.Е. Монтегкье и его «Персидские письма» // Монтегкье Ш. Персидские письма. М., 1936.

Гарданов, 1960 – Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // СЭ. 1960. № 5.

Гарданов, 1964 – Гарданов В.К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII – первой половине XIX в. // СЭ. 1964. № 1.

Гарданов, 1979 – Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1979.

Гегель, 1971 – Гегель Г. Работы разных лет. М., 1971. Т. 2.

Гербер, 1728 – Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 // ИГЭД.

Героические песни и баллады аварцев. Махачкала, 1971. С. 186.

Гидатлинские адаты, 1957 – Гидатлинские адаты / Подгот. к печати Х.М. Хашаев и М.С. Саидов. Махачкала, 1957.

Голубцева, 1961 – Голубцева Е.С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. М., 1961.

Голубцева, 1972 – Голубцева Е.С. Сельская община Малой Азии III в. до п. э. – III в. н. э. М., 1972.

Граббе – Граббе П.Х. О разрушении садов с. Чиркей // Материалы по истории Чечни и Дагестана. Т. 3.

Гуревич, 1962 – Гуревич А.Г. Архаические формы землевладения в Юго-Западной Норвегии в VIII –X вв. // Учен. зап. Калинин, пед. ин-та. 1962. Т. 26.

Гуру, 1956 – Гуру П. Азия. М., 1956.

- Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890.
- Далгат, 1905 – Далгат Б. Родовой быт у чеченцев и ингушей // Весь Кавказ. 1905. № 5.
- Далгат, 1968 – Далгат Б.В. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.
- Данилевский, 1846 – Данилевский Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846.
- Данилов, 1957 – Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX–начала XX в. М., 1957.
- Данилова, 1972 – Данилова Л.В. Место общины в системе социальных институтов // Тез. докл. и сообщ. XIV сес. Межресп. симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972. Вып. 2.
- Движение горцев, 1959 – Показания чанков сс. Тилитль, Гонода, Ругуджа и др. об истреблении Шамилем их предков // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Махачкала, 1959.
- Дебиров, 1982 – Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.
- Дембо, 1954 – Дембо Л. И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954. С. 86.
- Дзагурова, 1974 – Дзагурова В. П. Еще раз о союзах сельских обществ // Вопросы истории Дагестана, 1974.
- Дидро, 1935 – Дидро Д. Собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 2.
- Дирр – Дирр А. М. Арчинский язык // СМОМПК. Вып. 39.
- Дьяконов, 1963 – Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке // ВДИ. 1963. № 1.
- Жебелев, 1935 – Жебелев С. А. Херсонская присяга // Изв. АН СССР. Отделение обществ. наук. 1935. № 10.
- Жирмунский, 1948 – Жирмунский В.М. История немецкого языка. М., 1948.
- Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / Пер., коммент. и ред. И.М. Дьяконова // ВДИ. 1952. № 3.
- Зубарев, 1830 – Зубарев Д.Е. Поездка из Москвы за Кавказ // Тифлисские ведомости. 1830. № 57.
- Зубов, 1835 – Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, ста-

тистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835. Ч. 2.

Иванова, 1974 – Иванова Ю. В. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа. М., 1974.

Из истории, 1968 – Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы. Махачкала, 1968.

Исламмагомедов, 1964 – Исламмагомедов А. И. Поселения аварцев в XIX – начале XX в. // Учен. зап. ИИЯЛ. 1964. Т. 13.

Исламмагомедов, 1967 – Исламмагомедов А. И. Поселения аварцев // Материальная культура аварцев в XIX – начале XX в. Махачкала, 1967

Исламмагомедов, 1967 – Исламмагомедов А. И. Жилища аварцев // Материальная культура аварцев в XIX – начале XX в. Махачкала, 1967.

История Дагестана, 1967 – История Дагестана. М., 1967. Т. 1.

Итс, 1974 – Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1974

Ихиллов, 1967 – Ихиллов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.

Казиев, Ахмедниязутдинов, 1976 – Казиев Г. К., Ахмедниязутдинов Т. Г. Чиркей. Махачкала, 1976.

Калоев, 1971 – Калоев Б.А. Осетины: Ист.-этногр. исслед. М., 1971.

Калоев, 1979 – Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.

Карпов, 1983 – Карпов Ю. Ю. Сельская община у цезов в конце XIX в. // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1983.

Карташев, Муравьев, Пестель, 1958 – Карташев Б. Муравьев В. Пестель. М., 1958.

Каяев, 1917 – Каяев Али. Горы и равнины. Петровск, 1917.

Керимов, 1978 – Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978.

Климов, 1965 – Климов Г.А. Кавказские языки. М., 1965.

Ковалевский, 1888 – Ковалевский М. М. Родовое устройство Дагестана // Юрид. вести. М., 1888. Т. 29, ч. 3.

Ковалевский, 1890 – Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2.

Ковалевский, 1905 – Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом // Вести, и б-ка самообразования. 1905. Вып. 2.

Комаров, 1868 – Комаров А.В. Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана // ССКГ. 1868. Вып. 1.

Комаров, 1873 – Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1873. Вып. 8.

Константинов, 1846 – Константинов И. О. Джаро-белоканцы до XIX столетия // Кавказ. 1846. № 2.

Кораблев, 1981 – Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1981.

Косвен, 1951 – Косвен М.О. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии // СЭ. 1951. № 1;

Косвен, 1951 – Косвен М.О., М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед // СЭ. 1951. № 4.

Косвен, 1958 – Косвен М. О. Материалы по истории... // КЭС. 1955. Вып. 1.; 1958. Вып. 2.; Вып. 3.

Косвен, 1961 – Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

Косвен, 1962 – Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. 1962. Вып. 3.

Косвен, 1963 – Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Костенецкий, 1851 – Костенецкий Я. Заметки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851.

Котович, 1965 – Котович В.Г. О хозяйстве населения Горного Дагестана в древности // Сов. археология. 1965. № 3.

Котович, 1980 – Котович В.Г. О процессе урбанизации в древнем Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

Котович, 1982 – Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.

Коцебу, 1826 – Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях, 1826 // ИГЭД.

Краснодембская, Мазурина, 1978 – Краснодембская Н.Г., Мазурина В.Н. Малые народы Непала // Малые народы Южной Азии. М., 1978.

Краснодембская, Мазурина, 1978 – Краснодембская Н.Г., Мазурина В.Н. Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин // Малые народы Южной Азии. М., 1978.

Крылова, Сванидзе, 1975 – Крылова Н.Я., Сванидзе И.А. Сельское хозяйство народов Эфиопии // СЭ. 1975. № 1.

Куббель, 1982 – Куббель Л.Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

Кудрявцев, 1971 – Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане. М., 1971.

Кудрявцев, 1982 – Кудрявцев А.А. Великий город на Каспии. Махачкала, 1982.

Куланж, 1895 – Куланж Ф. де. Древняя гражданская община. М., 1895. С. 57.

Кушнарера, Лисицына, 1986 – Кушнарера К.Х., Лисицына Г.Н. Важнейшие аспекты становления и развития производящего хозяйства на Южном и Северном Кавказе (VI – III тыс. до н.э.) // Studia Praehistorica. Sofia, 1986. Т. 8.

Лавров, 1952 – Лавров Л. И. О причинах многоязычия в Дагестане // СЭ. 1952. № 2.

Лавров, 1966 – Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966.

Лавров, 1973 – Лавров Л.И. К истории северокавказского фольклора (до XIX в.) // СЭ. 1973. № 1.

Лавров, 1976 – Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // КЭС. 1976. Вып. 6.

Лавров, 1978 – Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. М., 1978.

Латук, 1970 – Латук Л.П. О некоторых аспектах трактовки первичной формации // СЭ. 1970. № 5.

Лашук, 1968 – Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // СЭ. 1968. № 1.

Леонтович, 1882 – 1883 – Леонтович Ф.И. Адааты кавказских горцев. Одесса, 1882 – 1883. Вып. 1, 2.

Ливий. 3, 26, 6-12.

Линевич, 1873 – Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. 1873. Вып. 7.

Липс, 1954 – Липс Ю. Происхождение вещей. М., 1954.

Лисициан С. Д. К изучению армянского крестьянского жилища // Изв. Кавк. ист.-археол. ин-та. Тифлис, 1925. Т. 3.

Литвинский, 1981 – Литвинский В.А. Кушанский город: Индийско-среднеазиатские параллели // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.

Львов, 1870 – Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. 1870. Вып. 3.

- Люблинская, 1978 – Люблинская А.Д. Крестьянская община во Франции // Проблемы аграрной истории. Минск, 1978. Вып. 1.
- Магомедов, 1957 – Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957.
- Магомедов, 1960 – Магомедов Р. М. Адамы дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960.
- Магомедов, 1961 – Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961
- Магомедов, Дзагурова, 1967 – Магомедов Р.М., Дзагурова В.П. Народы Советского Дагестана. Махачкала, 1967.
- Магомедов, 1969 – Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969
- Магомедов, 1978-1979 – По аулам Дагестана. Махачкала, 1978-1979. Вып. 1, 2.
- Магомедов, 1999 – Магомедов Р.М. Даргинцы, т.1. Махачкала 1999, С. 209.
- Магомедов, 1974 – Магомедов Д.М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII – начале XIX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974.
- Магомедов, 1975 – Магомедов Д.М. Исторические сведения о дидойцах // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Вып. 2.
- Магомедов, 1981 – Магомедов Д.М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV –XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. 1981.
- Маммаев, 1984 – Маммаев М.М. Архитектурный орнамент сел. Кубачи // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1982 – 1983 гг. Махачкала, 1984.
- Маретина, 1973 – Маретина С.А. Общины горных народов Индии и население равнин // IX Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. М., 1973.
- Маретина, 1975 – Маретина С.А. Соседская община у балийцев // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.
- Маретина, 1980 – Маретина С.А. Эволюция общинного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.
- Марков, 1887 – Марков Е. Очерки Кавказа. СПб., 1887.
- Маркс, Энгельс, год – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19, Т. 46, ч. I.
- Март, 1916 – Март Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север и на Кавказ // Изв. АН. Пг., 1916. № 5.

- Мешков, 1982 – Мешков К.Ю. Горные народы Филиппин // Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1982.
- Микаилов, 1976 – Микаилов К.Ш. Рубас и Самур // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- Микаилов, 1959 – Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959.
- Мовчан, 1947 – Мовчан Г.Я. Из архитектурного наследия аварского народа // СЭ, 1947. № 4.
- Мовчан, 1948 – Мовчан Г. П. Предварительные записки о типологии жилища народов Нагорного Дагестана // КСИЭ. 1948. Вып. 4.
- Мовчан, 1972 – Мовчан Г.Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища // КЭС. 1972. Вып. 5.
- Монтескье, 1955 – Монтескье Ш. О. Избр. произведения. М., 1955.
- Морган, 1900 – Морган Л.Г. Первобытное общество. СПб., 1900.
- Мухиддинов, 1975 – Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975.
- Надеждин, 1895 – Надеждин П. П. Кавказский край // Природа и люди. Тула, 1895.
- Народы Дагестана, 1955 – Народы Дагестана: Сб. ст. М., 1955.
- Невская, 1980 – Невская В. П. Сельская община и феодализация горских обществ Северного Кавказа // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа.
- Нечкина, 1965 – Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1965. Т. 1.
- Никольская, 1947 – Никольская З.А. Из истории аварского жилища // СЭ. 1947. № 2.
- Никольская, 1949 – Никольская З.А. Из истории семейно-брачных отношений аварцев в XIX веке // КСИЭ. 1949. Вып. 8.
- Никольская, Шиллинг, 1952 – Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана // СЭ. 1952. № 4.
- Никольская, Шиллинг, 1953 – Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Женская народная одежда аварцев // Там же. 1953. Вып. 18.
- Никольская, 1959 – Никольская З.А. Религиозные представления и земледельческие обряды аварцев // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1959. Вып. 7.

- Новосельцев, 1980 – Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980.
- Норденстам, 1958 – Норденстам И.И. Описание Англъ-Ратля // ИГЭД.
- Обзор Дагестанской области за 1909 г., 1910 – Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910.
- Ольдерогге, 1983 – Ольдерогге Д.А. Эпигамия. М., 1983.
- Омаров, 1957 – Омаров А.С. М. Ковалевский как исследователь обычного права народов Дагестана//Учен. зап. ИИЯЛ. 1957. Т. 3.
- Омаров, Маршаев, 1958 – Омаров А.С., Маршаев Р. Г. Об одном памятнике по истории Аварии XVII в. // Учен. зап. ИИЯЛ. 1958. Т. 5.
- Омаров, 1967 – Омаров А.С. Судебник Гидатлинского союза «вольных обществ»// Учен. зап. ИИЯЛ. 1967. Т. 17.
- Орбели, 1938 – Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
- Османов, 1960 – Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX в.// Учен. зап. ИИЯЛ. 1960. Т. 7
- Османов, 1970 – Османов Г.Г. Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Махачкала, 1970.
- Османов, 1962 – Османов М.-З. О. Поселения даргинцев в XIX –XX веках// Учен. зап. ИИЯЛ. 1962. Т. 10.
- Османов, 1967 – Османов М.-З. О. Поселения даргинцев // Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
- Османов, 1974 – Османов М.-З. О. Численность и расселение даргинцев в XVIII –XIX вв. // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. 1.
- Османов, 1977 – Османов М.-З. О. Формы скотоводства даргинцев во второй половине XIX – начале XX в. в связи с культурно-хозяйственными типами // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX –XX вв. Махачкала, 1977.
- Павсаний, 10, 4.
- Памятники, 1965 – Памятники обычного права Дагестана XVII –XIX вв.: Арх. материалы / Сост. Х.М. Хашаев. М., 1965.
- Памятники, 1965 – Свод решений и обычаев Цекобского сельского общества // Памятники.
- Памятники, 1965 – Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого) // Памятники.
- Памятники, 1965 – Адагы Келебских селений // Памятники.

Памятники, 1965 – Адаты Андийского округа Западного Дагестана // Памятники.

Памятники, 1965 – Адаты Ункратл-Чамалальского наибства // Памятники. Адаты Технуцальского наибства // Памятники.; Адаты Тиндальского наибства Хваршинского общества // Памятники.

Першиц, 1979 – Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследование по общей этнографии. М., 1979.

Петрушевский, 1934 – Петрушевский И.П. Джаро-Белоканский вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934.

Петрушевский, 1934 – Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканские вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сб. Л., 1934. Кн. 1

Петрушевский, 1966 – Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Л., 1966.

Пигулевская, 1941 – Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

Полянский, 1952 – Полянский Ф.Я. Проблема общины в работах М. М. Ковалевского // Вести. МГУ. 1952. № 7.

Попов, 1870 – Попов И. Ичкерия // ССКГ. 1870. Вып. 5.

Поршнев, 1964 – Поршнев Б.Ф. Принципы социально-этнической психологии. М., 1964.

Пыпин, 1885 – Пыпин А.П. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1885.

Радианов, 1979 – Радианов М.А. Террасное земледелие в Ливане//Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

Радлов, 1861 – Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1861. Т. 4.

Развитие, 1980 – Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.

Робакидзе, 1964 – Робакидзе А.И. Поселение как источник изучения общественного быта. М., 1964.

Робакидзе, 1973 – Робакидзе А.И. Патронимия у народов Кавказа//IX Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук.

Розен, 1830 – Розен Р. Описание Чечни и Дагестана, 1830 // ИГЭД.

Саидов, 1964 – Саидов И.М. Чечено-ингушские карлаги // СЭ. 1964. № 2.

Саидов, 1964 – Саидов И. Этнографические заметки: Мекх Кхел // Изв. Чеч.-Инг. науч.-исслед. ин-та истории, языка и литературы. 1964. Т. 5, вып. 1.

Саидов, 1967 – Саидов М.С. Аварско-русский словарь. М., 1967.

Сандрыгайло, 1899 – Сандрыгайло И.Я. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.

Сборник адатов // Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы. Махачкала, 1968.

Сергеева Г.А. Арчинцы. М., 1967. Семенов, 1976 – Семенов Ю.И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976.

Сергеева, 1967 – Сергеева Г.А. Арчинцы. М., 1967.

Страбон X. 5, 1; Плутарх. Помпеи. XXXV; Плиний Старший // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893, Т. 3, вып. 1.

Строганова, 1975 – Строганова Т.Ю. История говоров русского языка и их современное состояние // Булатова Л.Н., Строганова Т.Ю. О русских народных говорах. М., 1975.

Тамай, 1935 – Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана // Рев. Восток, 1935. № 5.

Тер-Саркисянц А.И. Современная семья у армян Нагорного Карабаха // КЭС. Вып. 6.

Тогошвили, 1980 – Тогошвили Г.Д. Вопросы социального строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1980.

Токарев, 1964 – Токарев С.А. Проблема типа этнических общностей // Вопр. философии. 1964. № 11.

Токарев, Кобищанов, 1973 – Токарев С.А., Кобищанов Ю.М. Предисловие // Община в Африке: Проблемы типологии. М., 1973.

Удальцова, 1965 – Удальцова З.В. Проблемы генезиса феодализма в новейших работах советских ученых // ВИ. 1965. № 2

Умаханов, 1981 – Умаханов М.-С. Политические взаимоотношения союзов сельских обществ Дагестана в XVII–XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в.

Усманов, 1978 – Усманов М. Селение трех богатырей. Махачкала, 1978. На авар. яз.

Фадеев, 1958 – Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII–XIX вв. в новых работах советских историков // ВИ. 1958. № 5;

Феодальные отношения, 1962 – Феодальные отношения в Дагестане в XIX – начале XX в.: Архивные материалы. М., 1962.

Халидова, 1974 – Халидова М. Р. Малые дидактические жанры аварского фольклора. Махачкала, 1974.

Харадзе, 1961 – Харадзе Р. Грузинская семейная община. Тбилиси, 1961.

Хашаев, 1956 – Хашаев Х.-М. О. К вопросу о тухумах, сельских общинах и вольных обществах в Дагестане // Учен. зап. ИИЯЛ. 1956. Т. 1.

Хашаев, 1961 – Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

Хашаев, 1980 – Хашаев Хаджи-Мурад Омарович (1909 – 1971): Библиография. Махачкала, 1980.

Хрисанф, 1958 – Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве // ИГЭД.

Хрестоматия по истории права зарубежных стран. М., 1984.

Цицерон. Государство, 13, 40;

Цицерон. Кателина, 55, 19, 87.

Чибилов, 1981 – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах // Сост. Л. И. Чибилов. Цхинвали, 1981. Вып. 1.

Чикобава, 1974 – Чикобава Арн. Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1974.

Чудакова, 1970 – Чудакова М.О. Эфенди Капиев. М., 1970.

Чурсин, 1927 – Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // Изв. Кавк. ист.-археол. ин-та. Тифлис, 1927. Т. 5.

Шиллинг, 1949 – Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.; Л., 1949.

Шихсаидов, 1969 – Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969.

Шихсаидов, 1969 – Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. М., 1969.

Шихсаидов, 1975 – Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв.: Опыт соц.-экон. характеристики. Махачкала, 1975.

Шихсаидов, 1977 – Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафи // Письменные памятники Востока, 1972. М., 1977.

Шихсаидов, 1979 – Шихсаидов А.Р. Мулк в Дагестане X–XV вв. // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.

Шихсаидов, 1980 – Шихсаидов А.Р. Дагестан в X –XIV вв.: Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1980

Шихсаидов, 1984 – Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

Штернберг, 1902 – Штернберг Л.Я. Убежища и убежищные города // Энцикл. слов./Брокгауз и Ефрон. 1902. Т. 34.

Щеглов, 1976 – Щеглов А. Полис и хора. Симферополь, 1976.

Щербачев, 1958 – Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского // ИГЭД

Юсуфов, 1964 – Юсуфов Р.Ф. Дагестан и русская литература конца XVIII и первой половины XIX в. М., 1964.

Юсуфов, 1970 – Русский романтизм начала XIX в. и национальные культуры. М., 1970.

Юшков, 1938 – Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане // Учен. зап. Сverdл. гос. пед. ин-та. 1938. Вып. 1 (исторический).

Юшков, 1946 – Юшков С.В. К вопросу о дофеодальном «варварском» государстве // ВИ. 1946. № 7

Яковлев, 1925 – Яковлев Н. Ингуши. М.; Л, 1925.

Aglarov, 1972 – Aglarov M. Les avars du Caucase // Les questions fondamentales du pepleu-ment du bassin des Carpathes du VIII au X siecle. Budapest, 1972.

Barton, 1960 – Barton R. F. Ifuago law. Berkley; Los Angeles, 1960.

Cool. Ethnic identity: a Source of Community eastern for the Olderly // Anthropology. Wash., 1981. Vol. 54, N 4.

Furer-Haimendorf C. The Apa Tanis and their neighbors. L., 1962.

Gamba, 1826 – Gamba. Voyage dans la Russie meridional et particulierement dans les provinces, situees au-dela du Caucase, fait depuis 1820 iusqu'en 1824. P., 1826. T. 2

Guldenstadt, 1787 – Guldenstadt J. A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge. St. Peterburg, 1787. T. 1.

Hatton J. H. The Angami Nagas. L., 1921.

Hoffmann O., Scherer A. Geschichte der griechischen Sprache. B., 1969. Bd. 1.

Houndricourt, Delamerre, 1955 – Houndricourt A. G., Delamerre M. J. B. L'homrne et la charrue travers le monde. P., 1955.

Le Tuhfat al-Albab de Abu Hamid al Andaiusi al Garnati adite d'apres les MSS. 2167, 2168, 2170 de la Bibliotheque nationale et la ms. d'Alger, par G. Ferrand // Journal Asiatique. 1925. T. 208.

McLennan, 1865 – McLennan J. F. Primitive Marriage: An Inquiry into the Form of Capture in Marriage Ceremonies. Edinburg, 1865.

Schiefner, 1873 – Schiefner A. Die Awarische Texte // Memoires de l'Academie imperial des sciences de St.-Petersbourg. St-Petersbourg, 1873. T. 19, N 6.

Schmitt R. Einführung in die griechischen Dialekte. Darmstadt, 1977.

Spencer, Hale, 1961 – Spencer J. E., Hale G. A. The Origin, Nature and Distribution of Agricultural terracing//Pacific Viewpoint. 1961. Vol. 2, N 1.

Takács, 1979 – Takács L. «Határt csinálunk belőletek!..» // Különleymat a nyelvtudományi közlémenyk 81. Kötetének 1. Számbol, 1979.

Thouming, 1936 – Thouming R. Geographie humaine de la Sirie Centrale. P., 1936. P. 116.

Vajkai Zsofia, 1980 – Vajkai Zsofia. Ancient agriculture and its implements//Acta Ethnographica ASH. Budapest, 1980. T. 29.

Wheatly, 1965 – Wheatly R. Agricultural terracing // Pacific Viewpoint. 1965. Vol. 6, N 1.

Архивные материалы

Адаты сел. Кахиб, 1662 – Адаты сел. Кахиб // Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1662. Л. 5.

Архив М. Нурмагомедова Араканского.

Историко-этнографический атлас Дагестана, 1982 – Историко-этнографический атлас Дагестана. Т. 3 // Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 528. Л. 78.

Рук. ф., 1662 Л. 4 – Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1662. Л. 4.

Рук. ф. ИИЯЛ, 1662 – Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1662. Л. 5.

Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 16. Док. 461.

РФ. ф. ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65.)

Письмо. – Письмо Араканского джамаата к наибу // Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 16. Док. 611.

Рук. ф. ИИЯЛ. Д. 1662 – Адаты сел. Лъануб // Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1662. Л. 69.

Архив Ин-та этнографии АН СССР. Оп. 10. Д. 318. – Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции собственности на землю у аварцев: Тез. докл., (Москва, апрель 1964 г.) // Архив Ин-та этнографии АН СССР. Оп. 10. Д. 318. Л. 154.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1870. Т. 4.

Полевые записи автора 1981 г.

Чиркеевский дневник. Информация, полученная в Чиркее в 1965 г. (хранится у автора). Л. 80.

Полевой дневник автора за 1981 г. Л. 18–20.

Информатор Омар Гаджи Атрачев, 1903 г. рождения.

ЦГИА СССР. Ф. Ермоловых – ЦГИА СССР. Ф. Ермоловых. Д. 319. Л. 1.

ЦГИА СССР. Ф. 8. – ЦГИА СССР. Ф. 8. Оп. 3. Д. 237. Л. 74.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории (М.)

ВИ – Вопросы истории (М.)

ИГЭД – История, география и этнография Дагестана XVII – XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М. О. Косвена, Х.-М. О. Хашаева (М., 1958)

КЭС – Кавказский этнографический сборник (М.)

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (М.)

Памятники – Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. О. Хашаева (М., 1965)

Рук. ф. ИИЯЛ – Рукописный фонд Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала АН СССР (Махачкала)

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)

ССК Г – Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис)

СЭ – Советская этнография (М.)

Учен. зап. ИИЯЛ – Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала АН СССР (Махачкала)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ	3
ВВЕДЕНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	8
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	9

<i>Глава первая. ИСТОРИОГРАФИЯ. ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ. ИСТОЧНИКИ</i>	12
---	----

1.1.–1.5. Ранняя русская историография общины и общественного строя в Дагестане	12
1.6. Историография периода Кавказской войны	23
1.7. М.М. Ковалевский	24
1.8. Современные исследования по истории общины в Дагестане	30
1.9. К теории общины: марксистская типология	33
1.10. Источники	39

<i>Глава вторая. ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩИНЫ</i>	45
---	----

2.1. Вопросы расселения и исторической демографии ...	45
2.2. Организация территории: основные принципы	48
2.3. Формы поселений	51
2.4. «Мегъ»: структура и планировка	52
2.5. Террасирование полей	60
2.6. «Мегъ»: ирригационные сооружения	64
2.7. Общинный режим водопользования	65
2.8. «Мегъ»: общинная регламентация и режим эксплуатации	69
2.9. Запреты на виноград	73
2.10. Общинная организация хуторского хозяйства	75
2.11. Отражение общинной организации в субструкциях хозяйственных кварталов	78
2.12. Организация пастбищ	81
2.13. Организация пастьбы	85

*Глава третья. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СТРОЙ ОБЩИНЫ* 91

3.1. Частная собственность на землю: вопросы происхождения, источники формирования, дефиниции	91
3.2. Общественные земли	95
3.3. Вакуфная собственность	99
3.4. Феодалная и общинная формы земельной собственности: динамика взаимопревращений, тенденции	101
3.5. Ограничение прав распоряжения частной собственностью на землю	104
3.6. Территориальное деление и территориальные отношения: общие замечания	111
3.7. Способы обозначения границ	112
3.8. Обоснование права на владение территорией	117
3.9. Экстерриториальность	127
3.10. Территориальный строй и его отражение в политическом и административном устройстве ...	131
3.11. Устойчивость территориального строя в исторической перспективе	132
3.12–3.14. Семья	135
3.15.– 3.27. Тухум	143
3.28. Феодалное сословие	162
3.29. Уздени	167
3.30. Райяты	169
3.31. Лаги	170

Глава четвертая. САМОУПРАВЛЕНИЕ: ПРАВО, ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ, ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ 175

4.1. Права и обязанности членов общины	175
4.2. Правовое положение члена общины	180
4.3. Община и отправление культа	183
4.4. Адат: некоторые черты внутриправового строя	187
4.5.–4.7. Адат: черты архаики	190
4.8. Адат: единство основ и множественность форм	197
4.9. Органы власти и формы самоуправления	201
4.10. Кварталы	204
4.11. Управление общиной	206

4.12. Народное собрание	207
4.13. Совет старейшин	210
4.14. Правители	215
4.15. Суд	221
4.16. Мангуш	223
4.17. Исполнители	223
4.18. Предводитель	225
4.19. Реформы	227
4.20. Управление «вольными обществами»	232

**Глава пятая. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
в УСЛОВИЯХ ПОЛИСТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ** 236

5.1. История вопроса	236
5.2. Причины этнолингвистической дифференциации ..	242
5.3. Двуединство этнокультурных процессов в полиструктурной политической системе	251
5.4. Самосознание	252

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	253
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	266
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	285

Мамайхан Агларович Агларов

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В НАГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ
В XVII – НАЧАЛЕ XIX в.

*(Исследование взаимоотношения форм хозяйства,
социальных структур и этноса)*

Утверждено к печати Ученым советом
Институтом истории, археологии
и этнографии ДНЦ РАН

Редактор *Т.Е. Воронина*
Корректор *М. Алюшева*

Подписано в печать 14.02.2014. Формат 60x90 1/16.

Усл. печ. л. 16,85.

Тираж 500 экз. Зак. № 234.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

«Издательство «Наука – Дагестан»
367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10

М.А. Агларов

**СЕЛЬСКАЯ
ОБЩИНА
в Нагорном
Дагестане
в XVII –
начале XIX в.**